

Заклученные по Религиозным и Политическим Мотивам в Узбекистане

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ПРАКТИКИ РЕПРЕССИЙ

UNITED STATES COMMISSION ON INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM

USCIRF'S MISSION

To advance international freedom of religion or belief, by independently assessing and unflinchingly confronting threats to this fundamental right.

Председатель	Nadine Maenza
Заместитель председателя	Nury Turkel
Руководители	Anurima Bhargava James W. Carr Frederick A. Davie Khizr Khan Sharon Kleinbaum Tony Perkins
Исполнительный директор	Erin D. Singhsinsuk

Фотография на обложке: вид из окна камеры в ныне закрытом тюремном комплексе «Жаслык». В августе 2019 года правительство Узбекистана объявило о закрытии пресловутой тюрьмы – места, в котором многие заключенные подвергались пыткам. Здесь содержались многие так называемые «религиозные заключенные», в том числе и те, о ком идет речь в данном отчете. Снимок сделан 28 сентября 2003 года. Шамиль Жуматов REUTERS

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 3 Карта Узбекистана
- 5 Краткий обзор
- 8 Рекомендации
- 10 Методология
- 12 Терминология
- 14 Основные выводы
- 18 Современные группы заключенных по религиозным и политическим мотивам в Узбекистане
- 38 Заключенные по религиозным мотивам, вызывающие озабоченность
- 52 История репрессий по религиозным мотивам в Узбекистане
- 60 Соответствующие международные и национальные правовые нормы
- 67 Благодарность
- 68 Об авторе
- 69 Приложение А. Список пенитенциарных учреждений Узбекистана
- 71 Приложение В. Список организаций, объявленных в Узбекистане террористическими или запрещенными
- 72 Приложение С. Анкета, направленная представителям компетентных государственных органов Узбекистана

Эта страница намеренно оставлена пустой

КАРТА УЗБЕКИСТАНА

Эта страница намеренно оставлена пустой

КРАТКИЙ ОБЗОР

«До сих пор помню, как я стоял на лужайке, когда пришли меня арестовывать. Я тогда и подумать не мог, что проведу в заключении больше половины своей жизни... Они требовали, чтобы я назвал имена членов Хизб ут-Тахрир. Я отказался, и тогда меня сильно избили. Всего за год пятерых членов моей семьи, включая трех родных и двух двоюродных братьев, арестовали и приговорили к тюремному заключению. Я продолжал жить надеждой».

– Рустам Р., Маргилан, Узбекистан, декабрь 2020 г.

Сколько заключенных по религиозным мотивам сейчас отбывают тюремное заключение в Узбекистане? Сколько человек вышло на свободу после смерти бывшего авторитарного президента Ислама Каримова в августе 2016 г.? Эти ключевые вопросы о свободе совести и убеждений, а также о пенитенциарной системе Узбекистана долгое время возглавляли список проблем, вызывающих серьезную обеспокоенность у постоянно подвергающихся нападкам правозащитников Узбекистана, правительства США, Европейского союза и органов ООН, однако за 27-летний период тиранического правления Каримова изучить ситуацию было практически невозможно.

После завершения однолетнего исследования, финансировавшегося Комиссией США по вопросам международной свободы вероисповедания (U.S. Commission on International Religious Freedom, USCIRF), в ходе которого было проведено более 113 углубленных опросов и обширных изысканий среди местного населения Узбекистана, автор этого отчета приходит к выводу о том, что, несмотря на освобождение более чем 1 000 заключенных по религиозным мотивам посредством президентских помилований и в результате истечения сроков их заключения, с конца 2016 г. **правительство Узбекистана продолжает содержать под стражей свыше 2 000 мирных верующих. Этот показатель превышает число всех заключенных по религиозным мотивам во всех бывших советских республиках вместе взятых и является одним из самых высоких в мире.**

Заключенные по религиозным мотивам Узбекистана, как этот термин определен ниже, пребывают в местах лишения свободы по обвинениям в «попытке свержения конституционного строя», хранении или распространении запрещенной литературы либо в членстве в запрещенных группах. Эти положения

уголовного законодательства настолько широки и расплывчаты, что нарушают обязательные международные права и обязанности Узбекистана в области прав человека, в частности в отношении свободы вероисповедания. Следует отметить, что не существует достоверных доказательств того, что заключенные по религиозным мотивам Узбекистана, включая **81 индивидуального заключенного по религиозным мотивам, вызывающего озабоченность (religious prisoners of concern, RPOC)**, истории которых детально рассматриваются в этом отчете, самостоятельно или вместе с другими лицами совершали насильственные действия, угрожали насилием или подстрекали к нему либо осуществляли другие преступные деяния. Невзирая на то, что в период президентства Шавката Мирзиёева в Узбекистане отмечаются отдельные улучшения в показателях свободы вероисповедания, людей в стране по-прежнему лишают свободы по религиозным и политически мотивированным обвинениям.

Авторитарный президент Узбекистана Каримов, долгое время занимавший свой пост, способствовал разработке и внедрению на постсоветском пространстве одних из самых жестких и репрессивных законов об отправлении религиозного культа. С начала 90-х годов XX века и далее по нарастающей к концу десятилетия службы безопасности Каримова отправили за решетку тысячи мирных независимых мусульман, т. е. тех, кто исповедует свою религию, не подчиняясь строгим требованиям государственного контроля. **В самом разгаре преследований по религиозным мотивам в период правления Каримова в местах лишения свободы оказалось от 7 000 до 10 000 узников совести — это больше, чем во всех бывших советских республиках вместе взятых.** Благодаря героическим усилиям правозащитников Узбекистана и других групп, включая российскую правозащитную организацию «Мемориал»,

удалось отследить стремительное увеличение этой категории заключенных по религиозным мотивам, начиная с 1998 г. вплоть до смерти Каримова.

В 2016 г. президент Шавкат Мирзиёев инициировал серию реформ, предусматривающую освобождение определенных категорий заключенных по религиозным и политическим мотивам, а также исключение более чем 20 000 независимых мусульман и их родственников из печально известных «черных списков» лиц, подозреваемых в «религиозном экстремизме». На данный момент по распоряжению правительства Мирзиёева было освобождено более 65 известных политзаключенных и еще большую группу заключенных по религиозным мотивам, численность которой достоверно не установлена. Однако, что касается заключенных по религиозным мотивам, правительство, игнорируя неоднократные призывы органов ООН, так и не обнародовало количество и имена освобожденных и тех, кто по-прежнему находится за решеткой.

Таким образом, цель данного отчета состоит в том, чтобы предоставить достоверную информацию о предполагаемом количестве заключенных по религиозным мотивам в Узбекистане и текущих условиях их содержания под стражей, в частности, установить, сколько из этих людей, начиная с 2016 г., было освобождено и отправлено в тюрьму по бесосновательным обвинениям в «религиозном экстремизме», членстве в запрещенных религиозных группах или в совершении насильственных действий, угрозах насилием или подстрекательстве к нему либо в других уголовных преступлениях. Кроме того, в этом отчете предпринята попытка установить, были ли обвинения против заключенных по религиозным мотивам связаны с мирным отправлением культа или мирным выражением верований и убеждений со стороны этих лиц, или обвинения были произвольными и надуманными, а также оценить усилия правительства Узбекистана в отношении пересмотра приговоров и принятия соответствующих мер.

В сентябре 2020 г. с целью получения достоверных данных о текущем количестве заключенных по религиозным мотивам и лиц, освобожденных с 2016 г., автор отправил отдельным государственным ведомствам Узбекистана анкету и запросы о проведении официальных встреч в Ташкенте, а в ноябре 2020 г. вместе с представителями посольства США встретился с несколькими правительственными чиновниками, ответственными за управление тюрьмами Узбекистана или определение мест для разрешенной религиозной деятельности. Правительство не предоставило

письменные ответы на информационные запросы автора, сославшись на то, что это секретная информация, однако несколько ведомств все же предоставили частичные ответы касательно общей численности заключенных. Автору и USCIRF также было разрешено в будущем посетить тюрьмы и встретиться с заключенными по религиозным мотивам, вызывающими озабоченность.

Представленные в этом отчете количественные и статистические выводы о точном количестве заключенных по политическим и религиозным мотивам в Узбекистане никаким образом не являются окончательными. И все же исследование позволило выявить **неприятные факты о том, что в стране по религиозным и политическим мотивам остается под стражей большое количество людей, которые должны быть немедленно и безусловно освобождены**, в частности отдельные заключенные, о которых идет речь в этом отчете. Помимо количественных показателей, представленных в отчете, исследование выявило несколько существенных тенденций и моделей попрания прав заключенных по религиозным мотивам.

Во-первых, подавляющее большинство отдельных заключенных, истории которых рассматриваются в этом отчете, сделали заслуживающие доверия заявления о **пытках и жестоком обращении**, а также об отказе в надлежащем судопроизводстве или возможности пользоваться помощью адвоката при аресте и во время судебного разбирательства. Кроме того, на примере этих случаев наблюдается возмутительная практика **произвольного продления сроков заключения и вынесения новых приговоров** заключенным по религиозным мотивам в период их содержания под стражей.

Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев имеют место шокирующие сроки содержания под стражей, присуждавшиеся и присуждаемые заключенным по религиозным мотивам Узбекистана. Половина или более половины заключенных, осужденных за время правления Каримова, были освобождены или помилованы, но тысячи заключенных по религиозным мотивам по-прежнему находятся в тюрьмах, отбывая более чем 20-летние сроки. Таким образом, приговоры для заключенных по религиозным мотивам Узбекистана являются одними из самых продолжительных в мире.

В-третьих, помимо пыток, вынесения новых приговоров и продления сроков наказания, репрессии **зачастую охватывают целые семьи** и распространяются на несколько их поколений.

В-четвертых, исследование подтверждает, что огромное количество заключенных по религиозным мотивам Узбекистана отбывают длительные тюремные сроки на основании *одних только* подозрений в членстве в запрещенных группах, без достоверных доказательств совершения заключенными насильственных действий или другой преступной деятельности либо причастности к таким деяниям.

В-пятых, исследование позволило установить, что репрессии в отношении верующих также имеют **транснациональный характер**. Многие из нынешних заключенных были принудительно репатриированы, в

некоторых случаях с нарушением надлежащей правовой процедуры и других норм в области прав человека.

Наконец, уголовное и административное законодательство Узбекистана, на протяжении десятилетий используемое властями для притеснения не только мирных верующих, но и своих политических оппонентов, по-прежнему ограничивает свободу совести, вероисповедания и выражения мнений, гарантированную Конституцией Узбекистана, Международным пактом о гражданских и политических правах (МПГПП) и рядом других обязательных международных соглашений.

РЕКОМЕНДАЦИИ

USCIRF рекомендует правительству США сотрудничать с правительством Узбекистана, чтобы гарантировать выполнение Узбекистаном следующих задач:

- **освобождение** всех лиц, лишенных свободы по религиозным или политически мотивированным обвинениям (статьи 159, 216, 216-1, 216-2, 244-1 и 244-2 Уголовного кодекса) и другим соответствующим обвинениям, включая всех лиц, истории которых освещаются в этом отчете.
- **Проведение** скорейшего тщательного независимого пересмотра судебных решений по делам всех лиц, осужденных по другим статьям Уголовного кодекса, которые вызывают серьезную обеспокоенность с точки зрения свободы вероисповедания и прав человека, в частности решений по статьям 155, 156, 157, 158, 160, 242 Уголовного кодекса, причем такой пересмотр должен быть выполнен отдельно по этим статьям или в сочетании с указанными выше статьями, а также проведение **пересмотра** всех обвинительных приговоров, которые были вынесены на основании одних признаний, с учетом того, что многие из них могли быть получены посредством пыток или жестокого обращения.
- **Опубликование** или, учитывая требования конфиденциальности, **предоставление** международным партнерам и правозащитным органам полного списка всех лиц, осужденных в Узбекистане по перечисленным выше статьям Уголовного кодекса, в частности сведений, по которым можно установить личность: полного имени, места рождения, даты рождения, даты ареста, даты осуждения и срока наказания осужденного, а также всех обвинений, по которым он был осужден, места его содержания под стражей или даты освобождения, и **опубликование** или **предоставление** соответствующим партнерам полного списка всех лиц, осужденных по указанным статьям, **которые были освобождены** на основании президентских указов об амнистии или помиловании.
- **Отмена репрессивных положений действующего Уголовного кодекса Узбекистана и предложенных поправок к нему**, которые используются для осуждения людей по религиозным или политически мотивированным обвинениям, включая ст. 159 («Антиконституционная деятельность»), ст. 216 («Незаконное создание общественных объединений или религиозных организаций»), ст. 216-1 («Побуждение к участию в деятельности незаконных общественных объединений или религиозных организаций»), ст. 216-2 («Нарушение законодательства о религиозных организациях»), ст. 244-1 («Изготовление и распространение материалов, представляющих угрозу для общественной безопасности и общественного порядка»), ст. 244-2 («Создание религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или других запрещенных организаций, руководство их деятельностью или участие в ней»), **и обеспечение недопущения неправомерного применения других положений закона для произвольного продления сроков наказания для заключенных по религиозным мотивам**, в частности ст. 155 («Террористическая деятельность»), ст. 156 («Подстрекательство»), ст. 157 («Государственная измена»), ст. 158 («Преступления против Президента»), ст. 160 («Шпионаж») и ст. 242 («Создание преступной группы»), с учетом международных обязательств Узбекистана в области прав человека.
- **Утверждение политики возмещения вреда или реабилитации заключенных по религиозным и политическим мотивам или незаконно осужденных лиц** в рамках более широкой политики правосудия переходного периода в Узбекистане путем создания для выполнения своего мандата абсолютно независимой комиссии, в состав которой должны войти представители гражданского общества и сторонние эксперты, в соответствии с положениями ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса Узбекистана о реабилитации и предоставлении соответствующей компенсации жертвам нарушений прав человека.
- **Устранение в соответствии с международными стандартами законодательные барьеров для регистрации и работы независимых неправительственных организаций (НПО)**, в частности специализирующихся на вопросах свободы вероисповедания и в сфере уголовного правосудия.

- **Полное выполнение** рекомендаций Комитета ООН по правам человека (от 2020 г.), Комитета ООН против пыток (от 2019 г.), Специального докладчика ООН по вопросам свободы вероисповедания и убеждений (от 2018 г.), Специального докладчика ООН по вопросу независимости судей и адвокатов (от 2019 г.) и

совместного заключения Венецианской комиссии/ БДИПЧ (от 2020 г.) о внесении изменений в недавно принятый закон «О свободе совести и религиозных организациях» (далее — законодательство о вероисповедании).

МЕТОДОЛОГИЯ

За основу этого отчета взяты данные более чем 113 детальных опросов бывших заключенных по религиозным и политическим мотивам, которые были недавно освобождены, членов семей нынешних заключенных, а также правозащитников, журналистов, юристов, правительственных чиновников, религиозных деятелей, представителей международных и прочих экспертов. Опросы были проведены в период с июля 2020 г. по август 2021 г. Семьдесят три из этих опросов состоялись в ходе личных встреч с респондентами в рамках исследовательской миссии в Узбекистане с октября по декабрь 2020 г. Еще 40 опросов были проведены до и после исследовательской миссии по телефону с людьми, находившимися в Узбекистане и других странах, в частности в Казахстане, Кыргызстане, России, Таджикистане, Турции и США, где сейчас проживают бывшие заключенные, родственники нынешних заключенных, их адвокаты и другие активисты.

Автор проводил опросы на английском и русском языках, которыми он свободно владеет. Некоторые опросы проводились на узбекском языке при участии переводчика (носителя узбекского языка), который выполнял перевод на английский и русский языки. Каждому респонденту автор объяснил цель опроса и то, как будет использоваться собранная информация. Вознаграждение за участие в опросе не предлагалось и не выплачивалось.

В целях обеспечения безопасности каждого респондента автор сообщил всем своим собеседникам, что в отчете они могут быть представлены анонимно, из отчета можно исключить информацию, позволяющую установить их личность, или можно вообще не упоминать в отчете их истории. Опросы проводились почти во всех регионах Узбекистана. Что касается респондентов из районов, в которые автор приехать не мог, были приняты меры, чтобы пригласить этих людей в столицу страны Ташкент. Всем респондентам была предоставлена информация о цели исследования и о том, как будут использоваться их сведения. Респондентам сообщили о добровольном характере участия в опросе и о том, что они могут отказаться от опроса, отказаться отвечать на любой вопрос и прекратить участие в опросе в любой момент.

В разделах отчета, в которых речь идет о личных или телефонных опросах, проведенных на территории Узбекистана, намеренно не указаны некоторые имена, даты и местонахождение источников. В отчете приведены настоящие имена большинства респондентов, однако имена некоторых людей не разглашаются для обеспечения их безопасности или по их просьбе. Каждому такому респонденту был присвоен псевдоним, состоящий из случайно выбранного имени, после которого следует инициал, совпадающий с первой буквой имени (например, «Алишер А.»). Опросы проводились в разных местах с участием респондентов, которые никогда не общались друг с другом, но их рассказы очень схожи между собой.

В сентябре 2020 г. с целью получения достоверной официальной информации о текущем количестве лиц, лишенных свободы по обвинениям в «антиконституционной деятельности» и другим обвинениям, связанным с «религиозным экстремизмом», о числе лиц, лишенных свободы по этим обвинениям и освобожденных с 2016 г., а также сведений по другим связанным темам автор отправил анкету и запросы о проведении официальных встреч в Ташкенте отдельным государственным ведомствам Узбекистана, включая Главное управление исполнения наказаний, Министерство внутренних дел, Генеральную прокуратуру, Министерство юстиции, Национальный центр по правам человека, Аппарат Уполномоченного по правам человека, Управление мусульман Узбекистана (муфтият) и Государственный комитет по делам религий.

В ноябре 2020 г. автор вместе с представителями посольства США встретился с сотрудниками упомянутых выше государственных ведомств, каждое из которых несет непосредственную ответственность за управление тюрьмами Узбекистана, защиту прав человека или участвует в определении мест для разрешенной религиозной деятельности.

Несмотря на то, что государственные чиновники Узбекистана не предоставили письменные ответы на вопросы анкеты (см. приложение С), сославшись на то, что это секретная информация, некоторые ведомства предоставили частичные ответы на вопросы об общей численности заключенных и условиях содержания в тюрьмах. Автору отчета и USCIRF также было

разрешено в будущем посетить тюрьмы и встретиться с заключенными, вызывающими озабоченность. Ранее, в декабре 2018 г., при содействии Министерства иностранных дел и Аппарата Уполномоченного по правам человека автор, который тогда был представителем организации Human Rights Watch, посетил две тюрьмы строгого режима и опросил заключенных об условиях их заключения.

Автором был выполнен углубленный обзор соответствующих уголовных норм Узбекистана и законов страны о религии и экстремизме, обеспечивающих законодательную основу для криминализации инакомыслия, свободного вероисповедания и убеждений. Ввиду отсутствия официальных данных о категориях нынешних заключенных и лиц, освобожденных с 2016 г., автор также опросил людей, недавно вышедших на свободу, и родственников нынешних заключенных для оценки общего количества узников сети тюрем Узбекистана (закрытых тюрем и открытых колоний-поселений) и лиц, которые содержатся в каждом учреждении по обвинениям по ст. 159, 216, 216-1, 216-2, 244-1, 244-2 и по другим соответствующим уголовным законам.

Кроме того, автор ознакомился с судебными обвинениями и приговорами лиц, осужденных по политическим и религиозным мотивам, сообщениями в прессе, включающими в себя заявления правительства, официальной статистикой о заключенных и отчетами органов ООН. Некоторые из этих документов были

предоставлены членами семей заключенных и местными правозащитниками. Судебные документы послужили подтверждением модели и практики вынесения приговоров по политическим или религиозным мотивам, о которых идет речь в отчете. Еще одним важным источником данных для оценки численности заключенных по религиозным и политическим мотивам, который использовался в ходе исследования, является обширное, многотомное собрание тысяч отдельных дел, составленное за многие годы ведущей российской правозащитной организацией «Мемориал», упоминания о которой содержатся в сносках этого отчета.

За некоторыми из описанных в этом документе делами автор следит в течение многих лет. О других делах автор узнал от коллег и правозащитных организаций, работающих в стране и за ее пределами, в частности от Агзама Тургунова, Ахмаджона Мадмарова, Amnesty International, Ассоциации прав человека в Центральной Азии, Комитета защиты журналистов, группы «Эзгулик», организаций Forum 18 и Frontline, Общества прав человека Узбекистана, Альянса за права человека, группы Нуқуқи Тауанч, Инициативной группы независимых правозащитников (возглавляемой ныне покойным Суражом Икрамовым), Международной федерации прав человека (International Federation for Human Rights, FIDH), Джахонгира Кулиджанова, организации «Мемориал», Виталия Пономарева и других не упомянутых здесь лиц. Эти люди и организации внесли неоценимый вклад в данное исследование.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ И РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ

В этом отчете используется термин «политзаключенный/ заключенный по политическим мотивам», определенный в резолюции № 1900 Парламентской ассамблеи Совета Европы (2012 г.).¹ Узбекистан не является стороной упомянутой в определении Европейской конвенции о правах человека и основных свободах (ЕКПЧ), поэтому в этом отчете используется термин, установленный в Международном пакте о гражданских и политических правах (МПГПП), который был подписан Узбекистаном. Определение, представленное в МПГПП, содержит практически такие же ключевые права, включая свободу мысли, совести и вероисповедания, выражения мнений, мирных собраний и ассоциаций, что и ЕКПЧ (статьи 18, 19, 21, 22 МПГПП).²

В этом отчете термин «политически мотивированный» используется для характеристики обвинений, судебного преследования и тюремного заключения верующих и религиозных деятелей, активистов-правозащитников, политических оппозиционеров, журналистов, лиц, обвиняемых в критике правительства, и других людей, поскольку ненасильственное выражение ими своих религиозных убеждений, политических взглядов или мнений по важным в политическом отношении вопросам разными способами привело их судебному преследованию со стороны государства. В этом определении «религиозно мотивированные» обвинения также являются «политически мотивированными»

и составляют подкатегорию более широкой группы обвинений, подпадающих данное определение.

Термин «заключенный по религиозным мотивам» не имеет точного определения в международном праве. Здесь он используется для описания *подкатегории общей группы политзаключенных* Узбекистана — случаев, в которых осуществление свободы вероисповедания или убеждений было катализатором или предпосылкой для судебного преследования со стороны государства. Для большей ясности отметим, что *заключенные по религиозным мотивам считаются политзаключенными*. Они были заключены под стражу на основании положений Уголовного кодекса Узбекистана по таким обвинениям, как «антиконституционная деятельность» (ст. 159), участие в «запрещенных религиозных экстремистских» группах или хранение «запрещенной литературы» (статьи 216, 242 и 244). Эти положения настолько обширны или расплывчаты, что абсолютно несовместимы с международными нормами в области прав человека.

¹ Резолюция № 1900 Парламентской ассамблеи Совета Европы (2012 г.) гласит: «Лицо, лишенное личной свободы, считается «политическим заключенным»: а. если лишение свободы было применено в нарушение одного из основных прав, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека (ЕКПЧ) и Протоколами к ней, в частности свободы мысли, совести и вероисповедания, свободы выражения мнения и информации, а также свободы собраний и объединений; б. если лишение свободы было применено по явно политическим мотивам без связи с каким-либо правонарушением; с. если по политическим причинам продолжительность и условия заключения явно несоразмерны с правонарушением, в котором лицо было признано виновным или подозревается; d. если лицо лишено свободы по политическим мотивам на дискриминационной по сравнению с другими лицами основе; или e. если лишение свободы является результатом явно несправедливого разбирательства, что, по всей видимости, связано с политическими мотивами властей» (SG/inf(2001)34, п. 10) (курсив наш).

² Таким образом, лицо, лишенное свободы, подпадает под определение «политический заключенный», если:

1. лишение свободы было применено в нарушение основных прав, гарантированных МПГПП, включая свободу мысли, совести и вероисповедания; свободу выражения мнений, свободу мирных собраний и свободу объединений;
2. лишение свободы было применено по явно политическим мотивам без связи с каким-либо правонарушением;
3. по политическим причинам продолжительность и условия заключения явно несоразмерны с правонарушением, в котором лицо было признано виновным или подозревается;
4. лицо лишено свободы по политическим мотивам на дискриминационной по сравнению с другими лицами основе;
5. лишение свободы является результатом судебного разбирательства, проведенного с явным нарушением процессуальных гарантий по политическим мотивам властей.

Предположение о том, что лицо является «политическим заключенным», требует подтверждения доказательствами *prima facie* (т. е. представляющимися обоснованными на первый взгляд) и может быть пересмотрено, если правительство докажет, что решение полностью соответствует МПГПП, что были соблюдены принципы соразмерности и недопущения дискриминации, и что лишение свободы является результатом справедливого судебного разбирательства.

НЕЗАВИСИМЫЕ МУСУЛЬМАНЕ

Используемый в этом отчете термин «независимые мусульмане» означает мусульман, которые исповедуют ислам, не подчиняясь строгим требованиям государственного контроля, в частности установленным государством нормам отправления религиозных обрядов, выражения мнений или убеждений. Эта группа составляет основу заключенных Узбекистана по религиозным мотивам, которые были арестованы и обвинены в экстремизме, начиная с конца 90-х годов прошлого века и по настоящее время, хотя сейчас это происходит не так массово. «Независимый» не обязательно означает человека, отказавшегося от традиционных норм отправления религиозных обрядов, намеревающегося присоединиться к политической оппозиции или свергнуть правительство. Вернее, эти люди рассматриваются государством как по сути своей подозрительные, потому что они выражают свои религиозные убеждения, выходя за специально установленные рамки. Притеснение независимого ислама государством, скорее, нацелено на мусульман, которые не оказывали никакого сопротивления властям, но все равно считались «слишком набожными», а значит, бунтарскими.

Термины, касающиеся содержания в тюрьмах

Этот отчет посвящен только *заключенным*, т. е. лицам, лишенным личной свободы против их воли после осуждения за преступления. Сюда не входят *задержанные*, т. е. лица, которые содержатся под стражей, но еще не были осуждены за преступления. Таким образом, исследование включает в себя только данные об обращении с заключенными и условиях их содержания в тюрьмах, а не в учреждениях временного содержания под стражей или в следственных изоляторах. Сокращения, используемые в отчете, относятся к закрытым тюрьмам, колониям исполнения наказаний (КИН) и открытым колониям-поселениям (КП). Недавно государство изменило нумерацию тюрем Узбекистана, действовавшую еще с советских времен, в которой использовалась последовательность двух двузначных цифр (64/46), на систему порядковой нумерации от № 1 до № 51. В стремлении предоставить максимально полную информацию, которая могла бы помочь установить местонахождение того или иного заключенного, автор отчета использует как старую, так и новую системы нумерации.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Недавно опубликованные правительственные данные, сведения, полученные в ходе местных опросов государственных чиновников, бывших заключенных, недавно вышедших на свободу, адвокатов, правозащитников и родственников нынешних узников, проведенные в период с июля 2020 г. по август 2021 г., а также результаты изучения судебных документов показывают, что, **несмотря на освобождение тысяч заключенных с конца 2016 г., вопреки международным обязательствам Узбекистана, власти страны по-прежнему держат под стражей около 2 000 человек, осужденных по расплывчатым и чрезмерно широким обвинениям в «попытке свержения конституционного строя», хранении запрещенной литературы или членстве в запрещенных группах.**

Как сообщается в отчете, судя по общему приближенному числу заключенных по религиозным и политическим мотивам, которые находятся в закрытых тюрьмах Узбекистана (1 176) и колониях-поселениях (1 000), в тюрьмах страны продолжают отбывать свои сроки **примерно 2 176 заключенных по религиозным мотивам (1 176 + 1 000 = 2 176), или приблизительно 2 200 человек.** По состоянию на конец 2020 г. в 43 тюрьмах Узбекистана официально содержалось 22 867 заключенных. 18 из 43 тюрем являются «закрытыми колониями» (так называемыми «зонами»), а 25 — открытыми «колониями-поселениями» — пенитенциарными учреждениями, в которые заключенных переводят после того, как они отбудут определенную часть своего срока, и где им предоставляется больше личного пространства, а также возможности для выездной работы, посещений и общения. Приблизительный показатель (2 200 человек) был получен по результатам опросов бывших заключенных по религиозным и политическим мотивам, недавно вышедших на волю, регулярно посещающих пенитенциарные учреждения родственников нынешних узников, адвокатов и правозащитников, а также встреч автора с правительственными чиновниками Узбекистана и обзора официальных правительственных пресс-релизов об освобождении заключенных и количестве лиц, которые остаются в местах лишения свободы. Если предположить, что это более или менее точная оценка, это значит, что **заключенные по религиозным мотивам**

составляют приблизительно 10 % всех заключенных Узбекистана.

Большой объем данных, собранных автором в ходе опросов, помог установить приблизительное количество лиц, которые в настоящее время находятся в заключении по религиозным и политически мотивированным обвинениям. **В подавляющем большинстве случаев, включая дела 81 нынешнего заключенного по религиозным мотивам, о которых идет речь в этом отчете, отсутствуют достоверные доказательства того, что человек самостоятельно или вместе с другими лицами совершал насильственные действия, угрожал насилием или подстрекал к нему либо осуществлял другие преступные деяния.** Таким образом, дела заключенных по религиозным и политическим мотивам вызывают **серьезную озабоченность в плане прав человека и свободы вероисповедания**, и государство должно срочно провести пересмотр данных дел с целью **немедленного и безусловного освобождения этих людей.** Кроме того, приоритетное внимание этим делам следует уделить международным партнерам Узбекистана, в частности правительству США, ЕС, Великобритании, органам ООН и дипломатическим миссиям в Узбекистане.

Помимо количественных показателей, представленных в отчете, исследование выявило несколько существенных тенденций и моделей попражнения прав заключенных по религиозным мотивам.

Во-первых, большинство отдельных заключенных, истории которых рассматриваются в этом отчете, сделали заслуживающие доверия заявления о **пытках и жестоком обращении**, а также об отказе в надлежащем судопроизводстве или возможности пользоваться помощью адвоката при аресте и во время судебного разбирательства. Кроме того, на примере этих случаев наблюдается возмутительная практика **произвольного продления сроков заключения и вынесения новых приговоров** заключенным по религиозным мотивам во время их содержания под стражей. В частности, несмотря на отмену печально известной статьи 221 — нормы уголовного права, которая в период правления Каримова часто использовалась для произвольного продления сроков лишения свободы для заключенных по религиозным и политическим мотивам — **значительное число этих заключенных в Узбекистане по-прежнему**

содержатся под стражей вследствие того, что, пока эти люди находились в тюрьме, они были осуждены на новые сроки. Вынесение новых приговоров осуществляется в нарушение норм справедливого судебного разбирательства.

Конкретные данные о новых приговорах для заключенных по религиозным мотивам не были предоставлены правительством. Однако исследование показало, что приговоры, предусматривающие новые тюремные сроки от 6 до 18 лет, были вынесены многим заключенным, осужденным по ст. 159, 216, 244 и другим статьям Уголовного кодекса Узбекистана, связанным с экстремизмом. Таким образом, в этом отчете правительству рекомендовано в срочном порядке пересмотреть дела всех нынешних заключенных, которым на основании ст. 221 были продлены сроки или вынесены новые приговоры, пока эти люди содержались под стражей.

В числе нынешних заключенных, упомянутых в данном отчете, которым были вынесены новые длительные сроки по сфабрикованным обвинениям, **Файзулла Агзамов, Джахонгир Камолов, Тохир Джуманов, Миразиз Мирзахмедов, Равшан Каримов, Джамшидбек Атабеков, Шамсиддин Гиясов, Рустам Носиров, Турназар Бойматов, Забихулло Муминов, Машрап Рабиев, Номоз Нормуродов, Бахромжон Иногомов, Шухрат Усманов, Эркинжон Орипов, Нематулло Ибрагимов** и многие другие люди, о которых идет речь в этом отчете. **Нематулло Ибрагимов** был трижды в разное время осужден по обвинению в «антиконституционной деятельности» (ст. 159). Невообразимо, но с момента вынесения приговора **Авазу Тохтаходжаеву** в 1999 г. срок его тюремного заключения продлевался целых пять раз.

Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев имеют место шокирующие сроки содержания под стражей, присуждавшиеся и присуждаемые заключенным по религиозным мотивам Узбекистана. Половина или более половины заключенных, осужденных за время правления Каримова, были освобождены или помилованы, но тысячи заключенных по религиозным мотивам по-прежнему находятся в тюрьмах. Существенное количество людей были отправлены за решетку в начале 2000-х годов. К настоящему времени они отбыли в тюрьме более 20 лет. Большинство дел относятся к эпохе правления Каримова, однако существенное число граждан также оказались в заключении за время президентства Мирзиёева. Среди них **Умар Бадалов** (арестован в 2017 г.), **Мухаммад Рашидов** (2018 г.) и многие другие. Факт пребывания

за решеткой бывшего дипломата **Кадыра Юсупова**, арестованного по политически мотивированным обвинениям в государственной измене в декабре 2018 г., вызывает серьезную обеспокоенность в плане свободы вероисповедания и прав человека, тем более что в тюрьме он был наказан за то, что просил заключенных соблюдать пост в период Рамадана.

Большинство из 81 заключенных, истории которых рассматриваются в этом отчете, отбыли или отбудут более 15, 20 или даже 25 лет в результате обвинений по религиозным мотивам, таким образом, заключенные по религиозным мотивам Узбекистана отбывают одни из самых длительных в мире сроков, связанных с религиозными убеждениями. Один этот факт требует безотлагательного внимания со стороны органов по правам человека.

К примеру, рассмотрим случай **Файзуллы Агзамова**. Он находится за решеткой с 2001 года. Если ему доведется отсидеть весь свой срок, а именно 30 лет, он может быть признан отбывшим самый длительный из известных политически мотивированных тюремных сроков в мире. Если заключенному по религиозным мотивам **Авазу Тохтаходжаеву**, который находится в тюрьме с 1999 г., доведется отсидеть свой полный срок, он пробудет за решеткой 25 лет. Бывший заключенный по религиозным мотивам **Хабибулла Мадмаров**, освобожденный в июне 2021 г., был арестован в декабре 1999 г., стало быть, он отсидел более 21 года.

В-третьих, помимо пыток, вынесения новых приговоров и продления сроков наказания, репрессии **зачастую охватывают целые семьи** и распространяются на несколько их поколений. Заключенные по религиозным мотивам, отправленные в тюрьму во время правления Каримова, нередко отбывали наказание вместе со своими родственниками нескольких поколений, среди которых были их родные братья и сестры, родители и дети, что равносильно коллективному наказанию. Эта ситуация прослеживается в делах заключенных по религиозным мотивам **Файзуллы Агзамова, Мухаммада Рашидова, Равшана Игамбердиева, Искандара Искандарова** и **Мухамаджона Ахмаджонова**. В других случаях некоторые заключенные по религиозным мотивам были арестованы, отбыли свои сроки, были освобождены или амнистированы, а затем вновь арестованы и осуждены спустя годы или десятилетия по очень похожему сфабрикованному обвинению.

В-четвертых, исследование подтверждает, что огромное количество заключенных по религиозным мотивам Узбекистана отбывают длительные тюремные сроки

на основании одних только подозрений в членстве в запрещенных группах, без достоверных доказательств совершения заключенными насильственных действий или другой преступной деятельности либо причастности к таким деяниям. Ежегодно происходят десятки арестов подозреваемых в членстве в партии «Хизб ут-Тахрир». Как и на заре правления Каримова, власти продолжают криминализировать подозреваемых сторонников Хизб ут-Тахрир и других запрещенных групп на основании подозрений, а не доказательств причастности этих лиц к насильственным действиям или попыткам их совершения. Другими словами, правительство рассматривает мирных мусульман как радикалов и воинствующих экстремистов только по причине их религиозных убеждений.

Из формулировок, используемых в официальных объявлениях о помиловании, четко следует, что заключенные по религиозным мотивам считаются лицами, которые были «введены в заблуждение», «обмануты» или являются «жертвами» экстремистских групп, а не расплывчатой и чрезмерно широкой политики властей, касающейся заключения людей под стражу из-за их вероисповедания. Эти формулировки только подтверждают вывод о том, что правительство Узбекистана отправляет за решетку мирных членов запрещенных групп, которые не совершали никаких насильственных действий. По сути, политика правительства Узбекистана заключается в освобождении заключенных по религиозным или политическим мотивам при условии признания ими своей вины, которое во многих случаях эти люди могут воспринимать как измену собственным религиозным убеждениям, при этом власти освобождаются от обязательства расследовать прошлые и существующие проблемы, собственно послужившие причиной незаконного лишения этих людей свободы. Несомненно, правительство должно пересмотреть все дела, в которых основанием для возникновения уголовной ответственности является членство в группах, считающихся правительством Узбекистана «экстремистскими» или «террористическими». Результатом такого пересмотра должно стать немедленное освобождение этих узников.

Международная исламская академия, Ташкент, Узбекистан © Стив Свердлов (Steve Swerdlow), октябрь 2020 г.

В-пятых, исследование позволило установить, что репрессии в отношении верующих также имеют **транснациональный характер**. Многие из нынешних заключенных были принудительно репатриированы, в некоторых случаях с нарушением надлежащей правовой процедуры и других норм в области прав человека. В числе этих лиц **Мухамаджон Акмалджон оглы Ахмаджонов**, экстрадированный из Объединенных Арабских Эмиратов, и **Умар Бадалов**, арестованный после возвращения из России, где он был трудовым мигрантом. Бывшие заключенные по религиозным мотивам сообщили автору, что статус иностранца или связь с иностранным правительством или организацией нередко использовались властями для составления сфабрикованных признаний, которые в таких случаях были вынуждены делать арестанты.

Наконец, уголовное и административное законодательство Узбекистана, на протяжении десятилетий используемое властями для притеснения не только мирных верующих, но и своих политических оппонентов, по-прежнему жестко ограничивает свободу совести, вероисповедания и выражения мнений, в т. ч. право на встречи или отправку религиозных обрядов вместе с другими лицами, на изучение или распространение своих убеждений, а также на владение религиозной литературой или другими материалами, гарантированные Конституцией Узбекистана, Международным пактом о гражданских и политических правах (МПГПП) и рядом других обязательных международных соглашений.

Нечеткие определения понятий экстремизма и терроризма и детально разработанный сборник положений Уголовного кодекса, пересекающихся с законодательством Узбекистана о вероисповедании, служат для властей простым инструментом для преследования верующих и других лиц. Многие положения Уголовного кодекса Узбекистана, в частности предложенные в марте 2021 г. поправки касательно «религиозного экстремизма» и «антиконституционной деятельности», настолько расплывчаты и обширны, что идут вразрез с международным правом в области прав человека. По мнению автора и таких ведущих правозащитных групп, как «Мемориал», приговоры лицам, лишенным свободы по данным обвинениям, являются незаконными и, следовательно, должны быть прекращены или отменены на одном лишь этом основании.

Пока этот отчет готовился к публикации, в Узбекистане выполнялся пересмотр законодательства о вероисповедании и Уголовного кодекса. По сути, этот пересмотр повлек за собой незначительную реформу правовой базы Узбекистана, предусматривающую чрезвычайно ограничительные и карательные методы в данных вопросах. Кроме того, в марте 2021 г., за семь месяцев до президентских выборов, президент подписал ряд постановлений, которые расширили действие существующего уголовного законодательства на платформы социальных сетей и предусматривают наказание за «общественные беспорядки». Серьезную озабоченность вызывает тот факт, что эти постановления еще больше ограничивают свободу вероисповедания и выражения мнений и могут использоваться для продолжения практики заключения в тюрьму независимых мусульман и других лиц.

СОВРЕМЕННЫЕ ГРУППЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ В УЗБЕКИСТАНЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ТЮРЬМАХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Пенитенциарная система Узбекистана находится в ведении Министерства внутренних дел (МВД), а управление ею осуществляет Главное управление исполнения наказаний (чаще обозначаемое русской аббревиатурой ГУИН) при МВД. 22 мая 2020 г. Кабинет министров издал постановление, предписывающее МВД публиковать информацию о количестве лиц, которые содержатся в пенитенциарных учреждениях и следственных изоляторах; количество пенитенциарных учреждений и следственных изоляторов; сведения о видах промышленных товаров, производимых в пенитенциарных учреждениях, и о денежной стоимости этих товаров; количество лиц, умерших в период их содержания в пенитенциарных учреждениях и следственных изоляторах; количество осужденных, пребывающих в пенитенциарных учреждениях, к которым были применены принудительные меры медицинского характера.³

На основании Постановления Кабинета министров № 316, автор этого отчета и сотрудники посольства США обратились в ГУИН Узбекистана с просьбой о встрече с его представителями. В ноябре 2020 г. на тот момент глава ГУИН Бахромбек Адылов встретился с автором и представителями посольства США для обмена информацией о количестве заключенных по религиозным и политическим мотивам в Узбекистане.⁴ Адылов сообщил, что по состоянию на 27 ноября 2020 г. в пенитенциарной системе было

22 867 заключенных. Именно этот показатель был обнародован в августе 2020 г.⁵

В Узбекистане 43 тюрьмы и 11 следственных изоляторов.⁶ Восемнадцать из 43 тюрем являются «закрытыми колониями» (так называемыми «зонами»), а 25 — открытыми «колониями-поселениями» — пенитенциарными учреждениями, в которые заключенных переводят после того, как они отбудут определенную часть своего срока, и где им предоставляется больше личного пространства, а также возможности для выездной работы, посещений и общения.⁷ (Список закрытых колоний и колоний-поселений приведен в приложении А.)

В числе закрытых колоний имеются колонии общего режима, колонии строгого режима и одна колония «особого» режима.⁸ У МВД есть отдельное тюремное учреждение для женщин (в Зангиотинском районе), а также отдельные тюрьмы для несовершеннолетних и лиц с туберкулезом.⁹ По данным МВД, по состоянию на конец 2020 г. пенитенциарные учреждения страны были заполнены на 56 %. Из почти 23 000 заключенных, пребывающих в 43 тюрьмах Узбекистана, свыше 14 000 человек отбывают наказание в 18 закрытых колониях, и более 7 000 человек содержатся в 25 колониях-поселениях.¹⁰

В закрытых колониях заключенные в основном содержатся в бараках — отдельных зданиях или группах зданий с большими общественными помещениями, в которых люди живут и спят, а не в изолированных тюремных камерах, характерных для печально известной

³ См. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 22 мая 2020 г. № 316.

⁴ Опрос начальника Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) Бахромбека Адылова, Ташкент, 27 ноября 2020 г.

⁵ См. также статью от 17 января 2021 г. «В Узбекистане обнародовано количество заключенных», <https://kun.uz/ru/05654825>.

⁶ Опрос начальника Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) Бахромбека Адылова, Ташкент, 27 ноября 2020 г.

⁷ Опрос начальника Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) Бахромбека Адылова, Ташкент, 27 ноября 2020 г.

⁸ «На основах гуманизма: Деятельность уголовно-исполнительной системы Республики Узбекистан, *Народное слово*, сентябрь 2000 г. «Общий режим» примерно означает базовый уровень охраны, «строгий режим» — средний уровень, а «особый режим» — максимальный уровень охраны. Тип назначаемого режима зависит от прошлых судимостей заключенного и типа совершенного им преступления, а также определяет уровень его привилегий.

⁹ Там же.

¹⁰ См. также статью от 17 января 2021 г. «В Узбекистане обнародовано количество заключенных», <https://kun.uz/ru/05654825>.

колонии Жаслык, прекратившей свою работу. Двадцать пять открытых колоний-поселений Узбекистана организованы иначе, и в них содержится меньшее число заключенных.

Официальное число заключенных, которые содержатся в тюрьмах Узбекистана, т. е. 22 867 человека, означает, что на каждые 100 000 граждан страны приходится 67 заключенных. Однако сюда не входят лица, пребывающие в 11 следственных изоляторах Узбекистана, включая СИЗО Службы государственной безопасности (СГБ) Узбекистана. Официальные данные о количестве лиц, находящихся в досудебном заключении в Узбекистане, ни в общем, ни по каждому учреждению, не публиковались.

15 августа 2020 г. в интервью одному из государственных информационных агентств министр внутренних дел Пулат Бободжонов заявил, что на официальных веб-сайтах будут опубликованы данные о пенитенциарной системе Узбекистана, в т. ч. сведения о смертях в тюрьмах и следственных изоляторах. Бободжонов заявил, что благодаря информационной прозрачности исследователи получают доступ к дополнительной информации о тюрьмах Узбекистана, а значит, в дальнейшем смогут делать более объективные оценки. Кроме того, министр впервые публично подтвердил, что в тюрьмах Узбекистана производится свыше 100 видов товаров. Приблизительно 80 % заключенных работают на производственных предприятиях и ежемесячно получают заработную плату, эквивалентную 70—200 долл. США, в зависимости от их квалификации.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ ЗА ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КАРИМОВА

Власти Узбекистана никогда не называли фактическое количество арестов и наказаний в виде лишения свободы. По крайней мере до Андижанского расстрела 2005 г. местные правозащитники, международные правозащитные организации, работающие в Узбекистане, и дипломатическое сообщество имели возможность собирать более или менее достоверные

данные, а также периодически проводились брифинги с участием официальных лиц правительства Узбекистана. Однако, как уже отмечалось в данном отчете, это стало невозможным после того, как в результате майских событий 2005 г. власти объявили «охоту на ведьм» и выслали из страны большинство средств массовой информации и международных правозащитных групп.¹¹ Во второй половине периода правления Каримова, когда свидетелей практически не осталось, официальный Ташкент прекратил предоставлять информацию о заключенных по религиозным и политическим мотивам.¹²

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ДО 2016 Г.

Ташкент никогда не публиковал официальную информацию об общей численности заключенных и точное количество лиц, обвиненных в преступлениях, связанных с «религиозным экстремизмом». В 1999 г. одна близкая к правительству газета сообщила, что 10 700 «сторонников религиозного фундаментализма» были внесены в специальный список и находятся под наблюдением махаллей (районных советов), 1 570 человек признали свою вину, и более 2 000 граждан были привлечены к административной ответственности.¹³

Это одно из первых упоминаний о черных списках, составленных властями для контроля лиц, которых полиция или службы безопасности считали подозрительными либо по причине внешнего проявления религиозности, либо из-за возможной связи с запрещенными религиозными группами. Включение в черный список означало, что человек должен был регулярно отчитываться перед правоохранительными органами о своем местонахождении и деятельности, предоставлять расписки в том, что он не будет участвовать в запрещенных способах отправления религиозных обрядов или в запрещенных группах, а также определенные ограничения накладывались на его передвижения и работу.

5 сентября 2000 г. пресс-секретарь Верховного суда заявил в телеобращении, что приблизительное число заключенных, осужденных за «преступления

¹¹ Эти изменения и холодность в отношениях с дипломатическими представителями прослеживаются в формулировках и более общем характере ежегодных национальных отчетов Госдепартамента США о правах человека. Так, в отчетах уже нет указаний на собственные опросы посольства на местах и оценок численности политзаключенных, и вместо этого упоминаются «сообщения» других организаций и правозащитников. По сравнению с предыдущими годами, в ежегодных отчетах о правах человека по стране, изданных в 2005 г. и 2006 г., впервые не было указано приблизительное количество политических активистов и верующих, находящихся за решеткой. Государственный департамент США, Отчет Госдепартамента США о соблюдении прав человека за 2006 г. — Узбекистан, 6 марта 2007 г., <https://www.refworld.org/docid/45f0569511.html>.

¹² «Свидетелей не осталось: пытки, хабеас корпус и уничтожение независимого адвокательства в Узбекистане», Human Rights Watch, 2011 г., <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/uzbekistan1211webwcover.pdf>.

¹³ См. Рахматов А. *Бдительность — священный долг*. Ташкент, 2000, 74 с.

против государства», составляет 2 000 человек.¹⁴ В октябре 2001 г. начальник Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) Министерства внутренних дел Михаил Гуревич заявил, что в стране насчитывается 3 500 «политзаключенных».¹⁵ В июне 2001 г. авторитетный ташкентский адвокат по правам человека, ныне покойная, Полина Браунерг сообщила, что, по ее подсчетам, в тюрьмах Узбекистана содержится приблизительно 4 500 заключенных по религиозным мотивам.

Культово-архитектурный комплекс Хаст-Имам, Ташкент © Стив Свердлов (Steve Swerdlow), ноябрь 2020 г.

И цифра правительства, и цифра Браунерг казались заниженными, поскольку в них не были учтены все регионы Узбекистана, используемый властями широкий спектр уголовных обвинений и количество лиц, задержанных после экстрадиции из России, Кыргызстана или других близлежащих государств, которым грозило тюремное заключение по сфабрикованным обвинениям. По данным организации «Мемориал», к концу 2003 г. власти отправили за решетку по политическим или религиозным мотивам не менее 5 900 человек.¹⁶ В 2004 г. организацией Human Rights Watch было установлено, что в ходе государственной кампании по преследованию верующих уже было арестовано, подвергнуто пыткам

и лишено свободы приблизительно 7 000 человек.¹⁷ В марте 2004 г. власти подтвердили, что за участие в экстремистских религиозных организациях в тюрьму было отправлено 2 836 человек. По оценкам Госдепартамента США за аналогичный период, этот показатель составил 5 000—5 500 человек.

После Андижанского расстрела и ограничения доступа к информации можно было заметить, что в ежегодных национальных отчетах Госдепартамента США о правах человека изменились формулировки, и отчеты стали носить более общий характер. Так, в них уже не было указаний на собственные опросы посольства на местах и оценок численности политзаключенных, и вместо этого упоминались «сообщения» других организаций и правозащитников.¹⁸ По сравнению с предыдущими годами, в ежегодных отчетах о правах человека по стране, изданных в 2005 г. и 2006 г., впервые не было указано приблизительное количество политических активистов и верующих, находящихся за решеткой.¹⁹

К 2010 г. в официальном отчете правительства Узбекистана для Комитета ООН по правам человека было сделано редкое признание о том, что по ст. 159, 244-1 и 244-2 Уголовного кодекса отбывают наказание приблизительно 1 400—1 700 человек. Организация «Мемориал» оспорила это заявление, отметив, что данные цифры явно приуменьшены. Расчет самого высокого оценочного показателя был произведен в июле 2014 г. Инициативной группой независимых правозащитников во главе с ныне покойным Суратом Икрамовым. Тогда было высказано предположение, что общее количество заключенных по религиозным мотивам составляет около 12 000 человек, причем только в 2013 г. было дополнительно осуждено свыше 200 граждан.

¹⁴ См. «Список лиц, арестованных и осужденных по политическим и религиозным мотивам в Узбекистане: декабрь 1997 г. — декабрь 2003 г.», Правозащитный центр «Мемориал», май 2004 г., с. 10.

¹⁵ В заявлении Гуревича уточняется, что эти люди были лишены свободы за «членство в незаконных религиозных организациях».

¹⁶ «Узбекистан: объявлено о смерти авторитарного президента Каримова», Human Rights Watch, 2 сентября 2016 г., <https://www.hrw.org/news/2016/09/02/uzbekistan-authoritarian-president-karimov-reported-dead#:~:text=By%20the%20end%20of%202003,of%20new%20arrests%20each%20year>.

¹⁷ «Создание врагов государства: преследование верующих в Узбекистане», Human Rights Watch, 29 марта 2004 г., с. 111, <http://www.hrw.org/reports/2004/03/29/creating-enemies-state>.

¹⁸ Государственный департамент США, *Отчет Госдепартамента США о соблюдении прав человека за 2006 г. — Узбекистан*, 6 марта 2007 г., <https://www.refworld.org/docid/45f0569511.html>. ЦИТАТА — организация «Мемориал»: «В этом контексте мы не можем согласиться с утверждениями, представленными в отчете Госдепартамента США о свободе вероисповедания за 2010 г., в частности о том, что в Узбекистане, «в отличие от предыдущих лет, нет достоверных данных в пользу того, что... власти используют понятие «религиозный экстремизм» для преследования умеренных верующих, не являющихся членами запрещенных организаций». Подобное заявление, по сути, оправдывает репрессивные действия властей, априори признавая, что обвинения в принадлежности к «запрещенным группам» являются обоснованными, и что всем осужденным зачастую свойственна своего рода «чрезмерная религиозность». На самом деле, обвинения в принадлежности к «запрещенным организациям» в 2009—2010 гг. были в значительной степени произвольными, а жертвами преследований были как радикальные, так и умеренные верующие».

¹⁹ Государственный департамент США, *Отчет Госдепартамента США о соблюдении прав человека за 2006 г. — Узбекистан*, 6 марта 2007 г., <https://www.refworld.org/docid/45f0569511.html>.

Правозащитник и эксперт по вопросам свободы вероисповедания Сурат Икрамов (справа) скончался 3 мая 2021 г. В сентябре 2020 г. он встретился с бывшим заключенным по религиозным мотивам, известным священнослужителем Рухитдином Фахритдиновым, вышедшим на свободу в начале месяца © Сурат Икрамов, сентябрь 2020 г.

СТОРОННИКИ ПАРТИИ «ХИЗБ УТ-ТАХРИР», ВАХХАБИТЫ И ПРОЧИЕ КАТЕГОРИИ

В течение последних двух десятилетий более половины заключенных по религиозным и политическим мотивам в Узбекистане в основном считались сторонниками партии «Хизб ут-Тахрир» («Исламской партии освобождения»), независимо от того, так это или нет. Десятки нынешних заключенных по религиозным мотивам, о которых идет речь в этом отчете, в т. ч. Аваз Тохтаходжаев, Тохир Джуманов и Джахонгир Камолов, сначала попали в тюрьму по обвинениям в членстве в этой группе. Основанная в 1953 г. как политическая организация в Иерусалиме исламским теологом Таки ад-Дином ан-Набхани, Хизб ут-Тахрир является религиозной организацией, которая выступает за создание панисламского халифата, а также за соблюдение праведных исламских обрядов в ее толковании.

Учение этой группы отвергает насилие для достижения данной цели. В Узбекистане организация запрещена, и с начала 2000-х годов за членство в ней были отправлены за решетку тысячи граждан. Основанием для преследования приверженцев Хизб ут-Тахрир со стороны

властей является уверенность в том, что поддержка этой группой альтернативной формы исламского правления является прямым призывом к свержению государственного строя. Правительство Узбекистана неоднократно заявляло, что Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и Хизб ут-Тахрир вместе с так называемыми ваххабитами образуют единое движение, но реальных доказательств в подтверждение этого власти так и не предъявили. Кроме того, власти считают учение Хизб ут-Тахрир экстремистским, поскольку оно поддерживает идею Исламского государства, однако правительство не представило достоверных доказательств того, что члены Хизб ут-Тахрир совершали или поддерживали насильственные действия или занимались другой преступной деятельностью.²⁰

Анализ судебных решений, проведенный автором этого отчета, показывает, что действительные и предполагаемые члены Хизб ут-Тахрир понесли основное бремя репрессий Каримова против верующих.²¹ Следует отметить, что к ваххабитам власти относили более широкий спектр групп. За решетку стали отправлять всех, в т. ч. бывших членов Партии исламского возрождения²² «Адолат» («Справедливость»), движения «Ислом лашкарлари» («Воины ислама»), движения «Тауба» («Покаяние»), подозреваемых членов Исламского движения Узбекистана и предполагаемых участников столкновений на религиозной почве в Намангане в декабре 1991 г. За этот период было арестовано значительно меньше сторонников движений «Акромия», «Нур» и «Таблиги Джамаат».

Последовательные волны арестов охватили граждан из всех регионов страны, и все же, большинство арестованных были из Ташкента и Ташкентской области, а также из Андижанской, Наманганской и Ферганской областей, расположенных в Ферганской долине. Примечательно, что 84 % приговоров по религиозным мотивам содержали обвинения в «антиконституционной деятельности» по ст. 159 УК.²³ В числе прочих правовых положений, взятых за основу для обвинений заключенных по религиозным мотивам, ст. 216 («Создание незаконных общественных объединений и религиозных организаций»), ст. 244-1 («Распространение материалов, представляющих

²⁰ Виталий Пономарев, «Список лиц, арестованных по политическим или религиозным мотивам в Узбекистане (январь 2004 г. — декабрь 2008 г.)» (М.: ПЦ «Мемориал», 2009 г.), с. 10.

²¹ Эксперт организации «Мемориал» по Центральной Азии Виталий Пономарев утверждал, что репрессии против независимых мусульман имели обратный эффект: усилилось ощущение преследования среди особо набожных верующих, вследствие чего еще больше верующих стали приверженцами подпольных, несанкционированных или даже радикальных идеологий, в частности Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Возможно, власти, сами того не желая, спровоцировали пополнение рядов Хизб ут-Тахрир.

²² В законодательстве Узбекистана нет точного определения термина «ваххабизм». На практике власти арестовывали мужчин с бородой или посетителей «подозрительных мечетей», главным образом, закрытых в период с 1994 по 1998 гг. из-за того, что их имамы отказались читать проповеди, навязываемые государством.

²³ «Список лиц, арестованных и осужденных по политическим и религиозным мотивам в Узбекистане: Декабрь 1997 г. — декабрь 2003 г.», ПЦ «Мемориал», май 2004 г.

угрозу для общественной безопасности и общественного порядка») и ст. 244-2 («Создание религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или других запрещенных организаций, руководство их деятельностью или участие в ней»). Список групп, запрещенных или признанных в Узбекистане террористическими, приведен в приложении В.

Подавляющее большинство из тысяч заключенных были независимыми мусульманами, а десятки других узников были активистами мирной оппозиции, журналистами и правозащитниками. За период правления Каримова к тюремному заключению было приговорено совсем немного христиан, однако сотни последователей христианства подверглись облавам и административным санкциям.²⁴

ПОМИЛОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ ПОСЛЕ 2016 Г.

После смерти президента Каримова правительство Узбекистана стало более охотно предоставлять данные о количестве и категориях бывших заключенных, которые вышли на свободу. Однако информация, которую предоставляет новое правительство, остается неполной, эпизодической, а порой и противоречивой.

Начиная с сентября 2016 г. президент Мирзиёев издал целый ряд указов о помиловании, в результате чего общее количество заключенных значительно сократилось. Несмотря на то, что для подтверждения ощутимых изменений в политике требуется дополнительное исследование, по всей видимости, президент Мирзиёев отошел от практики своего предшественника, который применял амнистию к группам заключенных и для смягчения приговоров и освобождения заключенных руководствовался исключительно президентским правом на помилование.

Эта перемена заслуживает внимания по нескольким причинам. С одной стороны, использование Мирзиёевым права на помилование для освобождения заключенных по религиозным мотивам, которые почти никогда не попадали под амнистию при Исламе Каримове, безусловно, заслуживает одобрения. С другой стороны, как более подробно обсуждается в следующих

параграфах, использование права на помилование в Узбекистане является проблематичным, поскольку оно зависит от того, признал ли заключенный свою вину, а не от того, признало ли правительство арест или приговор незаконным.

Согласно официальной статистике, общая численность заключенных в Узбекистане сократилась с приблизительно 44 000 человек в 2014 г. до 22 867 человек в конце 2020 г., т. е. почти на 50 % за шесть лет. К сожалению, Министерство внутренних дел по-прежнему отказывается предоставить точную разбивку по группам заключенных и конкретным категориям обвинений. Тем не менее, в сообщениях правительства о помиловании обычно идет речь о заключенных, осужденных по обвинениям в «религиозном экстремизме» или членстве в «запрещенных религиозных организациях», а такие формулировки охватывают широкий спектр обвинений по политическим или религиозным мотивам.²⁵

Например, 26 августа 2020 г. пресс-служба Министерства внутренних дел опубликовала видеобращение, в котором было объявлено, что некоторые заключенные будут помилованы или освобождены в честь Дня независимости в сентябре 2020 г.²⁶ В сообщении МВД отмечалось, что многие помилования касаются осужденных за «религиозный экстремизм». В этом видеоролике и печатных публикациях к нему отмечалось, что со времени смерти Каримова в 2016 г. правительство освободило или помиловало 4 500 заключенных, в т. ч. 1 584 заключенных по религиозным мотивам (из них 1 215 были освобождены, а для 369 были смягчены приговоры). 27 августа 2020 г., накануне Дня независимости Узбекистана, были помилованы еще 113 заключенных, в т. ч. 105 заключенных по религиозным мотивам. 7 декабря 2020 г., в канун празднования Дня Конституции, правительство освободило 104 заключенных, в т. ч. 21 заключенного по религиозным мотивам, а в конце марта, в ознаменование праздника Новруз на свободу было выпущено 14 заключенных по религиозным мотивам.²⁷ В мае 2021 г., накануне исламского праздника Ураза-байрам, знаменующего окончание священного месяца Рамадан, президент Мирзиёев помиловал 100 заключенных, из которых, по сообщениям государственных СМИ, на свободу вышли только трое, 43 были освобождены

²⁴ В период с 1999 по 2000 гг. властями было освобождено девять христиан. См. «Создание врагов государства: Преследование верующих в Узбекистане», Human Rights Watch, 2004 г.

²⁵ См. «После последней амнистии в Узбекистане продолжается реабилитация попавших в сети экстремизма», Караван-сарай, Максим Енисеев, 10 декабря 2019 г., https://central.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_ca/features/2019/12/10/feature-01.

²⁶ Видеоролик доступен по запросу.

²⁷ Государственный департамент США, Управление по вопросам международной свободы вероисповедания, публикация в Twitter, 26 марта 2021 г., <https://twitter.com/StateIRF/status/1375499540283949058>.

условно-досрочно, а для десяти осужденных были смягчены приговоры. В заявлении говорилось, что среди лиц, которые были освобождены, или которым были сокращены сроки тюремного заключения, 52 человека были осуждены за участие в деятельности «запрещенных групп». Таким образом, с 2016 г. общее число заключенных по религиозным мотивам, освобожденных, или которым смягчили приговоры, составило 1 776 человек.

Учитывая общие формулировки, использовавшиеся в этих заявлениях, трудно установить, отражает ли эта цифра — приблизительно 1 800 — общее количество граждан, освобожденных за последние четыре с половиной года президентства Мирзиёева. Кроме того, власти не уточнили, сколько заключенных по религиозным и политическим мотивам было освобождено на основании новых судебных решений о смягчении их приговоров, а не в связи с помилованием, как в случаях нескольких известных освобожденных правозащитников.²⁸ И все же, есть данные о темпах освобождения и размерах групп заключенных, помилованных в течение последовательных волн амнистии.

Законодательство Узбекистана предусматривает создание комиссии, которая должна пересматривать дела заключенных, осужденных по обвинению в религиозном экстремизме. В ее состав входят представители Управления пенитенциарными учреждениями, служб безопасности, Администрации Президента, Генеральной прокуратуры и Верховного суда.²⁹ Еще одна комиссия занимается рассмотрением обращений лиц, «которые стали членами запрещенных организаций по ошибке». Эти комиссии уполномочены освобождать граждан от любой уголовной ответственности посредством предоставления рекомендаций Аппарату Президента и активно участвовать в принятии решений о сокращении или отмене существующих тюремных приговоров для лиц, осужденных в Узбекистане по религиозным и политическим мотивам. Однако активисты, адвокаты и родственники нынешних заключенных сообщают, что в большинстве случаев при пересмотре дел

комиссии не пользуются этим правом.³⁰ С начала расширения контактов Ташкента с международными правозащитными группами после 2017 г. правозащитники рекомендовали, чтобы в комиссии на постоянной основе входили представители гражданского общества и парламента, и чтобы работа комиссий была более прозрачной и четко опиралась на обязательства Узбекистана в области прав человека.³¹ Положительным моментом является то, что с 2020 г. Уполномоченный по правам человека имеет место в комиссии, которая рассматривает и рекомендует помилования Администрации президента. Об этом автору сообщили в Управлении Уполномоченного по правам человека.³²

В октябре 2020 г. автор направил правительству детальную анкету с запросом о количестве заключенных, отбывающих наказание в связи с обвинениями по политическим или религиозным мотивам, в т. ч. по статьям 155, 156, 157, 158, 159, 216, 216(1), 216(2), 221, 223, 242, 244, 244-1 и 244-2.³³ В анкете (см. приложение С) автор попросил правительство указать количество лиц, которые сентября 2016 г. были освобождены, помилованы, амнистированы или выпущены на свободу на других основаниях после того, как были осуждены по этим статьям.

В ответ правительство пообещало организовать встречи с представителями многих компетентных государственных органов. Однако оно не представило письменные ответы на вопросы анкеты автора, сославшись на секретность и соображения национальной безопасности. Тем не менее, во время официальных встреч представители ГУИН предоставили общее количество заключенных в Узбекистане (22 867 человека по состоянию на ноябрь 2020 г.) и список названий и мест расположения каждого пенитенциарного учреждения.³⁴

По данным, полученным из других официальных источников, можно составить представление о нынешнем количестве лиц, лишенных свободы по политическим или религиозным мотивам. В ноябре 2020 г. на девятом пленарном заседании Сената (верхней палаты) Олий Мажлиса председатель Комитета Сената

²⁸ «О мерах по подготовке материалов о помиловании осужденных, отбывающих наказание в учреждении для исполнения наказаний, в связи с 25-летием принятия Конституции Республики Узбекистан», Президент, 10 февраля 2017 г. <https://president.uz/ru/lists/view/1095>;

«Шавкат Мирзиёев помиловал 104 осужденных» <https://kun.uz/ru/news/2020/12/07/shavkat-mirziyoyev-pomiloval-104-osujdennyx>;

«Я не остановлюсь». Сестра Андрея Кубатина — о пытках, компенсации, апелляции. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/14/kubatin/>.

²⁹ Опрос заместителя генерального прокурора Светланы Артыковой, Ташкент, 25 ноября 2020 г.

³⁰ Опрос адвоката Сергея Майорова, Ташкент, 24 ноября 2020 г.; опрос Татьяны Довлатовой, Ташкент, 8 декабря 2021 г.; опрос «Саиды С.», Фергана, 5 декабря 2020 г.

³¹ Steve Swerdlow, “Uzbekistan Needs a Navruz for Human Rights,” [Стив Свездлов, «Для защиты прав человека Узбекистану нужен Новруз»], The Diplomat, 1 марта 2021 г. <https://thediplomat.com/2021/03/uzbekistan-needs-a-navruz-for-human-rights/>.

³² Опрос бывшего Уполномоченного по правам человека Улугбека Мухаммадиева, Ташкент, 19 ноября 2020 г.

³³ См. приложение С.

³⁴ См. приложение А.

по обороне и безопасности Кутбиддин Бурханов выступил с презентацией Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана (на 2017—2021 гг.).³⁵ В ст. 251 государственной программы обсуждаются усилия по созданию системы «социальной реабилитации и адаптации граждан, ставших жертвами идеи религиозного экстремизма».

По словам Бурханова, правительство уделило особое внимание помилованию заключенных, заблудших под влиянием религиозных движений, но которые «раскаялись» в своих действиях и твердо встали на путь исправления. Целью государственной программы является «возвращение к здоровой жизни граждан, которые были причастны к религиозному экстремизму, а также выявление и решение их социальных проблем и предотвращение влияния вредных религиозных представлений среди населения».³⁶ Кроме того, программа направлена на обеспечение занятости, образования и социальной защиты этой категории бывших заключенных.

Бурханов сообщил о том, что на основании указов президента было помиловано 4 611 заключенных, что согласуется с приведенной выше статистикой, взятой из публикаций Министерства иностранных дел. Он добавил, что по состоянию на ноябрь 2020 г. за совершение преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом, в тюрьмах находилось 750 человек, которые не встали на «путь исправления» и не отказались от своих идей.³⁷ В своем заявлении Бурханов сообщил минимум о 750 гражданах, которые в настоящее время находятся в заключении в Узбекистане по обвинениям, связанным с религиозным экстремизмом, по ст. 244 и ст. 159.

По тому, как сформулированы эти официальные заявления, можно сделать однозначный вывод о том, что, по мнению правительства, заключенные по религиозным мотивам были обмануты или стали жертвами экстремистских групп, а не расплывчатых и чрезмерно широких определений преступлений, за которые государство заключает людей под стражу по религиозным мотивам.

ПОМИЛОВАНИЕ И (НЕ) НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

То, что Бурханов назвал 750 заключенных людьми, которые не отказались от своих убеждений и не признали свою вину, имеет большое значение. Во-первых, это свидетельствует о том, что, как и в период правления Каримова, нынешнее правительство криминализирует сторонников Хизб ут-Тахрир и других запрещенных групп *из-за их убеждений, а не на основании доказательств их причастности к насильственным действиям* или попыткам их совершения. Другими словами, правительство рассматривает мирных мусульман как *радикалов и воинствующих экстремистов* только по причине их религиозных убеждений. Подобные формулировки подтверждают вывод о том, что в Узбекистане продолжается практика лишения свободы мирных членов запрещенных групп, не совершавших насильственных действий. Во-вторых, это говорит о том, что нынешнее правительство освобождает заключенных по религиозным или политическим мотивам *при условии признания ими своей вины*, которое во многих случаях эти люди могут воспринимать как измену собственным религиозным убеждениям, при этом власти освобождаются от обязательства расследовать прошлые и существующие проблемы, собственно послужившие причиной лишения этих людей свободы.

Ярким примером сохранения этой политики является дело бывшего заключенного по религиозным мотивам, независимого мусульманина Хабибуллы Мадмарова, сына правозащитника из Маргилана Ахмаджона Мадмарова, осужденного в апреле 2000 г. по обвинению в «попытке свержения конституционного строя» (ст. 159(3) (b)), (ст. 216), (ст. 244(1)(3)(a)) и (ст. 244(2)) с лишением свободы сроком на девять лет, который впоследствии был произвольно продлен до 27 лет. За 21 год заключения Мадмарова власти так и не представили достоверных доказательств его причастности к насильственным действиям или попыткам их совершения. В 2004 г. сотрудники тюрьмы принуждали его просить «прощения», несмотря на его решительные заявления о своей невинности.

³⁵ «Стало известно, сколько человек в Узбекистане не «раскаялись» за идеи терроризма и религиозного экстремизма. Сообщается, что данные лица находятся в местах заключения и не отказываются от своих идей, repost.uz, 22 ноября 2020 г., <https://repost.uz/ne-otkazalis>.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

Бывший заключенный по религиозным мотивам Хабибулла Мадмаров, находившийся в заключении с декабря 1999 г. по июнь 2021 г., отсидел более 21 года по сфабрикованному обвинению в экстремизме. На этой фотографии он незадолго до ареста (изображение на экране ноутбука) и всего через неделю после освобождения. © Стив Свердлов (Steve Swerdlow), Маргилан, июль 2021 г.

Тогда тюремный чиновник Рафик Абдуллаев заставил Мадмарова подписать заявление о «помиловании», что Мадмаров против воли согласился сделать в обмен на перспективу своего освобождения. После того, как заявление было подписано, Абдуллаев, по недостоверным сведениям, вызвал Мадмарова к себе и сказал, что для того, чтобы выйти на свободу, тот должен пить водку и есть свинину, т. е. совершать действия, противоречащие его убеждениям как глубоко верующего мусульманина. Это условие использовалось некоторыми тюремными чиновниками в качестве психологического давления, чтобы показать, что они имеют над заключенным полную власть. Тогда сотрудники тюрьмы еще и избили Мадмарова. Впоследствии Мадмаров был повторно приговорен к тюремному заключению, и в результате закрытого судебного разбирательства в тюрьме ему был вынесен еще один сфальсифицированный приговор по заведомо ложному обвинению в «экстремизме». В июне 2021 г., спустя 21 год незаконного заключения, Мадмаров был, наконец, выпущен на свободу благодаря широкой международной кампании за его освобождение. В ходе встречи с автором этого отчета в своем доме в Маргилане в июле 2021 г. Мадмаров сказал: «Все эти годы я держался благодаря своей вере и непоколебимой решимости моей семьи добиться для меня справедливости». Мадмаров сообщил, что хочет вернуть себе доброе имя и надеется на официальную реабилитацию.

Еще одним примером этой практики является дело бывшего заключенного по религиозным мотивам, 46-летнего Хайрулло Турсунова, экстрадированного из Казахстана и заключенного в тюрьму в Бухарской области в 2013 г. на 16 лет по обвинению в экстремизме просто за частную встречу с другими мусульманами с целью изучения Корана без разрешения властей.³⁸ В 2018 г. родные Турсунова сообщили, что они пытались убедить его обратиться к президенту с просьбой о помиловании. Однако сотрудники исправительно-трудового лагеря в Караулбазаре сказали ему: «Даже если ты напишешь, тебе это не поможет. Никто тебя не отпустит».³⁹ Члены семьи также сообщили, что тюремные чиновники пытались Турсунова 17 апреля 2019 г.⁴⁰ Ташкент выпустил Турсунова на свободу в июне 2021 г. в результате международной кампании за его освобождение. Власти должны обеспечить его полную и немедленную реабилитацию.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА КОЛИЧЕСТВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ В УЗБЕКИСТАНЕ

Несмотря на недостаток общедоступной информации, бывшие заключенные по религиозным и политическим мотивам, недавно вышедшие на свободу, родственники нынешних заключенных, адвокаты по уголовным делам и правозащитники, опрошенные автором этого отчета, представили свои приблизительные оценки текущего числа политических и заключенных по религиозным мотивам.

При расчете они исходили из личного опыта работы в нескольких тюрьмах и непосредственных контактов с нынешними заключенными. Двадцать пять респондентов представили оценки численности заключенных в каждой из 43 тюрем Узбекистана, в т. ч. в закрытых колониях и колониях-поселениях, а также количество политических и заключенных по религиозным мотивам, которые содержатся в каждом учреждении.

Закрытые тюрьмы или зоны

По оценкам нескольких источников, в отдельном закрытом тюремном бараке — здании или группе зданий, используемых для размещения определенной группы заключенных, как правило, в суровых условиях — содержится в среднем 70—95 заключенных. В закрытых

³⁸ Мушфи Байрам, «УЗБЕКИСТАН: заключенный попросил о встрече с сестрой, «возможно, в последний раз», Forum 18, 3 сентября 2020 г., https://www.forum18.org/archive.php?article_id=2598.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

учреждениях разное количество барakov — от 12 до 16, по словам родственников и активистов.

Многие источники сообщили, что, в отличие от времен правления Каримова, когда заключенных по религиозным и политическим мотивам изолировали от остальных осужденных, и всякие контакты между ними исключались, теперь ГУИН стремится интегрировать таких заключенных в общий тюремный контингент, размещая их небольшими группами в разных бараках. Источники сообщили, что в настоящее время в обычном тюремном бараке закрытого учреждения содержится пять или шесть заключенных, осужденных по обвинениям в «антиконституционной» деятельности, «экстремизме» или «членстве в запрещенных организациях».

Исходя в своих расчетах из сведений, полученных от заключенного, отбывающего длительный срок, родственник одного из заключенных подсчитал, что в колонии строгого режима в г. Алмалык в Ташкентской области шестнадцать барakov. В каждом бараке содержится приблизительно 70—80 заключенных (16 барakov × 75 заключенных = 1 200 заключенных). В каждом бараке размещается пять—шесть заключенных, обвиняемых в преступлениях, связанных с экстремизмом⁴¹. (6 заключенных × 16 барakov = 96 заключенных по религиозным мотивам).

Аналогичным образом, посетительница тюрьмы в г. Касан — колонии строгого режима в Кашкадарьинской области на юге Узбекистана — сообщила после посещения учреждения в ноябре 2020 г., что в нем приблизительно 12 барakov, в каждом из которых содержится 90—100 заключенных. Таким образом, оценочное количество заключенных в тюрьме составляет 1 140 человек (12 барakov × 95 заключенных = 1 140 заключенных). В своих расчетах посетительница исходит из сведений, полученных от нескольких заключенных касанской тюрьмы, и считает, что в каждом бараке содержится от пяти до шести заключенных по религиозным мотивам. Это означает, что в колонии примерно 72 заключенных по религиозным и политическим мотивам (12 барakov × 6 заключенных по религиозным мотивам = 72 заключенных по религиозным мотивам в Касане).

По словам разных правозащитников, родственников осужденных и адвокатов, заключенные по религиозным мотивам никогда не содержались в некоторых закрытых учреждениях, например, в отдельных тюрьмах для несовершеннолетних и лиц с туберкулезом. Кроме того, активисты полагают, что правительство обычно не отправляет заключенных по религиозным мотивам в учреждение Папского района, расположенного в Ферганской долине, поскольку репрессии против независимых мусульман, главным образом, были применены именно в этом регионе Узбекистана и в Ташкенте.

Если исходить из предположения, что заключенные по религиозным мотивам содержатся в 14 из 18 закрытых тюремных заведений, источники подсчитали, что в 12 других закрытых тюрьмах имеется в среднем 14 барakov, в каждом из которых размещается приблизительно шесть заключенных по религиозным мотивам. Таким образом, приблизительное количество заключенных по религиозным мотивам составляет 1 008 человек (12 тюрем × (14 барakov × 6 заключенных по религиозным мотивам) = 1 008 заключенных по религиозным мотивам в закрытых учреждениях). Если прибавить этот приблизительный показатель к имеющимся данным по учреждениям в Алмалыке и Касане (168 заключенных), тогда получится, что в закрытых учреждениях Узбекистана содержится около 1 176 заключенных по религиозным мотивам. Полный список этих учреждений, которые называются колониями исполнения наказаний (УИК) и колониями-поселениями, приведен в приложении А.

Колонии-поселения

За время администрации Мирзиёева значительное количество заключенных по религиозным мотивам, многие из которых лишены свободы на длительные сроки и уже второе десятилетие находятся в неволе, были переведены из колоний строгого и общего режима закрытого типа в колонии-поселения. Вместо освобождения всех заключенных, осужденных на длительные сроки по политически мотивированным обвинениям в нарушение надлежащей правовой процедуры, что вызывает серьезную озабоченность с точки зрения прав человека, правительство Узбекистана решило перевести некоторых из них из закрытых тюрем в 25 колоний-поселений.

⁴¹ Власти не предоставили письменные ответы анкеты автора отчета от октября 2020 г. о количестве лиц, лишенных свободы по обвинениям в экстремизме, равно как не было представлено никаких доказательств совершения террористических или экстремистских действий лицом, причастность которого в насилии или связи с ним была достоверно доказана. Таким образом, оценочные показатели, представленные в этом разделе, касаются только заключенных по религиозным и политическим мотивам и не имеют отношения к лицам, имевшим доказанную связь с иностранными террористическими организациями или совершившим насильственные действия либо занимавшиеся другой преступной деятельностью, или которые были причастны к этим деяниям.

Любой заключенный, который содержится в тюрьме закрытого типа, только и ждет, чтобы его перевели в колонию-поселение. Считается, что по сравнению с остальными пенитенциарными учреждениями колонии-поселения значительно лучше, ведь там у заключенных более гибкий распорядок дня, более комфортные условия проживания, люди могут работать за пределами тюрьмы и имеют больше привилегий в том, что касается посещений. Одной из главных особенностей колоний-поселений являются расширенные возможности для заключенных работать за пределами тюрьмы на протяжении длительных промежутков времени. Приблизительно 80 % заключенных работают на производственных предприятиях и ежемесячно получают заработную плату, эквивалентную 70—200 долл. США, в зависимости от их квалификации.

По словам многих респондентов, заключенные по религиозным мотивам, как правило, считаются благонадежными и предпочтительными работниками, если сравнивать их с другими осужденными, поскольку в целом верующие не употребляют алкоголь и способными к самодисциплине.⁴² Таким образом, как заявили некоторые бывшие заключенные, в экономическом плане тюремные власти чрезвычайно заинтересованы в сохранении практики перевода заключенных по религиозным мотивам в колонии-поселения (отказывая им в помиловании или досрочном освобождении), чтобы предоставлять дешевую рабочую силу различным промышленным, сельскохозяйственным и прочим предприятиям в обмен на часть прибыли. «Это одна из скрытых причин, по которой власти не амнистируют или изыскивают способы осудить нас повторно и продлить наши сроки, ведь они хорошо на нас зарабатывают», — сказал один из бывших заключенных, недавно вышедший на свободу.⁴³

Как и в случае с закрытыми тюрьмами Узбекистана, власти страны не ответили на запрос автора о предоставлении подробной информации о количестве заключенных по политическим и религиозным мотивам, освобожденных с сентября 2016 г., или о числе лиц, отбывающих сроки в колониях-поселениях. Однако активисты, адвокаты и родственники дали разные оценки количества таких заключенных в системе, в которой, по официальным данным, содержится более 7 000 человек. По словам одного из ведущих экспертов по правам человека и условиям содержания в тюрьмах, в каждой колонии-поселении содержатся приблизительно

40 заключенных по религиозным мотивам.

Напомним, что в каждой закрытой тюрьме находятся 60—90 заключенных по религиозным мотивам. Из 7 000 заключенных, проживающих в 25 колониях-поселениях, доля заключенных по религиозным мотивам составляет примерно 1 000 человек (25 колоний-поселений × 40 заключенных по религиозным мотивам = 1 000 заключенных по религиозным мотивам в колониях-поселениях).

Сколько сейчас в Узбекистане заключенных по религиозным мотивам?

Если говорить о приблизительном общем количестве заключенных по религиозным и политическим мотивам, которые содержатся в закрытых пенитенциарных учреждениях Узбекистана, на основании имеющихся данных можно утверждать, что в тюрьмах Узбекистана отбывают наказание **около 2 176 заключенных по религиозным мотивам** (1 176 + 1 000 = 2 176), а если округлить эту сумму, то **примерно 2 200 человек**. Этот показатель соответствует цифрам, предоставленным другими активистами гражданского общества, которые оценивают, что в результате реформ, освобождений и амнистий, прошедших за несколько лет, общая численность заключенных по религиозным мотивам составляет 1 900—2 100 человек. Если предположить, что это более или менее точная оценка, тогда **доля заключенных по религиозным мотивам в общей численности осужденных в Узбекистане равняется приблизительно 10 %**.

Эта оценка, сделанная на основании данных многочисленных опросов активистов и представителей власти, показывает, что в Узбекистане по-прежнему большое количество осужденных по политическим и религиозным мотивам, причем этот показатель превышает число всех заключенных по религиозным мотивам во всех бывших советских республиках вместе взятых и является одним из самых высоких в мире.⁴⁴ По всей видимости, половина или более половины заключенных по религиозным мотивам, осужденных на длительные сроки во время правления Каримова, были освобождены или амнистированы, однако тысячи людей по-прежнему остаются в заключении. Каждое дело заслуживает тщательного и безотлагательного пересмотра с учетом огромного числа нарушений прав человека, которые уже были и еще будут названы в этом отчете.

⁴² Например, см. опрос «Дилмурода Д.», Самарканд, 11 ноября 2020 г.; телефонный опрос бывшего политзаключенного «Юсуфбой Ю.», 21 апреля 2021 г.

⁴³ Телефонный опрос «Алишера А.», Бухара, 1 апреля 2021 г.

⁴⁴ Фонд Human Rights House Oslo, «New Memorial's Report: Political Repression in Uzbekistan» [«Новый доклад ПЦ «Мемориал»: политические репрессии в Узбекистане»], Фонд Human Rights House, 20 марта 2011 г., <https://humanrightshouse.org/articles/new-memorials-report-political-repression-in-uzbekistan-2009-2010/>.

ЗАКРЫТИЕ КОЛОНИИ «ЖАСЛЫК»

В августе 2019 г. правительство объявило о закрытии печально известной колонии «Жаслык», что стало важным достижением и мерой, которую давно рекомендовали многочисленные органы ООН, USCIRF и правозащитные группы. Многие заключенные, опросы которых автор провел для этого отчета, в частности Чуян Маматкулов, Азам Фармонов, Юсуфбой Рузимурадов, Мухаммад Бекджанов и другие, какое-то время содержались в Жаслыке. В ответ на опасения, что Жаслык могли превратить в следственный изолятор, и он до сих пор используется, бывший глава ГУИН Бахромбек Адылов в ходе встречи с автором отчета и представителями посольства США в ноябре 2020 г. заверил своих собеседников в том, что «в колонии «Жаслык» больше никого и никогда содержать не будут».⁴⁵

Руководитель правозащитной группы «Эзгулик» и член наблюдательной группы Уполномоченного по правам человека в пенитенциарных учреждениях Абдурахман Ташанов в мае 2021 г. сообщил ресурсу Kun.uz, что в настоящее время там могут содержаться до 100 заключенных.⁴⁶ В публичном заявлении о закрытии Жаслыка министр внутренних дел Пулат Бободжонов упомянул, что максимальная вместимость колонии Жаслык составляет 1 100 заключенных. Бободжонов также заявил, что 10 % контингента Жаслыка составляют осужденные по обвинению в религиозном экстремизме.

Ташанов пояснил, что на момент президентского указа 2019 г. администрация колонии была не готова полностью закрыть учреждение, для чего требуется перевод сотен и более заключенных в другие тюрьмы. По словам Ташанова и неназванного официального источника, для перевода некоторых из оставшихся узников Жаслыка власти вроде бы строят еще одну закрытую колонию в г. Кызылтепа Навоийской области.

ОТ «РАСКРУТКИ» К НОВЫМ ПРИГОВОРАМ

Как уже отмечалось, произвольное продление сроков лишения свободы для заключенных по религиозным и политическим мотивам было одной из самых скандальных особенностей системы уголовного правосудия Узбекистана и причиной ежегодного увеличения числа осужденных по религиозным мотивам. В простонародье это называется «раскруткой»: сотрудники тюрем обладали огромной властью над судьбами заключенных по религиозным и политическим мотивам за счет применения ст. 221 УК, часто за несуществующие или крайне несущественные нарушения тюремных правил. По сути, власти использовали «раскрутку», чтобы держать заключенных по религиозным и политическим мотивам за решеткой в течение неопределенного срока.

В марте 2018 г. власти впервые объявили о прекращении применения ст. 221 после многолетней критики этой практики. В ноябре 2020 г. сотрудники ГУИН сообщили автору, что ст. 221 не применяется и будет исключена из пересмотренного Уголовного кодекса Узбекистана. Однако государство не обязалось пересмотреть каждый тюремный срок, который был продлен в соответствии со ст. 221.

Не менее важно и то, что власти пока не признали и не решили проблему незаконного обвинения заключенных по религиозным мотивам, пока те находились в тюрьме, в новых преступлениях, включая «организацию преступных сообществ» и участие в «запрещенных организациях».⁴⁷ Законодательство Узбекистана наделяет тюремные власти правом выдвигать против заключенных новые обвинения, в результате чего люди получают новые сроки лишения свободы.⁴⁸ Нередко отбывающие свои наказания заключенные по религиозным мотивам, в частности Миразиз Мирзахмедов, Равшан Каримов, Джамшидбек Атабеков, Шамсиддин Гиясов, Рустам Носиров, Турназар Бойматов, Забихулло Муминов, Машрап Рабиев, Номоз Нормуродов, Бахромжон Иногомов, Шухрат Усманов, Эркинжон Орипов, Нематулло Ибрагимов и многие другие люди, чьи дела упомянуты в этом отчете, повторно приговаривались к новым срокам тюремного заключения по тем же самым обвинениям, по которым они были осуждены изначально. На самом

⁴⁵ Опрос бывшего Уполномоченного по правам человека Улугбека Мухаммадиева, Ташкент, 27 ноября 2020 г.

⁴⁶ В Жаслыке могут оставаться около 100 заключенных — правозащитник, Gazeta.uz, 17 апреля 2021 г., <https://www.gazeta.uz/ru/2021/04/17/jaslyk/>.

⁴⁷ Например, см. опрос «Рустама Р.», Маргилан, 6 декабря 2020 г.; опрос «Мухтарали М.», Маргилан, 7 декабря 2020 г.; опрос правозащитника Ахмаджона Мадмарова, Ташкент, 7 ноября 2020 г.; опрос правозащитника Абдурахмана Ташанова, председателя правозащитного общества «Эзгулик», Ташкент, 6 ноября 2020 г.; опрос Джахонгира Кулиджанова, Бухара, 6 июля 2021 г.

⁴⁸ Зачастую активисты и родственники также ошибочно называют это явление «продлением» («раскруткой») тюремного срока; на самом же деле, это новый приговор, который выносится человеку, который уже сидит в тюрьме.

деле, Ибрагимов был три раза в разное время осужден по обвинению в «антиконституционной деятельности» (ст. 159 УК).

Практика повторного осуждения / вынесения новых приговоров в тюрьмах Узбекистана вызывает серьезную обеспокоенность с точки зрения прав человека, поскольку во многих случаях обвиняемые не имеют независимых адвокатов, судебные процессы проводятся в закрытом режиме в тюрьмах, и не обеспечивается равенство власти и обвиняемых заключенных, которые не в состоянии эффективно защищаться. «Повторное осуждение / вынесение новых приговоров», как этот термин используется в этом отчете, имело широкое распространение в эпоху правления Каримова и продолжается до сих пор.

Несколько правозащитников и родственников нынешних заключенных сообщили автору, что, в отличие от продления срока лишения свободы по ст. 221, власти не считают применение повторного осуждения нарушением прав человека. Например, в рамках этой практики в 2020 г. по меньшей мере 11 заключенных по религиозным мотивам, каждый из которых отбывает 20-летние сроки заключения, были приговорены к новым, десятилетним, срокам.⁴⁹ Властям Узбекистана следует пересмотреть положения Уголовного кодекса, применяемые для повторного осуждения заключенных по религиозным и политическим мотивам, пересмотреть все предусматривающие лишение свободы приговоры, которые были вынесены в рамках этой практики, и привести свои методы работы в соответствие с международными обязательствами страны в области прав человека.

⁴⁹ См. Национальные доклады Государственного департамента США о соблюдении прав человека за 2021 г., опубликованные Бюро по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений Госдепартамента США, 30 марта 2021 г., <https://www.state.gov/reports-bureau-of-democracy-human-rights-and-labor/country-reports-on-human-rights-practices/>.

Возвращение в общество после двадцатилетнего тюремного заключения: опрос бывшего заключенного по религиозным мотивам, недавно вышедшего на свободу

«До сих пор помню, как я стоял на лужайке, когда пришли меня арестовывать. Я тогда и подумать не мог, что проведу в заключении больше половины своей жизни». ⁵⁰ Был апрель 1999 г. 27-летний Рустам Р. с молодой женой и маленьким сыном приехал из родного Маргилана, расположенного в Ферганской долине Узбекистана, за границу, в город Ош на юге Кыргызстана, чтобы работать там тренером футбольной команды. После окончания Ферганского государственного университета Рустам Р. имел возможность пойти работать в нескольких профессиональных сферах. Но футбол был его страстью и призванием. Предложенная ему должность тренера казалась хорошим трамплином для многообещающей карьеры. Как и многие молодые узбеки, выросшие в постсоветской Ферганской долине и за ее пределами, Рустам Р. происходил из семьи, в которой ценились образование и профессиональные достижения, но которая также имела очень сильную мусульманскую идентичность — то, что запрещала советская власть.

Службы безопасности Узбекистана арестовали Рустама Р. на юге Кыргызстана в апреле 1999 г., заподозрив его в членстве в религиозно-политической группе «Хизб ут-Тахрир», которую правительство считает экстремистской, не имея никаких доказательств ее причастности к насилию. Власти предъявили ему уголовные обвинения по статьям 159, 242, 244-1 и 244-2 Уголовного кодекса. Описывая свой интерес к Хизб ут-Тахрир, Рустам Р. сказал:

Это была популярная идеология в конце 90-х годов прошлого века. Группа четко доносила свои идеи создания справедливого общества. Тогда рушилась вся система институтов, и [президента] Каримова считали жестоким и оторванным от народа. Мы тяготели к тем, кто подталкивал нас к более глубокому изучению религиозных традиций, которые так долго были для нас запрещены.

Ветеран-правозащитник и специалист по вопросам заключенных по религиозным мотивам Узбекистана Ахмаджон Мадмаров говорит, что, по его наблюдениям, за предполагаемое членство в Хизб ут-Тахрир были лишены свободы не менее 1 000 человек. Однако, как отмечает Мадмаров, «ни под одному из этих дел не было представлено убедительных доказательств того, что обвиненные совершали насильственные действия или призывали к ним».

Рустам Р. был на футбольной тренировке на стадионе в Кызыл-Кии, недалеко от Оша, когда внезапно прибыли сотрудники полиции и арестовали его. Рустам Р. даже представить себе не мог, что его разлучат с семьей, с его молодой женой и маленьким сыном, на половину его жизни.

Рустам Р., которому сейчас 48 лет, был приговорен Ферганским областным судом к 18 годам лишения свободы. Говоря об идеологии Хизб ут-Тахрир (ХТ), Рустам Р. признал, что ХТ придерживается антисемитских идей, но заметил, что для него самым важным было то, что ХТ предлагала план устройства общественного порядка, который по своей сути имел смысл в том хаосе, который царил в постсоветском Узбекистане в 90-е годы XX века.

«Те, кого тогда арестовали, не были ярыми сторонниками Хизб ут-Тахрир, причем многие из тех, кого схватили во время арестов, официально даже не состояли в организации», — сказал Рустам Р. «Большей частью я участвовал в обсуждениях философии группы, только и всего».

Рустам Р. сказал, что после экстрадиции из Кыргызстана спецслужбы взяли его под стражу и перевели в изолятор в Маргилане, где в период предварительного заключения его подвергли пыткам. Его избили дубинками. «Они требовали, чтобы я назвал имена членов Хизб ут-Тахрир. Я отказался, и тогда меня сильно избили».

Впоследствии Рустама Р. перевели из следственного изолятора Маргилана в городской следственный изолятор Ферганы. В течение года были арестованы пятеро членов семьи Рустама Р. За два десятилетия лишения свободы он сидел в пяти разных тюрьмах. «Наша семья не стала исключением». Рустам Р. говорит, что знает несколько случаев уничтожения целых семей путем ареста практически всех мужчин из этих семей моложе 40 лет.

По словам Рустама Р., пытки заключенных по религиозным мотивам усилились после Андижанского расстрела в мае 2005 г. Рустам Р. отбывал 18-летний тюремный срок, который Верховный суд со временем сократил до 16 лет. Однако в последний год его срока посредством жестокого, но довольно распространенного приема тюремные власти сфабриковали для него обвинение в «нарушении тюремных правил» чтобы продлить ему срок на три года, в результате чего общая продолжительность его содержания под стражей составила 19 лет. «Нарушение» Рустама Р. заключалось в том, что он в своей камере не занимался «физкультурой». «Я продолжал жить надеждой», — сказал он. Рустам Р. был освобожден в 2019 г. и теперь раз в квартал встречается с утвержденными властями муллой, который читает ему лекции о «правильном исламе». «Это довольно поверхностные беседы», — говорит Рустам Р. Он снова работает тренером по футболу в одной из местных школ в Ферганской долине. «Я медленно перестраиваю свою жизнь», — говорит он. «К счастью, жена меня приняла. Надеюсь, что нам в Узбекистане больше никогда не придется вернуться в те мрачные времена».

⁵⁰ Опрос Рустама Р., Маргилан, 8 декабря 2020 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗВЕСТНЫХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ

Начиная с сентября 2016 г., практически сразу после смерти Каримова и спустя годы международного давления, правительство начало освобождать известных политзаключенных (число которых по состоянию на апрель 2021 г. составило приблизительно 65 человек), включая отбывших длительные сроки журналистов и правозащитников. Кроме того, стали отпускать заключенных по религиозным мотивам, число которых достоверно установить невозможно.⁵¹ В отличие от освобождения правозащитников и журналистов, когда власти предприняли меры для широкого освещения выхода на свободу узников, дела которых вызвали общественный резонанс и представляли интерес для международных правозащитных организаций и иностранных правительств, об освобождении заключенных по религиозным мотивам за время президентства Мирзиёева известно гораздо меньше. И все же некоторые исключительные случаи получили огласку и позволили составить некоторое представление об отношении Мирзиёева к заключенным по религиозным мотивам.

Мирный шиит и правозащитник Джахонгир Кулиджанов провел за решеткой более двух лет исключительно за свои религиозные убеждения. Он был освобожден в 2018 г. и в настоящее время добивается для себя полной юридической реабилитации. © Джахонгир Кулиджанов.

Сотрудники полиции и служб безопасности Бухары арестовали Джахонгира Кулиджанова и других членов бухарской мусульманской общины шиитов, посещавших городскую шиитскую мечеть Ходжи Мир-Али, 2 февраля 2017 г. Сначала их задержали на 15 дней, пытали путем жестоких избиений, в т. ч. ногами. Службы безопасности повторно арестовали Кулиджанова 30 мая 2017 г. и предъявили ему обвинение по ст. 244-1 часть 3(а) и

(г) («изготовление, хранение, распространение или демонстрация материалов, представляющих угрозу для общественной безопасности и общественного порядка» группой людей с использованием средств массовой информации или интернета), считая его лидером шиитского сообщества. Следователи сочли «экстремистским» найденный в телефоне Джахонгира Кулиджанова русскоязычный аудиофайл, в котором рассказывалась история битвы при Кербеле 680 г. (61 г. по исламскому календарю), когда погиб внук мусульманского пророка Мухаммеда Хусейн ибн Али. Шииты считают эту битву трагедией, а Хусейна — мучеником. Уголовный суд Бухарской области приговорил Кулиджанова к пятилетнему тюремному заключению в октябре 2017 г. по обвинению в хранении «экстремистских религиозных материалов» в его мобильном телефоне и компьютере. Благодаря усилиям правительства США и правозащитных организаций Кулиджанов был условно-досрочно освобожден в феврале 2019 г.

Арамаис Авакян. © 2017.

В феврале 2020 г. власти освободили христианина Арамаиса Авакяна, рыбака по профессии, после незаконного пятилетнего лишения свободы по сфабрикованным обвинениям, включая «антиконституционную деятельность», саботаж, изготовление или распространение опасных материалов и участие в деятельности религиозной экстремистской организации.⁵² Несмотря на то, что Авакян является верующим христианином и армянином по национальности, следователи обвинили его в создании и руководстве радикальной исламской группировкой, а также в планировании присоединения к ИГИЛ. Дело Авакяна, содержащее многочисленные свидетельства

⁵¹ В числе освобожденных Юсуф Рузимурадов и Мухаммад Бекджанов, два журналиста, отбывших самые длительные среди их коллег сроки в мире, 19 лет и 18 лет соответственно; правозащитники Агзам Тургунов и Азам Фармонов, а также мирные политические диссиденты, в частности Самандар Куканов, первый заместитель председателя парламента Узбекистана после обретения страной независимости. Незаконно лишенный свободы на 24 года, Куканов стал политическим активистом, который отсидел один из самых длительных сроков в мире после Нельсона Манделы.

⁵² Freedom Now, “Uzbekistan: Aramais Avakyan Released from Prison,” [«Узбекистан: Арамаис Авакян вышел из тюрьмы»], 6 февраля 2020 г. <https://www.freedom-now.org/uzbekistan-aramais-avakyan-released-from-prison/>.

его пыток, показывает, что обвинения в экстремизме зачастую основываются на сфабрикованных, в высшей степени подозрительных аргументах, лишенных достоверных доказательств или даже внятных заявлений.

Вверху слева – Искандар Худайберганов; вверху справа – Рухиддин Фахриддинов, внизу слева – Рустам Абдуманнапов; справа внизу – Акром Маликов. © Радио Озодлик, служба «Радио Свободная Европа» в Узбекистане (сентябрь 2020 г.).

27 августа 2020 г., незадолго до Дня независимости Узбекистана 2020 г. (этот праздник отмечается в сентябре), и после письма нескольких сенаторов США президенту Мирзиёеву о незаконном содержании под стражей четырех заключенных по религиозным и политическим мотивам власти освободили Искандара Худайбергана, брата активистки Дилобар Эркинзода, проживающей в Швеции; ученого-литературоведа и активиста Акрома Маликова; активиста Рустама Абдуманнапова; и известного независимого священнослужителя Рухиддина Фахриддинова.⁵³

Рухиддин Фахриддинов: дело независимого священнослужителя

Независимый священнослужитель Рухиддин Фахриддинов после освобождения из тюрьмы в сентябре 2020 г. © Радио службы «Свободная Европа» / Радио Свобода» в Узбекистане, 2020 г. Рухиддин Фахриддинов (также именуемый в некоторых документах как Фахритдинов или Фахрутдинов), 53 года, является теологом и одним из самых известных бывших заключенных по религиозным мотивам Узбекистана, который остался в стране. Будучи учеником известного имама Обидхон-кори Назарова, вынужденного уехать в Швецию в 1998 г., Фахриддинов пережил покушение в 2012 г., которое связывают со службами безопасности Узбекистана, а с 1992 по 1996 гг. был имамом в нескольких ташкентских мечетях, где пользовался большим уважением. Опасаясь за свою жизнь из-за репрессий против независимых мусульман, в 1998 г. он бежал в Казахстан.

В 2001 г. его жена была арестована, стала объектом жестокого обращения и приговорена к семи годам лишения свободы. Падчерицу Фахриддинова неоднократно задерживали и требовали предоставить информацию о его местонахождении. В ноябре 2005 г. сотрудники службы безопасности незаконно задержали Фахриддинова и еще четырех человек в Шымкенте, Казахстан, и принудительно вывезли их в Узбекистан. Пока Фахриддинов находился под арестом, его пытали, затем был проведен закрытый судебный процесс с грубейшими нарушениями процессуальных норм.

Обвинения против него были выдвинуты по принципу «все, что только можно», который также характерен для дел многих нынешних заключенных по религиозным мотивам в Узбекистане. Ему были предъявлены обвинения за совершение 22 уголовных преступлений, включая террористические действия, саботаж, организацию незаконных религиозных групп, антиконституционную деятельность и распространение материалов, угрожающих государственной безопасности. Власти также обвинили его в вербовке и отправке молодых людей в Таджикистан и Пакистан для прохождения обучения в «террористических» тренировочных лагерях и в сборе денег для «ваххабитских» экстремистских религиозных сект и Исламского движения Узбекистана. Все эти обвинения Фахриддинов категорически отрицал.

15 сентября 2007 г. Чирчикский суд по уголовным делам Ташкентской области признал Фахриддинова виновным по десяти пунктам обвинения и приговорил его к 17 годам лишения свободы.⁵⁴ После его освобождения власти города предложили ему работу на оконной фабрике. По условиям освобождения он должен перечислять государству 20 % своей зарплаты.⁵⁵

⁵³ «Президент Узбекистана помиловал 113 осужденных. Среди них 4 заключенных, осужденных по религиозным и политическим мотивам», Узбекистан, 28 августа 2020 г., <https://rus.ozodlik.org/a/30806178.html>.

⁵⁴ Во время судебного разбирательства жена Фахриддинова, которая уже была освобождена, сообщила нескольким новостным изданиям и Инициативной группе независимых правозащитников, что 31 марта 2006 г. сотрудник полиции изнасиловал их шестилетнюю дочь Ойшу. Согласно стенограммам судебных заседаний, Фахриддинов отрицал свою причастность к любым религиозным организациям, поддерживающим экстремистскую идеологию, а в оглашенном приговоре вообще отсутствуют конкретные доказательства вины Фахриддинова по выдвинутым против него обвинениям. Трое свидетелей обвинения отказались от своих показаний и заявили, что следователи их запугивали. Другие свидетели, показания которых были взяты за основу обвинения, для дачи показаний не вызывались и, соответственно, защита не имела возможности их допросить. Родственники Фахриддинова рассказали, что сотрудники тюрьмы неоднократно пытали его во время содержания под стражей, в т. ч. избивали лопатой до потери сознания. Несколько заключенных искали ему правую руку, впоследствии заявив, что их заставили это сделать тюремные охранники.

⁵⁵ «Узбекистан: Pardons come too late for many recipients [«Узбекистан: многим амнистия предоставляется слишком поздно»], Eurasianet, 28 августа 2020 г., https://eurasianet.org/uzbekistan-pardons-come-too-late-for-many-recipients?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter; «Uzbekistan: Sentenced for Wahhabism – or independence?» [«Узбекистан: осужден за ваххабизм или независимость?»], Forum 18, 11 октября 2006 г., https://www.forum18.org/archive.php?article_id=853.

В ноябре 2020 г. заместитель председателя Управления мусульман Узбекистана Уткир Гасанбоев сообщил автору этого отчета и представителям посольства США об освобождении Хафизулло Носирова в начале 2020 г. В марте 2000 г. Носиров был осужден за то, что якобы являлся главой партии «Хизб ут-Тахрир» в Узбекистане. По некоторым сведениям, в конце декабря 2000 г. его брат Хабибулла Носиров, член Хизб ут-Тахрир, находившийся в заключении с 1999 г., скончался от травм, полученных в результате его избиений в тюрьме.

По имеющимся данным, 56-летний Юсуп Касымахунов был освобожден из-под стражи в Узбекистане в декабре 2020 г. после восьми лет лишения свободы по сфабрикованным обвинениям в религиозном экстремизме. Для осуждения его насильно вывезли из Москвы. © Фото предоставлено организацией «Мемориал».

17 марта 2021 г. обледование «Мемориал» сообщила об освобождении 56-летнего Юсупа Касымахунова, который предположительно был освобожден из тюрьмы в Узбекистане тремя месяцами ранее.⁵⁶ Как сообщает ПЦ «Мемориал», Касымахунов был в числе первых осужден в России по делу против партии «Хизб ут-Тахрир». Как и Узбекистан, Россия объявила ее террористической организацией, запретила на своей территории и в оккупированном Крыму. Касымахунов и его жена находились в заключении в России с 2004 по 2011 гг. по обвинению в членстве в этой партии, но после освобождения, в декабре 2012 г., Касымахунов был насильно вывезен из Москвы и доставлен в Узбекистан, где содержался в разных тюрьмах, включая Жаслык. Три года он провел в одиночной камере в полной изоляции от других заключенных и остального мира. Европейский суд по правам человека вынес два отдельных решения, в которых осудил Россию в связи с похищением и

принудительным возвращением Касымахунова в Узбекистан, поскольку это нарушение ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей государствам отправлять человека в страну, где он может подвергнуться пыткам.

Освобождение этих заключенных по религиозным и политическим мотивам было неслучайным. Истории этих людей, о незаконном лишении свободы которых в течение многих лет открыто заявляли правительство США, ЕС и правозащитные группы, свидетельствует о том, что даже в самых тяжелых случаях давление в конечном итоге срывается. Но для достижения этой цели требуются постоянные усилия правительства США, ЕС и других сторон.

НЕЗАВИСИМЫЙ МОНИТОРИНГ ТЮРЕМ

В 2018 г. Аппарат Уполномоченного по правам человека приступил к общественному мониторингу в пенитенциарных учреждениях, впервые с участием небольшой группы активистов гражданского общества и представителей Национального центра по правам человека Узбекистана. К 2020 г. эта группа расширилась за счет управляемой государством НПО «Юкалиш», и мониторинг стал включать в себя оценку защиты от COVID-19.

В 2018 г. автор этого отчета посетил две колонии строгого режима Узбекистана, став первым международным наблюдателем, приглашенным Уполномоченным по правам человека для осмотра тюрем с момента прекращения этой деятельности Международным комитетом Красного Креста (МККК) в 2013 г., спустя годы вмешательства властей.⁵⁷ Эти посещения не являлись формальным изучением условий содержания в заключении. Однако автор имел возможность опросить приблизительно 20 заключенных по религиозным мотивам, в частности об обстоятельствах их ареста и предварительного заключения. Респонденты представили данные, свидетельствующие о серьезных нарушениях прав человека.

В настоящее время в мониторинговую группу Уполномоченного по правам человека входят правозащитники Азам Фармонов (организация *Нуқуқи Тауанч*), директор НПО «Институт демократии и прав человека» Сайёра Ходжаева, Шухрат Ганиев (Гуманитарно-правовой центр) и Абдурахман Ташанов

⁵⁶ Бывший российский политзаключенный Юсуп Касымахунов освобожден из тюрьмы в Узбекистане, ПЦ «Мемориал», 17 марта 2021 г., https://memorial.org/ru/news_old/byvshiy-rossiyskiy-politzaklyuchyonnyy-yusup-kasymahunov-osvobozhdyon-iz-tyurmy-v.

⁵⁷ Navbahor Imamova, "Reporters Notebook: Inside a Prison in Uzbekistan," [Навбахор Имамова, «Записная книжка корреспондента: взгляд на одну из тюрем Узбекистана изнутри»], *Голос Америки*, 1 февраля 2020 г., <https://www.voanews.com/south-central-asia/reporters-notebook-inside-prison-uzbekistan.>

(группа «Эзгулик»). Мониторинговая группа должна быть расширена за счет более *независимых активистов гражданского общества*, в частности Татьяны Довлатовой и Агзама Тургунова, обладающих большим опытом, касающимся тюрем и уголовного правосудия, и способных выполнить независимый анализ для лучшего понимания условий содержания заключенных по религиозным мотивам. Правительству также следует принять меры для возобновления возможности доступа к заключенным со стороны МККК.

Тюремная администрация обычно разрешает заключенным свидания с членами их семей продолжительностью не более четырех часов два—четыре раза в год. В зависимости от типа пенитенциарного учреждения чиновники также разрешают более длительные свидания продолжительностью от одного до трех дней два—четыре раза в год, а также визиты родственников с ночевкой. Однако по словам правозащитников, во время карантина и ограничения передвижений, введенных в марте 2020 г. в связи с пандемией COVID, члены семей заключенных перестали получать почту, им было запрещено посещать тюрьмы и отказано в телефонном общении с родными, пребывающими за решеткой.⁵⁸

ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ И УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Власти заявляют, что осужденные имеют право исповедовать любую религию,⁵⁹ но некоторые бывшие заключенные, опрошенные для этого отчета, и нынешние заключенные жаловались своим родным на то, что сотрудники тюрем запрещают им совершать религиозные обряды, не предусмотренные уставом.⁶⁰ К этим обрядам относятся традиционные утренние исламские молитвы. Некоторые активисты сообщили об улучшении ситуации, тогда как другие заявили, что ограничения продолжают действовать.⁶¹ Чиновники ГУИН заверили автора и представителей посольства США, что с 2016 г. заключенным разрешают соблюдать религиозные праздники,⁶² например, Рамадан, несколько

бывших заключенных и родственников нынешних заключенных по религиозным мотивам заявили, что это неправда, и что пост, а также кое-какие другие обряды, по-прежнему запрещены.⁶³ Несмотря на то, что в библиотеках отдельных тюрем имеются экземпляры Корана и Библии, родственники заключенных продолжают жаловаться на то, что власти предоставляют доступ к религиозным материалам не всем заключенным по религиозным мотивам.

В некоторых случаях условия содержания под стражей суровые и опасные для жизни из-за дефицита продуктов питания, чрезмерной переполненности, физического насилия, а также ненадлежащих санитарных условий и медицинского обслуживания.

В целом заключенных обеспечивают питьевой водой и пищей плохого качества. Зачастую родственники приносят осужденным продукты питания. По данным Министерства внутренних дел, заключенные имеют право на совершение прогулок на свежем воздухе в нерабочее время, психологическую помощь и безопасные условия труда. Кроме того, заключенные имеют право на заработную плату и другие трудовые привилегии. В случае серьезного заболевания каждому заключенному полагаются дополнительные услуги по телефону и свидания с родственниками, если позволит врач. В правилах также указано, что заключенные должны проходить медицинское обследование, если они об этом попросят, а также не реже одного раза в шесть месяцев. Общедоступная информации о соблюдении этих правил отсутствует.

ТЮРЕМНЫЕ ПЫТКИ

За последние два—три года многие вышедшие на свободу политзаключенные сообщили о том, что они подвергались избиениям, пыткам и другим видам жестокого обращения, включая создание для них стрессовых ситуаций как во время предварительного задержания, так и в период содержания в тюрьме. **Подавляющее большинство из 81 нынешнего заключенного по религиозным мотивам, истории которых представлены в этом отчете, решительно**

⁵⁸ Родственники политзаключенного Кадыра Юсупова, который содержится в колонии г. Навои, осужденного за выступления в защиту прав заключенных по религиозным мотивам, сообщили, что в течение года им было отказано в нескольких свиданиях с ним. Они также направили президенту прошение об освобождении Юсупова или о его переводе под домашний арест из гуманитарных соображений, сославшись на его серьезные проблемы со здоровьем, риски заражения COVID-19 и возраст.

⁵⁹ Опрос Шухрата Вафаева, главы парламентского Комитета по демократическим институтам, НПО и местному самоуправлению, Ташкент, 12 ноября 2020 г.; опрос представителя Комитета по делам религий.

⁶⁰ Опрос «Азимжона А.», Навои, 6 ноября 2020 г.; опрос «Шухрата С.», Коканд, 10 ноября 2021 г.; телефонный опрос родственников Кадыра Юсупова, 24 мая 2021 г.

⁶¹ Там же.

⁶² Опрос начальника Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) Бахромбека Адылова, Ташкент, 27 ноября 2020 г.

⁶³ Например, см. опрос Ахмаджона Мадмарова, Ташкент, 5 ноября 2021 г.; опрос «Азимжона А.», Навои, 6 ноября 2020 г.; опрос «Шухрата С.», Коканд, 10 ноября 2021 г.; телефонный опрос родственников Кадыра Юсупова, 24 мая 2021 г.

заявили о пытках или жестоком обращении во время предварительного заключения или содержания в тюрьме, о чем подробно рассказывается в разделе «Заключенные по религиозным мотивам, вызывающие озабоченность». Почти каждый заключенный из этого списка уверенно заявил, что подвергался той или иной форме физических или психологических пыток, что является вопиющим нарушением международных обязательств Узбекистана в области прав человека по МППП и Конвенции против пыток (КПП), а также в соответствии с многими другими неперенными обязательствами страны. Несмотря на то, что большинство заявлений о пытках имели отношение к периоду предварительного заключения, как подробно описано в следующих абзацах, три случая свидетельствуют о существовании проблемы пыток в тюрьмах.

Срок лишения свободы заключенного по религиозным мотивам **Тохира Джуманова** (1963 г. р.), который находится за решеткой с 1999 г. по обвинению в распространении литературы Хизб ут-Тахрир по статьям 156, 159, 216, 242-2, 244 и 246 УК, незаконно продлевался несколько раз. Правозащитники и его родственники сообщают, что сотрудник колонии Маруф Абдуллаев пытал Джуманова 10 мая 2018 г. в колонии г. Навои (ИК № 64/46). Заявления Джуманова о пытках власти не расследовали.

Заключенный по религиозным мотивам **Нематулло Якубович Ибрагимов** (1963 г. р.), первоначально лишенный свободы в 1998 г., а затем — с 2005 г. по статьям 159, 244-1, 244-2 УК по подозрению в принадлежности к «ваххабизму», сообщил правозащитным группам, что срок его заключения произвольно продлевался несколько раз, и что он подвергался пыткам в нескольких тюрьмах, где отбывал наказание более четверти века.⁶⁴ Ибрагимов отбывал срок в ИК № 64/29 в г. Навои, ИК № 64/1 в г. Зангиота, ИК № 64/33 в г. Карши, ИК № 64/25 в г. Караулбазар Бухарской области, а также в тюрьме в г. Зарафшан, где он предположительно находится по сей день.

Набожный мусульманин **Фаррух Юлдашев** (1979 г. р.), 42 года, впервые был арестован в 2000 году в период волны задержаний независимых мусульман, имевшей место после взрывов в Ташкенте в феврале 1999 г. Ташкентский суд приговорил его в 2000 г. к семи годам лишения свободы. В 2007 г., перед самым его выходом

на свободу, тюремные власти произвольно продлили ему срок на четыре года и 15 суток за сфабрикованные «нарушения тюремных правил» («раскрутка»). В 2008 г. тюремные власти вновь приговорили его к лишению свободы по еще одному комплексу обвинений в экстремизме, добавив к его тюремному заключению еще восемь лет. Судебный процесс проходил в тюрьме с грубым нарушением стандартов справедливого судебного разбирательства. Родственники сообщили, что впоследствии ему был присужден еще один, пятилетний, срок. 11 июня 2020 г. Юлдашев позвонил родным, чтобы сообщить, что его пытали в Навоийской тюрьме (ИК № 64/46), где он содержится в настоящее время. Родственники заявили, что телефонный разговор прервался сразу после того, как Юлдашев произнес слово «пытки». Юлдашев попросил родных сообщить о пытках в Администрацию президента через расположенные по всей стране, открытые для общественности президентские приемные. Адвокат семьи Дилшод Джабборов сказал, что подал ходатайство о проведении судебно-медицинской экспертизы своего подзащитного на предмет пыток, однако ходатайство было отклонено.⁶⁵

Представители тюремной администрации сообщили о действующей программе Всемирной организации здравоохранения, направленной на борьбу с туберкулезом в тюрьмах, а также о программе лечения и профилактики ВИЧ/СПИДа. Однако международные эксперты отметили, что уровень заболеваемости инфекционными болезнями в тюрьмах достоверно неизвестен, и высказали предположение о том, что уровень заболеваемости туберкулезом и ВИЧ/СПИДом в местах лишения свободы, скорее всего, выше, чем среди населения в целом.⁶⁶ По крайней мере два заключенных по религиозным мотивам, о которых идет речь в этом отчете, **Хайрулло Турсунов** и **Иброхим Холматов**, выразили обеспокоенность по поводу распространения туберкулеза в тюрьмах Узбекистана.

⁶⁴ Опрос Сурата Икрамова и Гульноры Файзиёвой, Ташкент, 20 ноября 2020 г.

⁶⁵ Телефонный опрос Дильшоода Джабборовова, Ташкент, 21 февраля 2021 г.; опрос Сурата Икрамова и Гульноры Файзиёвой, Ташкент, 20 ноября 2020 г.

⁶⁶ См. *Национальные доклады Государственного департамента США о соблюдении прав человека за 2021 г.*, опубликованные Бюро по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений Госдепартамента США, 30 марта 2021 г., <https://www.state.gov/reports-bureau-of-democracy-human-rights-and-labor/country-reports-on-human-rights-practices/>.

Набожный мусульманин **Иброхим Холматов** (1980 г. р.), 41 год, из г. Янгиюль Ташкентской области. Холматов был арестован в 2000 г. в результате открытия против него уголовного дела по обвинениям в «антиконституционной деятельности» (ст. 159), «незаконном создании общественных объединений или религиозных организаций» (ст. 216) и «изготовлении или распространении материалов, представляющих угрозу для общественной безопасности или общественного порядка» (ст. 244). Правозащитные группы назвали это дело сфабрикованным. По словам членов семьи Холматова и правозащитников, в заключении он подвергался пыткам.⁶⁷ В 2001 г. он был приговорен к десяти годам тюремного заключения и отправлен отбывать наказание в колонию г. Карши. В мае 2002 г., после того как у него обнаружили туберкулез на прогрессирующей стадии, его приговор был изменен на условный, и Холматов был досрочно освобожден. Однако 8 января 2020 г., восемнадцать лет спустя, власти вновь арестовали Холматова по практически аналогичным подозрениям. Ему было предъявлено обвинение в «терроризме» (ст. 155(1)) и опять в «незаконном создании общественных объединений или религиозных организаций» (ст. 216). Родственники Холматова рассказали правозащитникам, что во время допросов его держали в камере при температуре -10°C , чтобы заставить его сделать ложное признание. Несмотря на то, что в деле Холматова не было ничего секретного, судебный процесс над ним, состоявшийся в сентябре 2020 г., был закрыт как для общественности, так и для журналистов: не были допущены даже родственники подсудимого. Ташкентский суд приговорил Холматова к четырем годам и одному месяцу лишения свободы в открытой колонии-поселении.

Бывший заключенный по религиозным мотивам Хайрулло Турсунов (1975 г. р.) сообщил своим родным, что сотрудники службы безопасности «избили его и подвергли психологическому давлению» с целью получения ложного признания.⁶⁸ Несмотря на то, что члены его семьи заявили о пытках, расследование не проводилось, и никто не был привлечен к ответственности. Организация Forum 18, имеющая подробные документальные свидетельства нарушения прав человека в его деле, также сообщила о том, что Турсунов мог быть умышленно заражен туберкулезом.⁶⁹ В результате обширной международной кампании за его освобождение узбекские власти выпустили его в июне 2021 г.

Активисты-правозащитники, в частности Татьяна Довлатова и правозащитная группа Open Line, выразили обеспокоенность по поводу того, что тюремные власти не принимают адекватные меры безопасности в связи с пандемией COVID-19, и особо отметили, что из-за отсутствия этих мер пожилые заключенные и осужденные с серьезными проблемами со здоровьем подвергаются повышенной опасности заражения.⁷⁰

ОТСУТСТВИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

Освобождение заключенных по религиозным и политическим мотивам вселило надежду на то, что правительство серьезно относится к реформам в области религии и политики. Количество освобожденных за последние четыре с половиной года резко контрастирует с тем, сколько заключенных в среднем выходило на свободу во время правления Каримова — один или два человека в год, что позволяет надеяться на то, что правительство Узбекистана освободит всех заключенных по религиозным и политическим мотивам в стране.

Однако власти не предоставляют бывшим узникам по религиозным и политическим мотивам никаких средств правовой компенсации, например, им не аннулируют их несправедливые обвинительные приговоры и не предоставляют доступ к качественной медицинской помощи, несмотря на то что после многолетних испытаний у многих из этих людей подорвано здоровье. Государство не признает, что их аресты были произвольными, а лишение свободы незаконным.

⁶⁷ Опрос Сурата Икрамова и Гульноры Файзиёвой, Ташкент, 20 ноября 2020 г.; телефонный опрос «Барнохона Б.», Янгиюль, Ташкентская область, 15 мая 2021 г.

⁶⁸ Мушфиг Байрам, «УЗБЕКИСТАН: заключенный попросил о встрече с сестрой, «возможно, в последний раз», Forum 18, 3 сентября 2020 г., https://www.forum18.org/archive.php?article_id=2598.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См. Национальные доклады Государственного департамента США о соблюдении прав человека за 2021 г., опубликованные Бюро по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений Госдепартамента США, 30 марта 2021 г., <https://www.state.gov/reports-bureau-of-democracy-human-rights-and-labor/country-reports-on-human-rights-practices/>.

В настоящее время Уголовный кодекс предусматривает пять способов освобождения заключенных до истечения срока их наказания: помилование, амнистия, оправдание, болезнь и условно-досрочное освобождение.⁷¹ Право на реабилитацию и возмещение ущерба дает только оправдательный приговор,⁷² а освобождения всех заключенных по религиозным и политическим мотивам были в форме помилования или амнистии, что исключает реабилитацию по закону. В некоторых случаях от заключенных требовали подтвердить свою вину или официально в письменной форме попросить прощения, чтобы сделать невозможным их дальнейшее оправдание или реабилитацию.⁷³ Многие были освобождены условно.⁷⁴ От некоторых потребовали отказаться от своих прав на компенсацию и других форм возмещения вреда. Многие работодатели неохотно берут на работу бывших заключенных по религиозным или политическим мотивам, опасаясь штрафов или потери выгодных государственных заказов, тогда как другие думают, что потенциальный сотрудник мог быть обычным преступником. Государство зачастую предлагает работу, которая не соответствует квалификации человека, а порой может быть просто унижительной. Даже в случае найма на работу, предложенную государством, большинство бывших заключенных обязаны отчислять ему 20 % своей зарплаты.⁷⁵

Добиться восстановления в своих прежних правах после выхода на свободу в реальности чрезвычайно сложно, и очень немногие бывшие заключенные по религиозным мотивам могут добиться пересмотра своих дел или реабилитации. Крайне мало бывших заключенных по религиозным мотивам, например, Джахонгир Кулиджанов, обжаловали в суде свои неправомерные приговоры и добились лишь частичной правовой реабилитации. Кулиджанов в настоящее время обжалует оставшиеся уголовные обвинения по своему делу и надеется на полную реабилитацию. Бывшему заключенному по религиозным мотивам Акраму Икрамову, осужденному на 18 лет по обвинению в членстве в партии «Хизб ут-Тахрир», в т. ч. в колонии «Жаслык», также удалось добиться реабилитации по ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса.⁷⁶

Правительство до сих пор не сделало ни одного заявления о том, что оно намеревается твердо встать на путь установления истины и примирения, который приведет к реабилитации вышедших на свободу, или заняться изучением политики репрессий верующих, которая причинила так много вреда столь многим людям. Содержательный национальный диалог о прошлых нарушениях прав, предусматривающий участие общественности, в частности касательно проблемы лишения свободы по религиозным и политическим мотивам, будет иметь решающее значение для успешной реализации долгосрочных реформ.

⁷¹ Это средство правовой защиты к заключенным по религиозным и политическим мотивам никогда не применялось. См. Уголовный кодекс, ст. 163 «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания», ст. 18 «Защита прав и свобод граждан», <https://lex.uz/docs/163627#168609>.

⁷² Ст. 301 в системной связи со ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса Узбекистана.

⁷³ Ответы государства-участника на перечень вопросов, CAT/C/UZB/Q/5/Add.1, 20 сентября 2019 г., пп. 15-24, 116, <https://undocs.org/CAT/C/UZB/Q/5/ADD.1>

⁷⁴ «Узбекистан: Release and Rehabilitate Political Prisoners», [«Узбекистан: освобождение и реабилитация политзаключенных»], Human Rights Watch, 17 ноября 2018 г., <https://www.hrw.org/news/2018/11/17/uzbekistan-release-and-rehabilitate-political-prisoners>.

⁷⁵ Указ «О помиловании группы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, чистосердечно раскаявшихся в содеянном и твердо вставших на путь исправления», <http://uza.uz/ru/documents/ukazom-prezidenta-pomilovany-113-grazhdan-27-08-2020>, по состоянию на 16 апреля 2021 г.

⁷⁶ Опрос Ахмаджона Мадмарова, Ташкент, Узбекистан, 9 ноября 2020 г.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ОЗАБОЧЕННОСТЬ

Усман Дарвышов © Фото, предоставленное семьей заключенного

1. **Набожный мусульманин Усман Дарвышов** (1963 г. р.), 57 лет, житель г. Наманган, работал тренером по боксу в спортивной школе. 18 февраля 2009 г. по пути домой он был задержан сотрудниками служб безопасности Узбекистана. Изначально он был обвинен в «мелком хулиганстве» и лишен свободы сроком на 15 суток в рамках административного задержания. Пока он отбывал это наказание, сотрудники служб безопасности перевели его под стражу в СИЗО УВД Наманганской области, где он был обвинен в «экстремизме». Власти предъявили Дарвышову сфальсифицированные обвинения в «разжигании национальной, расовой, национальной и религиозной ненависти» (ст. 156), «попытках свержения конституционного строя» (ст. 159), «организации преступной группы» (ст. 242), а также в «создании религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или других запрещенных организаций, руководстве их деятельностью или участии в ней» (ст. 244-2). Сын Дарвышова Умархон Йокубжонов показал, что, пока его отец находился под стражей, сотрудники служб безопасности, в частности офицер по имени Шохназар, пытали Дарвышова с целью получения от него ложного признания. По итогам закрытого судебного процесса, который был проведен с грубыми

нарушениями процессуальных норм, Дарвышов был приговорен к 16 годам лишения свободы. В 2018 г., отсидев девять лет в колонии в г. Карши, Дарвышов был переведен в открытую колонию-поселение.

2. **Файзулла Саидкаримович Агзамов** (1969 г. р.), 42 года, был арестован в 2001 г. по обвинению в «попытках свержения конституционного строя» (ст. 159) и членстве в запрещенной организации (ст. 244) и приговорен к 17 годам лишения свободы. Правозащитники сообщили, что власти преследовали Агзамова только потому, что он соответствовал характеристике верующего мусульманина, исповедующего свою религию вопреки строгим предписаниям государства. В течение следующих двадцати лет власти Узбекистана задержали и заключили в тюрьму по аналогичным обвинениям нескольких родственников Агзамова, включая его жену и сына, хотя все, кроме Агзамова, в настоящее время на свободе. В 2014 г., менее чем за три года до окончания срока его заключения, власти осудили его повторно, добавив к действующему приговору еще 16,5 лет. Родственники утверждают, что Агзамов подвергался пыткам за время пребывания в неволе. Если Агзамову доведется отсидеть весь срок, он выйдет на свободу только в 2030 г. По последним сведениям, полученным от членов семьи Агзамова, в настоящее время он отбывает наказание в колонии строгого режима в г. Караулбазар Бухарской области (ИК № 17).
3. **Тохир Джуманов** (1963 г. р.), 57 лет, был арестован в Ташкенте 6 августа 1999 г. по обвинению в распространении литературы Хизб ут-Тахрир. Сырдарьинский областной суд приговорил его к 10 годам лишения свободы по различным статьям УК, включая статьи 156, 159, 216, 242-2, 244 и 246. Джуманову неоднократно незаконно продлевали срок наказания. В первый раз это произошло в 2009 г., когда его срок был произвольно продлен по ст. 221 за «нарушение тюремного режима» в колонии г. Зарафшан (ИК № 64/48), в результате

чего ему дополнительно присудили три года и семь суток лишения свободы. Почти в конце срока, в 2012 г., с подачи администрации колонии-поселения г. Карши его приговорили еще к десяти годам. Правозащитники и его родственники сообщают, что сотрудник колонии Маруф Абдуллаев пытал Джуманова 10 мая 2018 г. в колонии г. Навои (ИК № 64/46). Заявления Джуманова о пытках власти не расследовали.

4. **Равшан Косимов** — военный, прошедший обучение по программе обмена в Военной академии США Вест-Пойнт. В 2008 г. службы безопасности арестовали его и во время допроса по обвинению в «религиозном экстремизме» применили к нему пытки. По словам матери Равшана Малики Косимовой, он попал в поле зрения служб безопасности, поскольку был набожным мусульманином и всегда имел при себе экземпляр Корана. После задержания власти угрожали лишить его свободы по обвинению в «неконституционной деятельности» (ст. 159), а потом и в государственной измене (ст. 157). Косимова утверждает, что во время предварительного заключения Равшана Косимова жестоко пытали, чтобы добиться от него ложного признания. Косимова и адвокат ее мужа Сергей Майоров сообщили, что власти неоднократно фабриковали против Косимова обвинения во всевозможных «нарушениях тюремных правил», чтобы лишить его права на амнистию или освобождение. Его нынешний срок заключения истекает в 2023 г. Косимова также заявляет, что сотрудники открытой колонии-поселения г. Пскент (КП № 50), в которой содержится Равшан Косимов, в 2020 г. исказили его высказывания, что, по ее опасениям, может послужить поводом для его возвращения в закрытую колонию более строгого режима. Майоров считает, что власти могут применить против Косимова репрессии, поскольку в последние годы он давал свидетельские показания против сотрудников служб безопасности, обвиняемых в пытках по другому делу, в котором ответчик добивался реабилитации. «Скорее всего, они хотят покончить с ним», — сказала Косимова.

Аваз Тохтаходжаев © Фото предоставлено частным лицом

5. **Аваз Абдувахович Тохтаходжаев** (1949 г. р.), 72 года, экономист. Он был арестован агентами службы безопасности в собственном доме в Ташкенте 26 ноября 1999 г. по подозрению в членстве в партии «Хизб ут-Тахрир». Тогда же у него без ордера был проведен обыск. Сотрудники службы безопасности предъявили ему обвинения по статьям 156, 159, 216, 244-1, 244-2 и 246 УК. Во время предварительного заключения к Тохтаходжаеву применяли жестокие пытки с целью получения ложных признаний. Помимо прочего, сотрудники службы безопасности избивали Тохтаходжаева резиновой дубинкой до потери сознания. В марте 2000 г. Ташкентский областной суд приговорил его к 13 годам лишения свободы. Под различными надуманными предложениями тюремные чиновники произвольно продлевали Тохтаходжаеву приговор пять раз (в 2001 г., 2002 г., 2004 г., 2007 г. и 2013 г.), добавив к его первоначальному приговору более 12 лет и лишив его права на амнистию. Тохтаходжаев уже пробыл за решеткой 22 года, отбывая срок в колониях г. Навои, г. Андижан и г. Бухары, и за этот период у него появилось множество проблем со здоровьем, включая инсульт, который он перенес в августе 2018 г.
6. **Умар Бадалов** (1978 г. р.), 43 года, житель Ташкента, набожный мусульманин, первоначально был арестован 4 марта 1999 г. в возрасте 21 года, в период волны арестов, проведенных вскоре после взрывов в Ташкенте в феврале 1999 г. Джизакский областной суд приговорил его 6 августа 1999 г. к 17 годам лишения свободы по обвинению в хранении экстремистской литературы (ст. 244) и другим обвинениям в «религиозном экстремизме». Во время предварительного заключения сотрудники служб безопасности применяли к нему жестокие пытки — вырывали ему ногти на руках и ногах. Бадалов был освобожден по амнистии, объявленной в 2003 г.

После его выхода на свободу полиция и службы безопасности установили за ним тщательную слежку и, по данным Инициативной группы независимых правозащитников, планировали арестовать его в связи со взрывом возле ташкентской мечети в 2015 г., несмотря на многочисленные свидетельские показания о том, что Бадалов с женой были в роддоме в 35 км от места взрыва. По словам его родных, после выхода из тюрьмы в 2003 г. он прекратил все контакты с другими набожными мусульманами, молился только дома, мечети не посещал. Впоследствии Бадалов долгие годы был трудовым мигрантом в Москве, Россия, работая на строительстве. После переезда двух его коллег на Ближний Восток по неустановленным причинам, спецслужбы Узбекистана вновь стали проявлять к нему интерес. 19 января 2017 г. Бадалова арестовали по его возвращении в международном аэропорту Ташкента по подозрению в причастности к религиозному экстремизму, и с тех пор он находится в предварительном заключении или отбывает тюремный срок.

Нематулло Ибрагимов © Фото предоставлено частным лицом

7. **Нематулло Якубович Ибрагимов** (1963 г. р.), 57 лет, житель г. Наманган, первоначально был арестован и осужден в 1998 г. по различным статьям УК, включая статьи 159, 242 и 248. При задержании полиция обвинила его в принадлежности к «ваххабизму» на одном только основании, что он был набожным мусульманином. Ибрагимов отбывал наказание вплоть до освобождения по амнистии, объявленной в 2004 г., вместе с большой группой заключенных по религиозным мотивам. Ибрагимов был арестован повторно после Андижанского расстрела в мае 2005 г.,

в ходе очередной волны массовых арестов лиц, подозреваемых в «экстремизме», и приговорили его к шести годам лишения свободы по аналогичным обвинениям (статьи 159, 244-1, 244-2). В 2011 г., всего за месяц до освобождения, Ибрагимову в третий раз вынесли новый приговор по статьям 159, 244-1, 244-2, осудив его еще на десять лет до 2021 г. Родственники сообщили правозащитникам, что Ибрагимов подвергался пыткам в нескольких тюрьмах, и что судебные процессы над ним прошли с грубейшими нарушениями процессуальных норм. Они также заявили, что Ибрагимову могут в очередной раз произвольно продлить срок. Ибрагимов отбывал срок в ИК № 64/29 в г. Навои, ИК № 64/1 в г. Зангиота, ИК № 64/33 в г. Карши, ИК № 64/25 в г. Караулбазар, Бухарской области, а также в тюрьме в г. Зарафшан, где он предположительно находится по сей день.

8. **Мухаммад Абдукаримович Рашидов** (1985 г. р.), 36 лет, житель Ташкента, был арестован в 2018 г. вместе с четырьмя своими родственниками по сфабрикованным обвинениям в религиозном экстремизме. 9 июля 2018 г. Ташкентский городской суд вынес приговор всем пятерым обвиняемым. Остальные четверо обвиняемых были условно освобождены или помещены под домашний арест, а Рашидов был приговорен к восьми годам лишения свободы. Присутствовавшие на суде правозащитники сообщили, что обвинение не представило достоверных доказательств совершения Рашидовым преступных действий.
9. **Санат Суннаталиевич Салимов** (1992 г. р.), 28 лет, житель г. Навои, был трудовым мигрантом в России, а по возвращении в Узбекистан был сразу арестован. В апреле 2016 г. Салимов был приговорен к семи годам лишения свободы. Сотрудники отдела по борьбе с терроризмом и экстремизмом УВД г. Навои задержали его после того, как якобы обнаружили в его мобильном телефоне арабские песни. Сначала он был задержан полицией по административным обвинениям, а затем ему было предъявлено уголовное обвинение в религиозном экстремизме. Правозащитники и родственники Салимова сообщают, что во время его предварительного заключения в г. Навои сотрудники полиции надели ему на голову мешок и избили до потери сознания. К его гениталиям привязали бутылку с водой и избили его резиновыми дубинками. Его также пытали, прикладывая электрошокер к рукам и ногам. Кроме того, во время допроса в полиции его запугивали тем, что изнасилуют его сестру.

Правозащитники сообщили, что обвинение Салимова не было подкреплено доказательствами его вины или причастности к насильственным действиям; все, что было у обвинения — это песни на арабском языке, которые полиция обнаружила в телефоне Салимова. Он сам заявляет, что эта улика сфальсифицирована сотрудниками спецслужб в г. Навои.

10. **Джахонгир Джапарович Камолов** (1975 г. р.), 41 лет, был задержан 18 мая 2000 г. полицией в Ташкенте по подозрению в членстве в партии «Хизб ут-Тахрир». Во время предварительного заключения к нему применяли пытки. По заявлениям правозащитников, обвинения и дело против него были сфабрикованы полицией. 22 сентября 2000 г. Ташкентский суд приговорил его к 16 годам лишения свободы по статьям 159, 216 и 244-1 УК. На основании апелляции приговор был сокращен до десяти лет, однако, когда Камолову оставалось отсидеть всего два года, власти добавили к его приговору восемь лет по ложным обвинениям за предполагаемые «нарушения тюремных правил» (ст. 221). В августе 2016 г., сославшись на то, что Камолов «не привел в порядок свою кровать», администрация колонии г. Навои продлила его срок еще на четыре года и семь месяцев. Родственники Камолова сообщили правозащитникам, что его пытали в нескольких тюрьмах.
11. **Иброхим Тоджихамадович Холматов** (1980 г. р.), 41 год, из г. Янгиуль Ташкентской области. Холматов был арестован в 2000 г. в результате открытия против него уголовного дела по обвинениям в «антиконституционной деятельности» (ст. 159), «незаконном создании общественных объединений или религиозных организаций» (ст. 216) и «изготовлении или распространении материалов, представляющих угрозу для общественной безопасности или общественного порядка» (ст. 244). Правозащитные группы назвали это дело сфабрикованным. По словам членов семьи Холматова и правозащитников, в заключении он подвергался пыткам. В 2001 г. он был приговорен к десяти годам тюремного заключения и отправлен отбывать наказание в колонию г. Карши. В мае 2002 г., после того как у него обнаружили туберкулез на прогрессирующей стадии, его приговор был изменен на условный, и Холматов был досрочно освобожден. Однако 8 января 2020 г., восемнадцать лет спустя, власти вновь арестовали Холматова по практически аналогичным подозрениям. Ему было предъявлено обвинение в «терроризме» (ст. 155(1)) и опять в «незаконном создании общественных объединений или религиозных организаций» (ст. 216). Родственники Холматова рассказали правозащитникам, что во время допросов его держали в камере при температуре -10°C , чтобы заставить его сделать ложное признание. Несмотря на то, что в деле Холматова не было ничего секретного, судебный процесс над ним, состоявшийся в сентябре 2020 г., был закрыт как для общественности, так и для журналистов: не были допущены даже родственники подсудимого. Ташкентский суд приговорил Холматова к четырем годам и одному месяцу лишения свободы в открытой колонии-поселении.
12. **Набожный мусульманин Алишер Муминов** (1986 г. р.), 35 лет, житель г. Маргилан, был арестован в Ташкенте 26 марта 2016 г. по обвинению в нарушении статей 159(1), 159(3) и 244 УК якобы за распространение запрещенной религиозной литературы, помимо прочего. Муминов работал сапожником в Ташкенте. Тогда на веб-сайте *Одноклассники.ру* он познакомился с женщиной и начал с ней переписываться. По словам родственников Муминова, эта женщина по заданию спецслужб пыталась выяснить мнение Алишера касательно ислама. У них было несколько бесед по телефону, во время которых женщина расспрашивала его о том, что он думает об исламском халифате, организации «Исламском государстве» и войне в Сирии. Родственники Муминова сообщили, что в ходе одного из таких разговоров женщина спросила его: «А ты не собираешься воевать в Сирии?» Затем женщина договорилась с Муминовым о встрече, назначив время и дату: 26 марта 2016 г. Когда Муминов прибыл в указанное место, там сотрудники службы безопасности ждали его, чтобы задержать. Среди доказательств вины Муминова были «экстремистские» материалы, найденные силовиками в его телефоне, включая стихотворения популярного религиозного деятеля, поэта и спортивного комментатора Хайрулло Хамидова (который отбыл наказание за экстремизм в виде лишения свободы в 2010—2015 гг.) и записи популярного имама Абдулло Домла. Муминов сообщил родственникам, что его заставили подписать признание, не предоставив возможности обратиться за помощью к адвокату. В результате закрытого судебного разбирательства Муминов был приговорен к 15 годам лишения свободы, однако благодаря вмешательству Уполномоченного по правам человека этот срок был сокращен до семи с половиной лет. Муминов сидел в колонии «Жаслык» (2016—2019 гг.), затем в одной

из тюрем в Папском районе Наманганской области, а в настоящее время отбывает наказание в колонии-поселении в поселке Хасанбай.

По данным организации Forum 18, Алишер Касымов (1986 г. р.), Шахзоджон Зокиров (1999 г. р.), Джавохир Ахмедов (1996 г. р.), Убайдулла Муртазов (1996 г. р.), Азимжон Абдусаматов (2000 г. р.), Баходыр Джохонов (2000 г. р.), Абдулборий Абдурахмонзода (2000 г. р.) и Бахтиёр Турсунов (1997 г. р.) были арестованы в августе и сентябре 2019 г. по религиозным мотивам за то, что, как утверждалось властями, они загрузили в свои телефоны «экстремистские проповеди» и совершили другие преступления, связанные с религиозным экстремизмом. Все они предстали перед судом и получили разные сроки. Суд приговорил пятерых мужчин к тюремному заключению сроком до 11 с половиной лет. Остальным трем были вынесены приговоры с ограничением свободы, предписывающие им, помимо прочего, соблюдать комендантский час каждый вечер и запрещающие управлять автомобилем, пользоваться интернетом или другими средствами связи, посещать развлекательные и другие публичные мероприятия, а контактировать с лицами, «склонными к совершению преступлений или преследуемыми по закону».

13. Алишер Касымов (1986 г. р.), 35 лет, был приговорен к лишению свободы на одиннадцать с половиной лет по статьям 244-2 и 155-3 УК за якобы участие в деятельности религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или других запрещенных организаций, а также за «финансирование терроризма».
14. Шахзоджон Зокиров (1999 г. р.), 21 год, был приговорен к тюремному заключению сроком на семь с половиной лет по статьям 244-2, 155-3 и 159-1 УК за якобы участие в деятельности религиозных экстремистских организаций в целях «изменения конституционного строя», а также якобы за прохождение подготовки в лагере террористов и «совершение террористических актов».
15. Джавохир Ахмедов (1996 г. р.), 24 года, обвинен по статьям 244-2 и 244-1 УК за якобы изготовление и хранение материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма.
16. Убайдулла Муртазов (1996 г. р.), 25 лет, был задержан 5 сентября 2019 г. и осужден по статьям 159-1, 159-3, 244-1 и 244-2 УК. Организация Forum 18 сообщила, что Муртазов был задержан полицией якобы за

хранение с целью распространения материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, и приговорен к десяти годам и шести месяцам тюремного заключения или лишения свободы в колонии-поселении в Ташкентской области.

17. Азимжон Абдусаматов (2000 г. р.), 21 год, был взят под стражу 14 августа 2020 г. в зале суда сразу после завершения судебного процесса. Он был приговорен к шести годам и трем месяцам заключения в исправительно-трудовом лагере в Ташкенте по статьям 244-2 и 159-1 УК за изготовление и хранение с целью распространения материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, и за «попытку изменения конституционного строя».
18. Баходир Джахонов (1999 г. р.), 21 год, был приговорен к «ограничению свободы» на четыре года и три месяца и осужден по ст. 244-2 УК.
19. Абдулборий Абдурахмонзода (2000 г. р.) был приговорен к «ограничению свободы» на четыре года и осужден по статьям 241 и 155-1 УК якобы за сокрытие информации о террористических актах. Ограничение свободы означает, что он должен оставаться дома с 21:00 до 7:00, ему запрещено посещать развлекательные центры, общественные мероприятия, пользоваться общественным транспортом, управлять транспортными средствами и пользоваться интернетом или другими коммуникационными платформами.
20. Бахтиёр Турсунов (1997 г. р.), 24 года, осужден 5 сентября 2019 г. на семь с половиной лет. Содержится в трудовом лагере в Ташкенте. Он был задержан по статьям 244-2, 244-1 и 159 УК за якобы изготовление и хранение с целью распространения материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, и за «попытку изменения конституционного строя», что по уголовному законодательству Узбекистана приравнивается к государственной измене и шпионажу.

Организация Forum 18 сообщила о ряде других случаев лишения независимых мусульман свободы по обвинениям, связанным с религией и экстремизмом, включая арест нескольких мужчин в январе 2020 г., которые встречались для обсуждения ислама, в частности Равшана Игамбердиева, Искандара Искандарова, Акбара Абсалова и Фаридуддина Абдувохидова. Прокуратура обвинила арестованных в нарушениях ст. 244-1 («Изготовление, хранение, распространение или демонстрация материалов, представляющих

угрозу для общественной безопасности и общественного порядка», ст. 244-2 («Создание религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или других запрещенных организаций, руководство их деятельностью или участие в ней») и ст. 155 («Терроризм») УК, и они были осуждены в **сентябре 2020 г.** В числе арестованных и осужденных были:

21. **Равшан Игамбердиев** (1987 г. р.), приговорен к ограничению свободы на три года два месяца по ст. 155-3, ч. 1 и ч. 2, ст. 244-1 ч. 3 п. (d) и ст. 244-2 ч. 1 УК.
22. **Искандар Искандаров** (1988 г. р.), 33 года, осужден на четыре года по статьям 155-3, 244-1 и 244-2 УК.
23. **Акбар Абсалов** (1987 г. р.), 34 года, осужден на четыре года по статьям 155-3, 244-1 и 244-2 УК.
24. **Фаридуддин Абдувохидов** (1994 г. р.), 25 лет, осужден на 11 лет по статьям 155-3 и 228 УК.
25. Набожный мусульманин **Муроджон Тохирджонович Хайитов** (1984 г. р.), 37 лет, житель г. Андижан, был арестован в 2009 г. по сфабрикованному обвинению в религиозном экстремизме за мирное вероисповедание. В 2009 г. Андижанский областной суд приговорил его к 15 годам лишения свободы по обвинению в экстремизме, в т. ч. по статьям 155, 156, 159, 242, 244-1 и 244-2 УК. Родственники сообщили, что он находился в колонии г. Касан на юге Кашкадарьинской области (колония исполнения наказаний (ИК) № 64/51), а с марта 2018 г. был переведен в колонию-поселение в Зафарабадский район Джизакской области.
26. Набожный мусульманин **Фаррух Юлдашев** (1979 г. р.), 42 года, впервые был арестован в 2000 году в период волны задержаний независимых мусульман, имевшей место после взрывов в Ташкенте в феврале 1999 г. Ташкентский суд приговорил его в 2000 г. к семи годам лишения свободы. В 2007 г., незадолго до его выхода на свободу, тюремные власти произвольно продлили ему срок на четыре года и 15 суток за сфабрикованные «нарушения тюремных правил» («раскрутка»). В 2008 г. тюремные власти вновь приговорили его к лишению свободы по еще одному комплексу обвинений в экстремизме, добавив к его тюремному заключению еще восемь лет. Судебный процесс проходил в тюрьме с грубым нарушением стандартов справедливого судебного разбирательства. Родственники сообщили, что впоследствии ему был присужден еще один, пятилетний, срок. 11 июня 2020 г. Юлдашев позвонил родным, чтобы сообщить, что его пытали в Навоийской тюрьме (ИК № 64/46), где он содержится в настоящее время. Родственники заявили, что телефонный разговор прервался сразу после того, как Юлдашев произнес слово «пытки». Юлдашев попросил родных сообщить о пытках в Администрацию президента через расположенные по всей стране, открытые для общественности президентские приемные. Адвокат семьи Дилшод Джабборов сказал, что подал ходатайство о проведении судебно-медицинской экспертизы своего подзащитного на предмет пыток, однако ходатайство было отклонено.
27. **Мухамаджон Акмалджон оглы Ахмаджонов** (1992 г. р.), 29 лет, набожный мусульманин, сын заключенной по религиозным мотивам Насибы Усмоновой, которой вместе с ее родственниками было предъявлено обвинение в членстве в группе «*Жиходчилар*» («Джихадисты»), которую власти Узбекистана считают запрещенной экстремистской организацией. Правительство Узбекистана добивалось экстрадиции Ахмаджонова из Объединенных Арабских Эмиратов, а затем из Азербайджана. Он был возвращен в Узбекистан 20 мая 2017 г. Ахмаджонов был приговорен судом к 13 годам лишения свободы по обвинению в хранении экстремистской литературы (статьи 219, 244-1 и 244 УК).
28. **Акбар Саидахмедович Икрамов** (1981 г. р.), 40 лет, был осужден 17 апреля 2000 г. Маргиланским городским судом по статьям 159, 216 и 244 УК на восемь лет лишения свободы исключительно за мирное вероисповедание. 18 февраля 2008 г., всего за два месяца до истечения срока его приговора, Навоийской областной суд повторно приговорил его по ст. 159 УК еще к шести годам и шести суткам. Впоследствии, 15 августа 2008 г., Навоийской областной суд в очередной раз приговорил его по статьям 159, 242 и 244 УК к лишению свободы на 17 лет. Для продления срока заключения Икрамова суд применил ст. 34 УК, назвав его «опасным рецидивистом», несмотря на то, что новый приговор Икрамова основывался на полностью сфабрикованном деле. В настоящее время Икрамов содержится в тюрьме (ИК № 11) г. Навои.
29. **Миразиз Гозибоевич Мирзахмедов** (1970 г. р.), 51 год, осужден Ташкентским областным судом 5 июня 2000 г. по статьям 159, 216 и 244 УК на 13 лет в рамках массовых полицейских облав на

- набожных мусульман после взрывов в Ташкенте в феврале 1999 г. 15 августа 2008 г. Мирзахмедов был повторно осужден Навоийским областным судом на 17 лет по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время он содержится в колонии (ИК № 6) г. Чирчик Ташкентской области.
30. **Равшан Рахимжанович Каримов** (1973 г. р.), 48 лет, осужден Ташкентским городским судом 22 мая 2000 г. по статьям 159, 216 и 244 УК и приговорен к 13 годам лишения свободы. Власти преследовали Каримова по подозрению в членстве в Хизб ут-Тахрир, не имея никаких доказательств его причастности к насильственным действиям или другой преступной деятельности. 15 августа 2008 г. Навоийский областной суд повторно осудил Каримова еще на 16 лет и шесть месяцев по статьям 159, 242 и 244 УК. Родственники Каримова сообщили, что в настоящее время он содержится в колонии (ИК № 12) г. Зарафшан.
31. Набожный мусульманин **Джамшидбек Ибойдуллаевич Атабеков** (1973 г. р.), 48 лет, осужден 30 марта 1998 г. Джизакским городским судом по ст. 276 УК, а 3 июля 1999 г. Джизакский областной суд вынес ему повторный приговор по статьям 159, 248 и 276 УК, предусматривающий лишение свободы на 11 лет. По словам правозащитников, его уголовное дело было полностью сфабриковано. 15 августа 2008 г. Навоийский областной суд в очередной раз осудил его на 16 лет и шесть месяцев по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время он содержится в колонии (ИК № 10) г. Касан Кашкадарьинской области.
32. Набожный мусульманин **Шамсиддин Фазлитдинович Гиясов** (1983 г. р.), 38 лет, осужден 4 января 2002 г. Ташкентским городским судом по статьям 159 и 244 УК на шесть лет и шесть месяцев. Как сообщили родные Гиясова, он стал объектом преследования исключительно из-за мирного вероисповедания. 12 сентября 2007 г. он был повторно осужден Навоийским областным судом на шесть лет и девять месяцев по ст. 159 УК. 15 августа 2008 г. Навоийский областной суд осудил Гиясова еще на 17 лет по статьям 159, 242 и 244 УК. По данным правозащитников, в настоящее время он содержится в колонии-поселении г. Ахангаран.
33. Набожный мусульманин **Рустам Ахмедович Носиров** (1967 г. р.), 54 года, арестован за внешнее проявление религиозности. 30 сентября 1998 г. Чиназский районный суд Ташкентской области признал Носирова виновным по ст. 109 УК, лишив его свободы на два года, а 25 января 2000 г. тот же суд вновь осудил его на девять лет по статьям 159, 216 и 244 УК. 15 августа 2008 г. Носиров был повторно приговорен Навоийским областным судом к лишению свободы на 16 лет и 3 месяца по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время он содержится в колонии (ИК № 14) г. Алмалык.
34. **Турназар Мухаммадиевич Бойматов** (1973 г. р.), 48 лет, осужден 27 марта 2000 г. Сурхандарьинским областным судом на девять лет по статьям 159 и 244 УК. 15 августа 2008 г. Навоийский областной суд вынес ему повторный приговор по статьям 159, 242 и 244 УК, предусматривающий лишение свободы на 16 лет и три месяца. По словам правозащитников и родственников Бойматова, суд применил ст. 34, объявив его «рецидивистом», чтобы продлить срок его заключения. Текущее местонахождение Бойматова неизвестно.
35. Набожный мусульманин **Забихулло Хайруллаевич Муминов** (1968 г. р.), 53 года, впервые был арестован в 1999 г. после взрывов в Ташкенте. Его родные сообщили, что дело против него было сфабриковано полицией, поскольку он был набожным мусульманином. 12 октября 1999 г. Ташкентский городской суд приговорил его к 11 годам лишения свободы по статьям 159 и 216 УК. 15 августа 2008 г. Навоийский областной суд вновь осудил его на 16 лет и шесть месяцев по статьям 159, 242 и 244 УК. Сейчас Муминов находится в заключении, но его точное местонахождение неизвестно.
36. Мирный верующий **Машрап Фарходович Рабиев** (1981 г. р.), 40 лет, 20 мая 2003 г. осужден Сурхандарьинским областным судом на девять лет по статьям 159 и 244 УК. 15 августа 2008 г. Навоийский областной суд вынес ему новый приговор по статьям 159, 242 и 244 УК, лишив его свободы на 17 лет. Родственники сообщили, что в настоящее время он содержится в ИК № 10 г. Касан Кашкадарьинской области.
37. **Мурод Халилович Муминов** (1971 г. р.), 50 лет, осужден 18 сентября 2002 г. Ташкентским городским судом на 11 лет по статьям 159 и 244 УК. Вместе с другими мирными верующими, внесенными в этот список, 15 августа 2008 г. Навоийский областной суд повторно приговорил его еще к 16 годам и шести месяцам. По словам правозащитников, доказательств его причастности к преступной деятельности нет. Место его нынешнего заключения неизвестно.

38. Мирный верующий **Номоз Уралович Нормуродов** (1974 г. р.), 47 лет, 13 июля 2000 г. Сурхандарьинским областным судом приговорен к 11 годам лишения свободы по статьям 159, 244 и 248 УК. 17 сентября 2008 г. Навоийский областной суд повторно осудил его на 17 лет по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время он содержится под стражей в ИК № 10 г. Касан Кашкадарьинской области.
39. Мирный верующий **Иногомов Бахромжон Умаржонович** (1981 г. р.), 40 лет, 1 мая 2001 г. осужден судом одного из районов г. Ташкента на 11 лет по статьям 159 и 244 УК. 17 сентября 2008 г. в результате закрытого судебного разбирательства, прошедшего с многочисленными нарушениями процессуальных норм, Иногомов был повторно осужден Навоийским областным судом еще на 18 лет по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время он содержится в ИК № 14 г. Алмалык Ташкентской области.
40. Мирный верующий **Шухрат Эркинович Усманов** (1976 г. р.), 45 лет, 21 мая 1999 г. приговорен Ташкентским областным судом к 12 годам лишения свободы по статьям 159, 216 и 244 УК. 17 сентября 2008 г. Навоийский областной суд дополнительно осудил Усманова на 18 лет по статьям 159, 242 и 244 УК. Настоящее место заключения Усманова неизвестно.
41. **Эркинжон Рахимжонович Орипов** (1974 г. р.), 47 лет, осужден 8 августа 2000 г. Судом Шайхонтахурского района г. Ташкента на девять лет по статьям 159, 216 и 244 УК. Правозащитники сообщили, что полиция задержала Орипова произвольно, поскольку в обществе он был известен как набожный мусульманин, и что он никогда не участвовал ни в преступной, ни в экстремистской деятельности. 17 сентября 2008 г. Орипов был осужден Навоийским областным судом на закрытом судебном заседании еще на 18 лет по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время он находится в заключении, но его местонахождение неизвестно.
42. Набожный мусульманин **Аброр Абдуганиевич Ахмедов** (1976 г. р.), 45 лет. 23 января 2003 г. Кашкадарьинский областной суд приговорил его к семи годам лишения свободы по статьям 159 и 244 УК. Несмотря на отсутствие доказательств его причастности к преступной деятельности как до его ареста в 2003 г., так и во время его пребывания в тюрьме, 17 сентября 2008 г. Навоийский областной суд повторно осудил его еще на 18 лет по статьям 159, 242 и 244 УК, применив для продления срока наказания статью 34. Место его нынешнего заключения неизвестно.
43. **Дилрух Исаков** (1973 г. р.), 48 лет, осужден 2 марта 2004 года Судом Сабир-Рахимовского района г. Ташкента на шесть лет по статьям 159 и 244 УК. Исаков — мирный верующий, арестованный по подозрениям в членстве в запрещенной партии «Хизб ут-Тахрир». После закрытого судебного разбирательства, которое проходило в тюрьме без реальной возможности получения обвиняемым услуг адвоката, 17 сентября 2008 г. Навоийский областной суд повторно приговорил Исакова к лишению свободы еще на 18 лет по статьям 159, 242 и 244 УК. Место его нынешнего заключения неизвестно.
44. **Набижон Мамадаминевич Валиев** (1967 г. р., покойный) был осужден 3 августа 1999 г. Ферганским областным судом на 16 лет по статьям 159, 216, 242 и 244 УК. 17 сентября 2008 г. Навоийский областной суд повторно приговорил его еще к семи годам лишения свободы по статьям 159, 242 и 244 УК. Правозащитники сообщили, что Валиев скончался в 2012 г. от травм, полученных в результате пыток в Кашкадарьинском СИЗО. Родственники рассказали, что похороны Валиева прошли в Маргилане в присутствии сотрудников МВД.
45. Мирный верующий **Абдулхomid Курбоналиевич Аллабердиев** (1972 г. р.), 42 года. 8 февраля 2001 г. он был приговорен Сурхандарьинским областным судом к лишению свободы 12 лет по статьям 159 и 244 УК. Вместе с другими заключенными по религиозным мотивам 17 сентября 2008 г. Аллабердиев был повторно осужден еще на 17 лет Навоийским областным судом по статьям 159 и 244 УК. Текущее местонахождение Аллабердиева неизвестно.
46. Набожный мусульманин **Мухиддин Мусаевич Джалолов** (1975 г. р.), 46 лет, задержан в ходе массовых арестов мусульман после террористических актов, произошедших в Ташкенте в феврале 1999 г. 29 декабря 1999 г. Навоийский областной суд вынес ему приговор по статьям 156 и 244 УК, предусматривающий лишение свободы на десять лет. 17 сентября 2008 г. он был повторно осужден Навоийским областным судом еще на 18 лет по статьям 159 и 244 УК. В настоящее время он находится в заключении, но его местонахождение неизвестно.
47. Мирный верующий **Бахтиёр Муратович Шарипов** (1974 г. р.), 47 лет, арестован в 2002 г. по религиозным мотивам в рамках дела, которое правозащитники

- назвали сфабрикованным. 18 мая 2002 г. Ферганский областной суд приговорил его к десяти годам лишения свободы по статьям 159 и 244 УК. Правозащитники сообщили, что, как и многих других заключенных по религиозным мотивам, внесенных в этот список, тюремные власти решительно собирались держать его в заключении в течение неопределенного срока и сфабриковали против него новые обвинения по статьям 159 и 244 УК за якобы создание экстремистской группы в тюрьме. 17 сентября 2008 г. по решению второго судебного разбирательства, проходившего в тюрьме без реальной возможности для обвиняемого воспользоваться услугами адвоката, Навоийский областной суд повторно приговорил Шарипова еще к 17 годам лишения свободы. Место его нынешнего заключения неизвестно.
48. **Рахматжон Хусанович Эрназаров** (1974 г. р.), 47 лет, 12 сентября 2000 г. был приговорен Ферганским городским судом к девяти годам лишения свободы по решению судебного разбирательства, проведенного с многочисленными нарушениями процессуальных норм. Как и многие другие мусульманские заключенные по религиозным мотивам, Эрназаров был повторно осужден по ложным обвинениям. Для продления ему срока лишения свободы еще на шесть лет и два месяца Навоийский областной суд применил ст. 221 УК о «нарушении тюремных правил». 17 сентября 2008 г. Эрназаров был приговорен Навоийским областным судом еще к 18 годам лишения свободы по статьям 159, 242 и 244 УК. Текущее место заключения Эрназарова неизвестно.
49. **Набожный верующий Мухаммаджон Хабибуллаевич Ибадуллаев** (1970 г. р.), 51 год, хирург, был осужден приблизительно в 2000—2003 гг. По словам правозащитников, он был арестован по религиозным мотивам. Он был повторно произвольно приговорен к лишению свободы исключительно за мирное вероисповедание в заключении, а в августе 2008 года Ташкентский городской суд вновь осудил его на 19 лет. Правозащитники сообщили, что в настоящее время он содержится в г. Караулбазар, Бухарской области (ИК № 17).
50. **Равшан Очиллов** (1978 г. р.), 43 года, арестован приблизительно в 2000—2001 гг. Очиллов — мирный верующий, арестованный, по словам его родственников, по подозрению в членстве в партии «Хизб ут-Тахрир». Достоверные доказательства его причастности к преступной деятельности отсутствуют. В августе 2008 г. Кашкадарьинский областной суд повторно приговорил его еще к 19 годам лишения свободы, применив для вынесения решения о более длительном заключении ст. 34 УК. Текущее место заключения Очиллова неизвестно.
51. **Умид Болтабоев** (1980 г. р.), 41 год, первоначально был арестован по сфабрикованным обвинениям, связанным с его религиозными убеждениями, в 2000 или 2001 гг. По данным правозащитников, в августе 2008 г. Ферганский областной суд повторно осудил его по религиозным мотивам, добавив к его текущему приговору еще 17 лет лишения свободы. Нынешнее место заключения Болтабоева неизвестно.
52. **Мирный верующий Умар Нишонбаев** (1966 г. р.), 55 лет, первоначально был арестован в 2000 или 2001 гг. В стремлении не дать ему, как и другим заключенным по религиозным мотивам, выйти на свободу в августе 2008 г. тюремные власти выдвинули против него обвинения, и он был повторно приговорен Чиназским районным судом Ташкентской области еще к пяти годам и шести месяцам заключения. По состоянию на 2019 г. Нишонбаев содержался в ИК № 64/46 г. Навои.
53. **Мирный верующий Джамолиддин Хайдаров** (1973 г. р.), 48 лет, находится в заключении с 2000 или 2001 гг. Перед его освобождением Сурхандарьинский областной суд приговорил его по сфабрикованным основаниям еще к 16 годам заключения. Где сейчас отбывает срок Хайдаров, неизвестно.
54. **Абдувохид Ишмуратов** (1969 г. р.), 52 года, находится в заключении с 2000 или 2001 гг. В августе 2008 г. Чиназский городской суд Ташкентской области повторно приговорил его по сфабрикованным обвинениям еще к 16 годам лишения свободы. Текущее место заключения Ишмуратова неизвестно.
55. **Олим Мирзаев** (1980 г. р.), 41-летний заключенный по религиозным мотивам, находится за решеткой с 2001 или 2002 гг. По словам правозащитников, его арест был сфабрикован, поскольку он был набожным мусульманином. Для предотвращения его освобождения, власти сфабриковали ему обвинения, пока он отбывал свой первый срок, и в августе 2008 г. Ташкентский областной суд повторно приговорил его еще к 17 годам лишения свободы. В настоящее время Мирзаев содержится в ИК № 10 г. Касан Кашкадарьинской области.
56. **Дильмурод Холмуродович Тулеев** (1975 г. р.), 46 лет, с 2000 или 2001 гг. является заключенным по

- религиозным мотивам. Правозащитники сообщили, что в августе 2008 г. Кашкадарьинский областной суд повторно приговорил Тулеева к 16 годам лишения свободы. Нынешнее место заключения Тулеева неизвестно.
57. **Усинбаев Исмон Тобакелович** (1977 г. р.), 44 года. В августе 2008 г. был повторно осужден на 14 лет Ферганским областным судом. В настоящее время он находится в заключении, но его местонахождение неизвестно.
58. **Мухаммадамин Хамдамович Абдураззоков** (1974 г. р.), 47 лет, осужден 19 июня 1999 г. Ферганским областным судом по статьям 159, 242 и 244 УК на 14 лет. По всей видимости, дело против него было возбуждено за то, что он был набожным мусульманином. В 2013 г. власти добавили к его приговору четыре года заключения в ИК № 64, применив ст. 221 УК («нарушение тюремных правил»). Аналогичный прием использовался властями в 2017 г., незадолго до его освобождения: тогда его приговорили по ст. 221 еще к трем годам заключения в колонии г. Алмалык. В 2020 г. Абдураззокова вновь осудили по статьям 159 и 244 УК, продлив ему срок еще на девять лет заключения в колонии г. Навои (ИК № 11), где предположительно он находится по сей день. Общая продолжительность приговоров Абдураззокова составляет 30 лет.
59. Мирный верующий **Икромжон Ярдмжонович Ахмаджонов** (1972 г. р.), 49 лет. В 1999 г. Маргиланский городской суд приговорил его к девяти годам лишения свободы по статьям 159, 242 и 244 УК. Освобожденный по амнистии в 2002 г., Ахмаджонов был в 2004 г. арестован и осужден Ферганским областным судом на 11 лет по статьям 159, 242 и 244 УК. Пока он содержался под стражей в ИК № 17 г. Бухары, в 2011 г. власти повторно приговорили его еще к 13 годам лишения свободы по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время Ахмаджонов находится в ИК № 10 г. Касан Кашкадарьинской области.
60. **Азизжон Салимжонович Баннопов** (1967 г. р.), 54 года, осужден в 2001 г. Маргиланским городским судом на девять лет по статьям 159 и 244 УК. Баннопову еще дважды выносили повторные приговоры по сфабрикованным обвинениям: в 2008 г. его осудили на семь лет, а в 2017 г. — еще на пять лет. В настоящее время он содержится в ИК № 14 г. Алмалык Ташкентской области.
61. Мирный верующий **Одилходжа Дадаходжаев** (1969 г. р.), 52 года, был первоначально осужден в 2000 г. Маргиланским городским судом на шесть лет по статьям 159 и 244 УК на основании сфабрикованных обвинений в отместку за его религиозные убеждения. В 2008 г. Дадаходжаев был повторно приговорен еще к 16 годам лишения свободы и в настоящее время содержится в ИК № 10 г. Касан.
62. **Акром Камолович Зокиров** (1981 г. р.), 40 лет, осужден в 2000 г. Маргиланским городским судом на 20 лет. Бывшие заключенные по религиозным мотивам сообщили, что в тюрьме его пытали, и что дела против него были возбуждены исключительно на том основании, что он является набожным мусульманином. В 2009 г. Зокиров был вновь приговорен к 18 годам лишения свободы. В настоящее время Зокиров содержится в ИК № 64/25 г. Караулбазар Бухарской области.
63. Мирный верующий **Кобилжон Маликович Зокиров** (г. р. неизвестен), в 2000 г. приговорен Андижанским городским судом к 17 годам лишения свободы по статьям 156, 158, 159, 216 и 244 УК. В 2010 г. Ташкентский областной суд дополнительно приговорил его и еще восемь граждан к 12 годам и восьми месяцам лишения свободы. В настоящее время Зокиров содержится в ИК № 64/25 г. Караулбазар Бухарской области.
64. **Иброхимжон Ахтамович Исабоев** (1973 г. р.), 48 лет, был арестован, а затем осужден Маргиланским городским судом в конце 2000 г. на 11 лет по статьям 159 и 244 УК. Родственники Исабоева заявили правозащитникам, что он не имеет никакого отношения к преступной деятельности. Вероятно, он стал мишенью служб безопасности потому, что соответствовал характеристике набожного верующего, и власти задержали его исключительно из-за его религиозной принадлежности. Вместо того чтобы освободить Исабоева по истечении срока его заключения, в 2011 г. власти добавили к его приговору три года в ИК № 64 за так называемые «нарушения тюремных правил». Применив к нему те же правовые нормы в 2014 г. (ст. 221 УК), власти вновь продлили ему срок на три года и шесть месяцев. В 2017 г. Исабоев был в очередной раз приговорен к лишению свободы еще на три года в ИК № 64/33 г. Карши. Наконец, в 2019 г. он был вновь приговорен еще к 11 годам заключения по ст. 159, 242 и 244 УК. В настоящее время Исабоев содержится в ИК № 17 г. Караулбазар.

65. **Хуснитдин Эркинович Умаралиев** (1968 г. р.), 53 лет, был арестован в июле 1999 г. при подаче заявления в военную прокуратуру об убийстве его брата Хасанбоя Эркиновича Умаралиева. Он был обвинен в «религиозном экстремизме» по статьям 159 и 244 УК в ответ на его требования справедливого расследования смерти его брата. 5 июля 1999 г. Ферганский областной суд приговорил его по этим обвинениям к 17 годам лишения свободы. В 2010 г. Кунградский районный суд повторно осудил его еще на три с половиной года по ст. 221 УК за «нарушение тюремных правил», а затем в мае 2012 г. — еще на 13 лет по неустановленным обвинениям. В настоящее время Умаралиев находится в ИК № 44 г. Ахангаран.
66. **Мирный верующий Авазжон Ахатович Умурзаков** (1979 г. р.), 42 года, был задержан 25 марта 1999 г., осужден 5 августа 1999 г. Ферганским областным судом на 16 лет по статьям 156, 159, 216, 242 и 244 УК. В 2014 г. он был повторно приговорен к четырем годам по ст. 221 за так называемые «нарушения тюремных правил» в ИК № 64/25 г. Караулбазар. В 2018 г., отбывая наказание в колонии г. Навои, Умурзаков получил повторный приговор в виде лишения свободы сроком на шесть лет и шесть месяцев по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время он содержится в ИК № 64/14 г. Алмалык.
67. **Табек Набиевич Мадаминов** (1972 г. р.), 49 лет, 5 ноября 1999 г. приговорен Шахриханским районным судом Андижанской области к 12,5 годам лишения свободы по делу, которое, по словам правозащитников, было возбуждено против него за то, что он был мирным набожным мусульманином. В 2010 г. Мадаминов был повторно осужден Навоийским областным судом еще на десять лет, а в 2020 г. — дополнительно на девять лет по статьям 159 и 244 УК. В настоящее время он содержится в ИК № 64/12 г. Зарафшан Навоийской области.
68. **Мирный верующий Ахмаджон Мухаммаджонович Мадумаров** (1971 г. р.), 50 лет, был произвольно задержан по подозрению в членстве в запрещенных экстремистских организациях и бездоказательно обвинен в преступной деятельности. Мадумаров был осужден 16 февраля 2003 г. Ферганским областным судом на 11 лет по статьям 159, 244 и 242 УК, а в 2014 г. вновь приговорен по статьям 159, 242 и 244 к 11 годам лишения свободы в ИК № 64/25 г. Караулбазар. В настоящее время он содержится в ИК № 64/14 г. Алмалык.
69. **Зухриддин Мамирджанович Мадмаров** (1968 г. р.), 53 года, в апреле 2000 г. был приговорен Маргиланским городским судом к девяти годам лишения свободы по статьям 159 и 244 УК. Правозащитники заявляют, что он был арестован по подозрению в принадлежности к запрещенной экстремистской группировке, и что отсутствуют достоверные доказательства совершения им насильственных действий или других преступных деяний либо причастности к ним. В 2008 г. Мадмаров был вновь приговорен Бухарским областным судом еще к 16 годам тюремного заключения, причем в ходе разбирательства он не имел реальной возможности пользоваться услугами адвоката. В настоящее время он содержится в ИК № 14 г. Алмалык.
70. **Нурмухаммад Одилжонович Мамаджонов** (1976 г. р.), 45 лет, был осужден в октябре 1999 г. Маргиланским городским судом по статьям 159 и 242 УК на шесть с половиной лет. Он был повторно приговорен сначала к трем с половиной годам заключения, а затем еще к 18 годам по статьям 159, 242 и 244 УК. В настоящее время Мамаджонов содержится в ИК № 64/14 г. Алмалык.
71. **Улугбек Исмоилович Насимов** (1980 г. р.), 41 год, был осужден в мае 2005 г. Самаркандским областным судом на пять лет по статьям 159, 242 и 244 УК. В 2008 г. он был повторно приговорен Каршинским городским судом еще к семи годам лишения свободы по статьям 159 и 244 УК. В 2011 г. его вновь осудили, в этот раз на восемь лет заключения в ИК № 64/25 г. Караулбазара. В настоящее время он содержится в ИК № 64/14 г. Алмалык.
72. **Мирный верующий Шавкат Абдухамидович Хакимов** (1969 г. р.), 52 года, был приговорен в 2004 г. Ургутским районным судом к семи годам лишения свободы по статьям 159 и 244 УК. Применив ст. 221 за «нарушение тюремных правил», власти добавили к его приговору три года и шесть месяцев, а впоследствии еще четыре года. Позднее Хакимов был вновь осужден по новым обвинениям в «религиозном экстремизме» и в настоящее время содержится в ИК № 64/46 г. Навои.
73. **Набожный верующий Миррахим Миртургунович Мирсултонов** (1975 г. р.), 46 лет, в 1999 г. был приговорен Ангренским районным судом к восьми годам лишения свободы по статьям 159 и 248 УК. В 2007 г., незадолго до его освобождения, тюремные власти, применив ст. 221 («нарушение тюремных правил»), произвольно продлили ему

срок на три года. В 2008 г. ему были предъявлены новые сфабрикованные обвинения в экстремизме по статьям 159 и 244, и Кашкадарьинский областной суд приговорил его еще к восьми годам и четырем месяцам заключения. В настоящее время Мирсултонов отбывает наказание в ИК № 64/11 г. Навои.

74. Мирный верующий **Содикжон Солиевич Абдуллаев** (1970 г. р.), 51 год, арестованного и преследуемого властями исключительно из-за его религиозной принадлежности. В декабре 1999 г. Ферганский областной суд приговорил его к восьми годам лишения свободы по статьям 159, 216 и 244 УК. В 2007 г. Бостанлыкский районный суд Ташкентской области произвольно продлил срок его приговора на три с половиной года по ст. 221. В 2010 г. Навоийский областной суд повторно приговорил его еще к десяти годам и девяти месяцам заключения по статьям 159, 242 и 244 УК. В 2019 г. Навоийский областной суд снова вынес ему приговор по обвинению в «антиконституционной деятельности» и членстве в запрещенной экстремистской группе (статьи 159 и 244 УК), продлив срок заключения Абдуллаева на десять лет. Его нынешнее местонахождение неизвестно, но предположительно он отбывает наказание в колонии г. Навои.
75. Набожный мусульманин **Феруз Муртазо оглы Шодиев** (1993 г. р.), 28 лет, был осужден 15 августа 2017 г. Кашкадарьинским областным судом на 25 лет по ст. 97 УК (убийство). Спустя менее чем два года, 12 марта 2019 г., он был повторно осужден по статьям 159 и 244 УК по обвинению в экстремизме, в результате чего срок его наказания увеличился на 24 года. Правозащитники ставят под сомнение этот повторный приговор.
76. Мирный верующий **Иброхим Хакимович Асронкулов** (1962 г. р.), 59 лет, был осужден в 1998 г. Алтыарыкским районным судом Ферганской области на полтора года по ст. 276 УК. Асронкулов получил новый срок, 19 лет и шесть месяцев, в 1999 г. Тогда Ферганский областной суд вынес решение по статьям 156, 159, 242 и 244 УК. (Примечательно, что ст. 159 вступила в силу и стала широко применяться лишь в 1998 г., и что власти Узбекистана часто использовали обвинения в хранении наркотиков в качестве предлога для задержания мирных мусульман.) 13 сентября 2013 г. Асронкулов был вновь осужден по статьям 159 и 244 УК якобы за участие в экстремистской деятельности в заключении. Асронкулову отказались предоставить адвоката и во время первого, и во время второго судебных разбирательств, а также он утверждал, что после ареста его пытали. 18 октября 2018 г. Бухарский областной суд рассмотрел его кассационную жалобу, но оставил приговор без изменения. В настоящее время Асронкулов содержится в одной из колоний Бухарской области.
77. Мирный верующий **Абдулбосит Камолиддин оглы Ахмаджонов** (г. р. неизвестен), осужден 11 июня 2017 г. Ферганским областным судом на 15 лет по статьям 154, 155, 159 и 244 УК. По мнению правозащитников, его дело было сфабриковано на том лишь основании, что он был набожным мусульманином.
78. Набожный мусульманин **Мухитдин Саидович Иргашев** (род. 3 июля 1968 г.), 53 года, работал тренером по фитнесу и продавцом в своей родной Бухаре и в Екатеринбурге. Иргашев женат на Зумрат Иргашевой, имеет троих детей: Сардорбека, Отабека и Ходжиакбара (род. 26 ноября 2009 г.). Два старших сына, Сардорбек и Отабек, находятся в заключении вместе с отцом. Их истории изложены далее. За несколько лет до ареста Мухитдин со своими двумя старшими сыновьями находились под наблюдением спецслужб Узбекистана и России в Бухаре и Екатеринбурге. Мухитдин и его сын Отабек были задержаны в 2013 г. во время одного из посещений мечети в России. Службы безопасности Узбекистана поручили нескольким информаторам тайно записывать дома у Мухитдина Иргашева в России и Узбекистане разговоры с Иргашевыми на религиозные темы, включая новости о Сирии. Мухитдин и его сын Отабек были арестованы в Бухаре 1 апреля 2015 г. по обвинению в административных правонарушениях, а затем — в преступлениях, связанных с экстремизмом. Жена Мухитдина Зумрат сообщила, что в период с апреля по сентябрь 2015 г., пока шло судебное разбирательство, ее муж и сын Отабек подвергались жестокому пыткам. Сотрудники служб безопасности пытали обоих мужчин, стремясь заставить их подписать ложные признания в финансировании терроризма. В сентябре 2015 г. Ташкентский суд приговорил Мухитдина к 15 годам, Сардорбека к 12 годам, а Отабека к 11 годам лишения свободы. По словам Зумрат, во время предварительного заключения все трое подвергались пыткам. В настоящее время каждый из них отбывает наказание в разных колониях.

Зумрат Иргашева с мужем Мухитдином Иргашевым, который находится в заключении с 2015 г. © Зумрат Иргашева.

79. **Сардорбек Иргашев** (род. 24 ноября 1990 г.), 31 год, вместе со своим братом Отабеком (см. следующий пункт) и отцом Мухитдином (см. предыдущий пункт) за несколько лет до ареста находились под наблюдением спецслужб Узбекистана и России в Бухаре и Екатеринбурге. Сардорбек был задержан 9 мая 2015 г. сотрудниками полиции Екатеринбурга, а через 11 дней депортирован в Ташкент. В сентябре 2015 г. Ташкентский суд приговорил Сардорбека к 12 годам, его отца к 15 годам, а брата Отабека к 11 годам лишения свободы. По словам его матери Зумрат, во время предварительного заключения все трое подвергались пыткам. В настоящее время каждый из них отбывает наказание в разных колониях.

Сардорбек Иргашев находится в заключении с 2015 г. вместе с отцом и братом. © Зумрат Иргашева.

80. **Отабек Иргашев** (род. 30 мая 1994 г.), 27 лет, вместе со своим старшим братом Сардорбеком и отцом Мухитдином (см. предыдущие пункты) за несколько лет до ареста находились под наблюдением спецслужб Узбекистана и России в Бухаре и Екатеринбурге. Мухитдин и его сын были задержаны в 2013 г. во время одного из посещений мечети в России. Отабек и его отец были арестованы в Бухаре 1 апреля 2015 г. по обвинению в административных правонарушениях, а затем — в преступлениях, связанных с экстремизмом. Мать Отабека Зумрат сообщила, что в период с апреля по сентябрь 2015 г., пока шло судебное разбирательство, ее муж Мухитдин и сын Отабек подвергались жестокому пыткам. Сотрудники служб безопасности пытали обоих мужчин, стремясь заставить их подписать ложные признания в финансировании терроризма. В сентябре 2015 г. Ташкентский суд приговорил Мухитдина (отца Отабека), к 15 годам, его брата Сардорбека к 12 годам, а самого Отабека к 11 годам лишения свободы. По словам матери Отабека Зумрат, во время предварительного заключения все трое подвергались пыткам. В настоящее время каждый из них отбывает наказание в разных колониях.

Отабек Иргашев находится в заключении с 2015 г. вместе с отцом и братом. © Зумрат Иргашева.

Кадыр Юсупов и его семья © Фото предоставлено частным лицом

81. **Кадыр Юсупов** (1951 г. р.), 69 лет, в прошлом дипломат, занимал различные должности, в частности был постоянным представителем Узбекистана при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и заместителем посла в Великобритании. Юсупов был задержан вскоре после попытки самоубийства в декабре 2018 г., когда во время пребывания в больнице был допрошен силовиками. В январе 2020 г. в результате закрытого судебного разбирательства он был признан виновным в государственной измене и приговорен к пяти с половиной годам лишения свободы. Предполагаемым основанием для его осуждения было признание, которое он якобы сделал, находясь на больничной койке, причем адвокат при этом не присутствовал. После ареста в декабре 2018 г. Юсупов содержался под стражей в СИЗО Ташкента более четырех месяцев без связи с внешним миром. Ему неоднократно отказывали в предоставлении адвоката и подвергали жестоким психологическим пыткам, в числе которых

были угрозы причинения вреда его близким, включая изнасилование. У Юсупова шизофрения, и с самого начала под сомнение была поставлена его пригодность для допроса и возможность законного использования как доказательств показаний, которые он дал во время выздоровления. В настоящее время Юсупов отбывает наказание в ИК № 4 г. Навои. В апреле 2020 г. во время Рамадана Юсупов высказал начальнику колонии озабоченность тем, что заключенным отказывают в праве соблюдать пост в Рамадан. Он также пожаловался на тяжелые условия труда на тюремной фабрике. В ответ на эти законные претензии сотрудники тюрьмы перевели Юсупова и других заключенных на 15 суток в одиночные камеры, где они содержались в крайне антисанитарных условиях. Юсупов сообщил родным, что в его одиночной камере были мыши и грязь, и что по истечении этих 15 суток он был весь в фекалиях. Он объявил пятидневную голодовку. Бывшие заключенные, которые отбывали наказание вместе с Юсуповым и недавно освободились, похвалили его за то, что он старается защищать интересы других заключенных. С момента задержания Юсупова его родным несколько раз отказывали в свидании с ним. В июне 2021 г., основываясь на многочисленных нарушениях прав человека, описанных в этом пункте, Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям пришла к выводу, что арест Юсупова был произвольным, и призвала Узбекистан немедленно его освободить.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ В УЗБЕКИСТАНЕ

Тысячи заключенных по религиозным и другим политическим мотивам появились в Узбекистане не в одночасье, а, скорее, за четверть века в результате зачастую непростых отношений официального Ташкента с исламом. С начала 90-х годов прошлого века подавление бывшим авторитарным президентом Исламом Каримовым как реальной, так и воображаемой политической оппозиции и независимых мусульман — тех, кто исповедует ислам в нарушение установленных государством строгих норм отправления религиозных обрядов — принимала самые разные религиозные и политические формы. Хронология преследований граждан из религиозно-политических соображений в Узбекистане проливает свет на то, как и почему в стране заключенных по религиозным и политическим мотивам больше, чем в других постсоветских государствах.⁷⁷

За время правления Ислама Каримова волны арестов, приговоров, предусматривающих тюремное заключение, и, в малочисленных случаях, освобождения укладываются примерно в четыре периода: подавление политической оппозиции (1992—1997 гг.), преследование независимых мусульман (1997—2016 гг.), Андижанский расстрел 13 мая 2005 г. и его прямые последствия (2005—2007 гг.), а также более длительный период вплоть до смерти Каримова в 2016 г., характеризующийся постоянным преследованием тех, кто попал в поле зрения спецслужб ранее, и пристальным вниманием к другим предполагаемым критикам или источникам угрозы, в частности к мигрантам, возвращающимся в Узбекистан из-за границы, последователям покойного курдского богослова Саида Нурси из Турции и десяткам подозреваемых в измене на основании слабых связей с Западом или соседними государствами, например, с Таджикистаном.⁷⁸

ИСЛАМ В УЗБЕКИСТАНЕ ПОСЛЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Мусульмане составляют 96,3 % населения Узбекистана. Большинство мусульман в стране являются суннитами и считают себя последователями ханафитской ветви суннизма. В сталинскую эпоху мусульманские священнослужители, равно как и христианские священнослужители по всему Советскому Союзу, подвергались преследованиям, т. к. они противились советскому режиму. Во время Второй мировой войны правительство СССР установило курс на сближение с духовными лицами и учредило Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. На закате советской эпохи, незадолго до обретения Узбекистаном независимости, демонстративная религиозность строго порицалась и могла послужить причиной лишения человека возможности получить образование или продвигаться по службе.

Будучи ядром «официального» ислама, поддерживаемым руководством коммунистической партии, Духовное управление в первую очередь заведовало регистрацией мечетей, назначало имамов и определяло содержание проповедей и характер «надлежащего» исповедания ислама. Несмотря на эти меры контроля, в течение десятилетий мусульмане Центральной Азии втайне исповедовали частную, подпольную форму ислама, скрываясь от неусыпного ока государства.⁷⁹

Распад Советского Союза в 1991 г. принес набожным мусульманам Узбекистана возможность исповедовать религию более открыто и в соответствии со своими убеждениями. По всему Узбекистану исламские сообщества собирали пожертвования, а иногда использовали и иностранную помощь для строительства новых мечетей, назначения своих имамов и открытия

⁷⁷ Фонд Human Rights House Oslo, “New Memorial’s Report: Political Repression in Uzbekistan,” [«Новый доклад ПЦ «Мемориал»: политические репрессии в Узбекистане»], Фонд Human Rights House, 20 марта 2011 г., <https://humanrightshouse.org/articles/new-memorials-report-political-repression-in-uzbekistan-2009-2010/>.

⁷⁸ Впервые такое разделение кампании Ислама Каримова против ислама и независимых мусульман на отдельные исторические периоды было представлено в отчете организации Human Rights Watch за 2014 г. *Until the Very End: Politically-Motivated Imprisonment in Uzbekistan* [«До самого конца: лишения свободы в Узбекистане по политическим мотивам»], https://www.hrw.org/report/2014/09/25/until-very-end/politically-motivated-imprisonment-uzbekistan#_ftn17, но в этом отчете содержится его расширенная версия с разъяснением.

⁷⁹ Оливье Рой (Olivier Roy) использует термин «параллельный» ислам. Он пишет: «Советы применяли двухуровневую политику в отношении ислама: подорвать и даже попытаться разрушить популярный ислам, особенно связи между национальной и религиозной идентичностями, и создать символическое, регулируемое, официально назначенное духовенство для управления малочисленными оставшимися религиозными институтами, а после 1955 г. улучшить отношения с дружественными мусульманскими странами». См. “Islam in Tajikistan,” Open Society in Central Eurasia Occasional Paper Series, no. 1, July 1996 [«Ислам в Таджикистане», издание неперидической серии «Открытое общество в Центральной Евразии», выпуск № 1, июль 1996 г.]

религиозных школ, что породило разговоры о «мусульманском возрождении».⁸⁰

Исламское возрождение проявлялось в самых разных формах. Несмотря на то, что большинство граждан формально были мусульманами, они вели преимущественно светский образ жизни, называли себя мусульманами, но не открыто свои верования не демонстрировали. Многие узбеки стали не таясь соблюдать праздники, следовать ритуалам и совершать пятничные молитвы, но в остальном их образ жизни практически не изменился. Однако другие, особенно молодые мусульмане, выбрали более строгую форму вероисповедания: они получали религиозное образование и носили религиозную одежду, которая, как они считали, предписана в более консервативном прочтении ислама. Еще более ограниченное меньшинство в этой группе придерживалось мнения о том, что ислам является основой для установления в стране альтернативной политической системы.

Сразу после обретения Узбекистаном независимости президент Каримов, бывший первый секретарь Коммунистической партии Узбекистана, видел в исламе полезный инструмент формирования национальной идентичности и укрепления собственной монополии на власть. Он упоминал ислам в своих речах и во время инаугурации даже держал Коран в одной руке и конституцию страны в другой.

Тем не менее, отношение государства к исламу мало изменилось с советских времен. К 1992 г. Духовное управление мусульман советской эпохи было распущено, и в Узбекистане, как и во всех остальных центральноазиатских государствах, был создан мусульманский регуляторный совет (муфтият). Вскоре правительство Каримова стало усматривать в независимом исповедании ислама угрозу, в частности Каримов был убежден, что ислам был причиной насилия, гражданской войны и нестабильности, раздиравших соседние Таджикистан и Афганистан.

Управление мусульман Узбекистана, являющееся преемником муфтията советской эпохи, заведует вопросами исповедания ислама в стране, назначает и увольняет имамов, контролирует содержание проповедей и определяет, какие исламские ритуалы и обряды являются приемлемыми © Стив Свездлов (Steve Swerdlow), ноябрь 2020 г.

ЛИКВИДАЦИЯ ОПОЗИЦИИ, КОНТРОЛЬ НАД РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ (1992–1997 ГГ.)

Уничтожение политического ислама стало центральным элементом усилий президента Каримова, направленных на укрепление своего авторитарного правления.⁸¹ В 1992 г. он приступил к искоренению зарождающейся политической и религиозной оппозиции.⁸² Он оправдывал ужесточение контроля над исламом стремлением помешать Узбекистану пойти по пути Таджикистана, который тогда погружался в состояние бесконечной гражданской войны.⁸³

Каримов старался искоренить мнимую угрозу исламского экстремизма, произвольно отправляя за решетку тысячи независимых мусульман.⁸⁴ Первыми объектами его репрессий стали независимые религиозные деятели, которых он, среди прочего, считал диверсантами, поскольку они отказывались следовать запрету на использование громкоговорителей для призывов мусульман к молитве, не восхваляли его во время

⁸⁰ “Uzbekistan and Islam,” Human Rights Watch Briefing Paper, June 1998 [«Узбекистан и ислам», справочный документ Human Rights Watch, июнь 1998 г.].

⁸¹ В 1993 г. правительство уполномочило два учреждения, Управление мусульман Узбекистана и Комитет Кабинета министров по делам религий, определять приемлемые способы исповедания ислама и устранять исламских деятелей, которые отказывались им подчиняться. Управление мусульман Узбекистана сохранило большую часть полномочий своего советского предшественника. Оно могло регистрировать мечети и медресе, назначать и увольнять отдельных имамов, определять содержание проповедей и издавать религиозные указы. Human Rights Watch, *Creating Enemies of the State: Religious Persecution in Uzbekistan* [«Создание врагов государства: преследование верующих в Узбекистане»], март 2004 г., <http://www.hrw.org/reports/2004/03/29/creating-enemies-state>.

⁸² В январе того же года президент Каримов нанес удар по светской оппозиции, когда была жестоко подавлена студенческая демонстрация в Ташкенте. Силовики открыли огонь по протестующим, в результате чего погибли минимум двое студентов.

⁸³ Даже после окончания гражданской войны в Таджикистане Каримов продолжал оправдывать свой драконовский контроль над верующими, ссылаясь на деятельность исламских фундаменталистов в Таджикистане. Human Rights Watch, *Creating Enemies of the State* [«Создание врагов государства»], 29 марта 2004 г., с. 20, <http://www.hrw.org/reports/2004/03/29/creating-enemies-state>.

⁸⁴ Детальный анализ многолетних репрессий независимых мусульман со стороны правительства Узбекистана вплоть до 2004 г. см. в публикации Human Rights Watch *Creating Enemies of the State* [«Создание врагов государства»], 29 марта 2004 г. <http://www.hrw.org/reports/2004/03/29/creating-enemies-state>; например, см. опрос Абдурахмана Ташанова, Ташкент, 6 ноября 2020 г.; опрос Агзама Тургунова, Ташкент, 25 июня 2021 г.; опрос Сурата Икрамова, Ташкент, 22 ноября 2020 г.; опрос Ахмаджона Мадмарова, Маргилан, 7 июля 2021 г.

проповедей, обсуждали преимущества закона шариата и воздерживались от сотрудничества со Службой национальной безопасности (более известной под русской аббревиатурой «СНБ»).⁸⁵ Непослушных имамов называли «ваххабитами», что давало полиции и службам безопасности возможность преследовать их прихожан и всякого, кто имел с ними тесные или даже случайные контакты.⁸⁶ Задержать могли кого угодно, даже тех, кто просто присутствовал на религиозной службе. В список подозрительных религиозных действий входили частные молитвы, изучение ислама, воздержание от употребления алкоголя, посещение пятничных молитв, совершение пяти молитв в день, соблюдение религиозных праздников, изучение арабского языка, ношение бороды или головных платков. Правительство запретило партию исламского возрождения Узбекистана «Адолат», а в декабре 1992 г. «исчез» ее глава Абдулла Утаев.⁸⁷ Обороты кампания набрала в 1994—1995 гг., когда произошли произвольные задержания независимых мусульман в Ташкенте и крупных городах Ферганской долины. Власти преследовали мужчин с бородами и последователей популярных независимых мусульманских священнослужителей, в частности Шейха Абдували Кори Мирзо (Мирзаева), который, как и Утаев, «исчез» в 1995 г., предположительно в результате операции спецслужб.⁸⁸ Власти еще больше ужесточали контроль, закрывали мечети и факультеты исламоведения в вузах и дали государственным СМИ указание называть набожных мусульман «террористами».

НАМАНГАН И УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС (1997–1999 ГГ.)

В декабре 1997 г. власти арестовали сотни подозреваемых «исламских фундаменталистов», используя в качестве предлога убийство полицейского в Намангане.⁸⁹ Впервые после внесения поправок в закон Узбекистана «О свободе совести и религиозных организациях» (далее — закон о вероисповедании) и Уголовный кодекс в 1998 г. власти начали применять расплывчатую и чрезмерно обширную формулировку ст. 159 («посягательство на конституционный строй Республики Узбекистан»), или «антиконституционная деятельность» для максимального подавления верующих. По сей день осужденные по ст. 159 составляют в Узбекистане самую большую часть заключенных по религиозным и политическим мотивам.⁹⁰

К середине 1998 г. количество независимых мусульман за решеткой *исчислялось тысячами*.⁹¹ К тому времени полностью контролируемые сотрудниками служб безопасности чиновники муфтията усилили аппарат цензуры в стремлении пресечь распространение заграничных религиозных материалов и устранили известных независимых религиозных деятелей, в частности популярного имама Обидхон-кори Назарова, как до этого Абдували Кори Мирзо и Утаева.⁹²

ВЗРЫВЫ В ТАШКЕНТЕ В ФЕВРАЛЕ 1999 Г. И КОЛОНИЯ «ЖАСЛЫК»

Репрессии по религиозным и политическим мотивам резко усилились после террористических актов, произошедших в Ташкенте 16 февраля 1999 г., в

⁸⁵ В 2018 г. правительство Узбекистана переименовало Службу национальной безопасности в Службу государственной безопасности (теперь общеупотребительная русская аббревиатура «СНБ» превратилась в «СГБ»).

⁸⁶ Существует распространенное заблуждение, часто поощряемое властями Узбекистана, что в исламе есть три школы: суннитская, шиитская и ваххабитская. На самом деле, ваххабизм, движение за возрождение, выросшее из ханбалитского мазхаба, является направлением, которого придерживаются мусульмане-сунниты Саудовской Аравии и других стран. Название «ваххабизм» происходит от имени его основателя Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба (1703—1792 гг.). Ваххабизм выступает за очищение ислама, отвергает исламское богословие и философию, развившиеся после смерти пророка Мухаммеда, и призывает к строгому соблюдению Корана и хадисов (предания о словах и действиях пророка). Ваххабизм продвигает строгие, пуританские взгляды на религиозные обряды, которые, по мнению его приверженцев, составляют принципы раннего ислама. Mehrdad Haghayeghi, *Islam and Politics in Central Asia* [Мехрдад Хагаеги, «Ислам и политика в Центральной Азии»] (Нью-Йорк: издательство St. Martin's Press, 1995 г.). В Центральной Азии этот термин используется для обозначения радикализма и воинственности. Зачастую он имеет уничижительный оттенок. В центральноазиатской концепции «ваххабизма» поддерживается ассоциация с «иностранным происхождением» в целом и с Саудовской Аравией в частности. Ситуация усложнилась тем, что правительство Узбекистана еще больше отошло от традиционного использования этого термина, начав его применять неправильно и политизировать в собственных интересах.

⁸⁷ Перед «исчезновением» Утаева в 1992 г. правительство Узбекистана запретило Партию исламского возрождения в соответствии со ст. 57 Конституции, которая запрещает создание «политических партий с национальными или религиозными признаками».

⁸⁸ 29 августа 1995 г. Шейх Мирзо и его помощник Рамазанбек Маткаримов предположительно были задержаны агентами службы безопасности в аэропорту Ташкента перед поездкой в Москву для участия в международной исламской конференции.

⁸⁹ Сообщения о пытках и исчезновениях уже негативно сказались на репутации Узбекистана в части прав человека, однако масштабы нарушений резко увеличились в результате арестов сотен граждан в 1997 г., что побудило правозащитные группы, в частности московскую организацию «Мемориал», Human Rights Watch и местных правозащитников, вести мониторинг расширяющихся репрессий.

⁹⁰ В этот период полиция, службы безопасности и прокуратура также использовали сфабрикованные обвинения в хранении наркотиков или оружия для вынесения приговоров, предусматривающих как можно более длительные сроки тюремного заключения.

⁹¹ Аресты в основном проходили в Ташкенте, Ташкентской области и Ферганской долине, состоящей из Ферганской, Наманганской и Андижанской областей, регионов Узбекистана, которые вместе с западной Хорезмской областью, считались более оппозиционными к Каримову.

⁹² Высказывались опасения о том, что Назаров «исчез» или ушел в подполье в марте 1998 г. Службы безопасности неустанно преследовали Назарова, его родственников и последователей, и в конечном итоге настигли его в 2013 г. в Швеции, где он искал убежище. Впоследствии лиц, связанных со спецслужбами Узбекистана, судили за ужасающее покушение на жизнь Назарова, в результате которого он впал в кому. См. «The Long Arm of the Dictator» [«Длинная рука диктатора»], Al Jazeera, People and Power, 2013 г., <https://www.youtube.com/watch?v=TaruF1hQjNw>

результате которых погибло от 10 до 20 человек.

Каримов обвинил в терактах мусульманскую и светскую оппозицию, включая Исламское движение Узбекистана (ИДУ)⁹³ и оппозиционную партию «Эрк», несмотря на то что у него не было достоверных доказательств их причастности.⁹⁴ Политические активисты и независимые мусульмане подвергались полицейским облавам и обвинялись в «антиконституционной деятельности», «религиозном экстремизме» и хранении запрещенной литературы.

Многие заключенные по религиозным и политическим мотивам оказались в новой тюрьме, построенной на окраине северо-западной части Каракалпакстана, республики в составе Узбекистана: колонии «Жаслык». Печально, но тюрьма «Жаслык», название которой на каракалпакском языке означает «молодость», быстро стала именем нарицательным в контексте сообщений о пытках, особенно в отношении заключенных по религиозным мотивам, и символом ухудшения ситуации с правами человека в Узбекистане.⁹⁵ В Жаслыке подвергались пыткам религиозный деятель Акрам Юлдашев и правозащитники Чуян Маматкулов и Азам Фармонов. Юлдашев был основателем исламского движения, которое правительство нарекло «Акромией» (по имени Юлдашева), и бездоказательно обвинен в организации Андижанского расстрела сотен людей в 2005 г. Но пытки применялись не только в Жаслыке. Их использовали против заключенных по религиозным и политическим мотивам, а также против других осужденных во всей пенитенциарной системе.⁹⁶

ПРОДЛЕНИЕ НЕЗАКОННЫХ ПРИГОВОРОВ: СТАТЬЯ 221

В этот период Каримов стал применять еще один вредоносный прием, который имел далеко идущие последствия для увеличения числа заключенных по религиозным и политическим мотивам. Была введена в действие ст. 221 Уголовного кодекса («Неповиновение законным требованиям администрации учреждения исполнения наказаний»), которая разрешала произвольное продление срока заключенных на три, пять и более лет по надуманным основаниям.

Статью 221, именуемую на тюремном жаргоне «раскруткой», тюремные власти использовали для продления осужденным сроков их заключения за так называемые «нарушения тюремных правил», зачастую всего за год или даже за месяц до истечения срока наказания. В основном заключенные обвинялись в сфабрикованных или нелепых нарушениях, например, в неправильной чистке моркови, неправильной уборке в тюремной камере, размещении обуви в ненадлежащем месте, невыполнении зарядки или опоздании на перекличку.⁹⁷ Статья 221 держала осужденных в постоянном страхе применения «раскрутки» в любой момент на любом основании и представляла собой разновидность психологического насилия над заключенными по религиозным и политическим мотивам и их семьями.

Введение «раскрутки» в конце 90-х годов прошлого века в дополнение к приговорам, которые и без того были длительными (от 6 до 20 лет), в значительной степени способствовало *резкому росту* в Узбекистане количества заключенных по религиозным мотивам, превысившему число таких заключенных всех остальных постсоветских

⁹³ Исламское движение Узбекистана (ИДУ, узбекский: Ўзбекистон исломий ҳаракати/О'zbekiston islomiy harakati) было воинствующей исламистской группировкой, созданной в 1998 г. идеологом ислама Тахиром Юлдашевым и бывшим советским десантником Джумой Намангани, оба из которых были этническими узбеками родом из Ферганской долины. Первоначальной целью этого движения было свержение президента Каримова и создание исламского государства с законами шариата, однако в последующие годы оно превратилось в союзника организации «Аль-Каида». В 90-х годах XX века группа также поддерживала отношения с афганскими талибами. Однако затем отношения между афганскими талибами и ИДУ стали ослабевать. В середине 2015 г. его руководство публично заявило о верности Исламскому Государству Ирака и Леванта (ИГИЛ) и объявило, что ИДУ является частью регионального отделения этой группировки. В 2016 г. сообщалось о появлении новой фракции ИДУ после того, как группировка объявила себя частью Исламского государства (ИГ). Новая фракция сохранила за собой название движения и не зависела от ИГ. Она также сообщила, что привержена организациям «Аль-Каида» и «Талибан» и разделил их взгляды против ИГ.

⁹⁴ Gulnoza Saidazimova [Гульноза Саидазимова] "Uzbekistan: Islam Karimov vs. The Clans" ["Узбекистан: Ислам Каримов против кланов"], Радио Свободная Европа / Радио Свобода, 22 апреля 2005 г., <https://www.rferl.org/a/1058611.html>.

⁹⁵ Пытки включали в себя избияния, применение электрошока, одиночное заключение, лишение пищи и сна, принудительный труд, изнасилование и сексуальное унижение, удушающее воздействие с помощью пластиковых пакетов и противогазов, медицинские эксперименты и даже принудительную стерилизацию заключенных женского пола. Например, см. Farangis Najibullah [Фарангис Наджибулла], "Uzbekistan's 'House of Torture'" ["Узбекский «дом пыток»"], Радио Свободная Европа / Радио Свобода, 5 августа 2012 г., <https://www.rferl.org/a/uzbekistans-house-of-torture/24667200.html>; "UN Anti-Torture Experts Rebuke Uzbekistan for Its Abysmal Record" ["Эксперты ООН против пыток упрекают Узбекистан в его ужасающей ситуации"], пресс-релиз Международной федерации прав человека, 13 декабря 2013 г., <https://www.fidh.org/en/region/europe-central-asia/uzbekistan/14394-un-anti-torture-experts-rebuke-uzbekistan-for-its-abysmal-record>; "UN urges Uzbekistan to investigate torture and ill-treatment of human rights defender forcibly sterilized in detention" ["ООН призывает Узбекистан расследовать случаи пыток и жестокого обращения с правозащитницей, принудительно стерилизованной в заключении"], пресс-релиз Международной федерации прав человека, 10 августа 2015 г., <https://www.fidh.org/en/region/europe-central-asia/uzbekistan/un-urges-uzbekistan-to-investigate-torture-and-ill-treatment-of-human>.

⁹⁶ Например, 29 из 34 политзаключенных, опрошенных организацией Human Rights Watch в период с 2010 по 2013 г., сообщили о пытках в различных отделениях полиции и тюрьмах, что свидетельствует о широком распространении пыток в Узбекистане. Другие общие черты репрессий против независимых мусульман и политической оппозиции включали в себя отказ в праве на справедливое судебное разбирательство, предоставление адвоката, визитах родственникам, доступе к надлежащей медицинской помощи и посещениях представителей Международного комитета Красного Креста (МККК). "Until the Very End" ["До самого конца"] Human Rights Watch, 25 сентября 2014 г., https://www.hrw.org/report/2014/09/25/until-very-end/politically-motivated-imprisonment-uzbekistan#_ftn17

⁹⁷ Статья 221 Уголовного кодекса Узбекистана — «Нарушение правил содержания под стражей».

государств.⁹⁸ По данным организации «Мемориал», в период с 1998 по 2003 гг. политические репрессии в Узбекистане стали «неотъемлемой частью повседневной жизни, вызывая прямые ассоциации со сталинизмом».⁹⁹ Трудно было найти в Узбекистане уголок, куда не дошла каримовская кампания по выявлению «врагов народа». Новые волны репрессий продолжались в 2004 г., особенно после небольших терактов в Ташкенте в марте и июле.

АНДИЖАН

Репрессии достигли своего апогея 13 мая 2005 г., когда силовики расстреляли сотни практически безоружных протестантов в Андижане, чтобы подавить массовые демонстрации на главной площади города, где собралось до 10 000 человек.¹⁰⁰ Силовики вели беспорядочный огонь по толпе, в т. ч. из бронетранспортеров, в результате чего погибли сотни безоружных мирных жителей, включая детей.¹⁰¹ Предшествовали трагедии многомесячные протесты против суда над 23 местными бизнесменами, которые были набожными мусульманами и членами мирного религиозного сообщества, проникшегося философией математика и исламского мыслителя Акрама Юлдашева.¹⁰²

Чтобы оправдать свои несоразмерно жестокие ответные действия, правительство охарактеризовало протесты как исламистскую угрозу, заявив, что все убийства совершили вооруженные лица из числа демонстрантов. Однако независимое исследование, основанное

на показаниях очевидцев, не выявило никаких доказательств того, что протестующие или вооруженные лица придерживались исламистских взглядов.¹⁰³ Европейский союз и США призвали Ташкент разрешить провести независимое международное расследование. Это требование президент Каримов демонстративно отверг, после чего против него были введены санкции. На сегодняшний день расследование убийств, которое могло бы помочь установить личности тех, кто приказал без предупреждения открыть беспорядочный огонь по мирным жителям, или хотя бы опознать жертв, не проводилось.¹⁰⁴

За решетку отправились сотни людей, которых впоследствии без разбора называли членами организации «Акромия».¹⁰⁵ Сотни других лиц, которых на момент описанных событий даже не было в Андижане, включая граждан Узбекистана, задержанных в Казахстане, Кыргызстане и России и экстрадированных на родину, были обвинены в заговоре с целью совершения терактов и лишены свободы.¹⁰⁶ После Андижанского расстрела власти усилили репрессии против гражданского общества, отправляя за решетку каждого, кто, как они подозревали, мог участвовать в протестах или быть свидетелем трагедии.¹⁰⁷

Кроме того, власти обрушились на независимые СМИ и НПО.¹⁰⁸ По мере сокращения пространства для гражданского общества и ухудшения отношений с западными посольствами и органами ООН стало в разы труднее проводить внутри страны мониторинг и индивидуальные опросы, необходимые для

⁹⁸ Фонд Human Rights House Oslo, "New Memorial's Report: Political Repression in Uzbekistan," [«Новый доклад ПЦ «Мемориал»: политические репрессии в Узбекистане»], Фонд Human Rights House, 20 марта 2011 г., <https://humanrightshouse.org/articles/new-memorials-report-political-repression-in-uzbekistan-2009-2010/>.

⁹⁹ Фонд Human Rights House Oslo, "New Memorial's Report: Political Repression in Uzbekistan," [«Новый доклад ПЦ «Мемориал»: политические репрессии в Узбекистане»], Фонд Human Rights House, 20 марта 2011 г., <https://humanrightshouse.org/articles/new-memorials-report-political-repression-in-uzbekistan-2009-2010/>.

¹⁰⁰ Mike Yardley [Майк Яртли], "Thousands of Uzbeks Fleeing" [«Тысячи узбеков спасаются бегством»], CNN, 15 мая 2005 г., <http://edition.cnn.com/2005/WORLD/asiapcf/05/14/uzbekistan/index.html?eref=sitesearch> (по состоянию на 17 августа 2021 г.).

¹⁰¹ *Uzbekistan: The Andijon Uprising* [Узбекистан: Андижанское восстание], брифинг антикризисной группы, № 38: Европа и Центральная Азия, 25 мая 2005 г., с. 16.

¹⁰² Неформальное религиозное движение, предположительно возникшее под влиянием идей бывшего сторонника партии «Хизб ут-Тахрир» Акрама Юлдашева. *Uzbekistan: The Andijon Uprising* [Узбекистан: Андижанское восстание], брифинг антикризисной группы, № 38: Европа и Центральная Азия, 25 мая 2005 г., с. 2. См. также <https://www.hrw.org/report/2005/06/06/bullets-were-falling-rain/andijan-massacre-may-13-2005>. Двадцати двум подсудимым были предъявлены обвинения в организации преступной группы, попытке свержения конституционного строя Узбекистана, членстве в незаконной религиозной организации и хранении или распространении литературы, представляющей угрозу для общественной безопасности по статьям 242, 159, 244-1 и 244-2 УК Республики Узбекистан, а одному обвиняемому было вменено превышение должностных полномочий в связи с его профессиональным положением, ст. 205 УК.

¹⁰³ Опросы многочисленных свидетелей показали, что протестующие говорили об экономических условиях в Андижане, правительственных репрессиях и несправедливых судебных процессах, а не о создании исламского государства. Human Rights Watch, "Saving Its Secrets: Government Repression in Andijan" [«Хранит свои секреты: репрессии правительства в Андижане»], май 2008 г., с. 4, <http://www.hrw.org/reports/2008/uzbekistan0508/4.htm>.

¹⁰⁴ ССРР/С/УЗВ/СО/5, 1 мая 2020 г., п. 16.

¹⁰⁵ Виталий Пономарев, «Список лиц, арестованных по политическим или религиозным мотивам в Узбекистане (январь 2004 г. — декабрь 2008 г.)» (М.: ПЦ «Мемориал», 2009 г.), с. 10.

¹⁰⁶ Там же., с. 16.

¹⁰⁷ В их числе был Исроилжон Холдоров, бывший председатель андижанского отделения единственной независимой правозащитной организации «Эзгулик», зарегистрированной тогда в Узбекистане. Через несколько дней после расстрела Холдоров рассказал международным СМИ о массовых захоронениях в Андижане и его окрестностях. В июне 2006 г. узбекские спецслужбы похитили Холдорува в г. Ош, Кыргызстан, и силой вернули его в Узбекистан. Он был приговорен к шести годам лишения свободы по ст. 159 УК по обвинениям в «угрозе свержения конституционного строя», «незаконном въезде в Узбекистан или выезде из него» и прочим обвинениям. Впоследствии срок его наказания был произвольно продлен до девяти лет. "Until the Very End" [«До самого конца»] Human Rights Watch, 2014 г., с. 4, https://www.hrw.org/report/2014/09/25/until-very-end/politically-motivated-imprisonment-uzbekistan#_ftn17.

¹⁰⁸ В период с 2005 по 2012 гг. были закрыты более 400 частных организаций и НПО, а также приблизительно 50 международных СМИ и НПО, в частности были закрыты и выдворены из страны «Голос Америки», Радио Свободная Европа / Радио Свобода, Институт по освещению войны и мира (IWPR) и организация Human Rights Watch. Универсальный периодический обзор Узбекистана, отчет Бюро по правам человека и соблюдению законности в Узбекистане (UBHRR), https://www.fidh.org/IMG/pdf/ubhrrl_report_2013.pdf.

отслеживания темпов арестов и условий содержания заключенных по религиозным и политическим мотивам. Деятельность МККК по мониторингу пенитенциарных учреждений серьезно затруднилась, и в 2013 г. организация публично объявила о том, что вынуждена прекратить посещения заключенных.¹⁰⁹

ИЗОЛЯЦИЯ ОТ ВНЕШНЕГО МИРА: 2007–2016 ГГ.

После Андижанского расстрела преследования правозащитников, журналистов, независимых юристов и независимых мусульман продолжались, и Узбекистан все глубже погружался в авторитаризм. Заявляя о том, что западные и другие внешние силы пытаются свергнуть Каримова и его правительство, службы безопасности расширили свои облавы, сделав их объектами новых жертв,¹¹⁰ включая набожных верующих и различные исламские секты и меньшинства.

По мере того, как правление Каримова, характеризовавшееся возрастающей параноидальностью, все больше изолировало страну от внешнего мира, проводились многочисленные суды над бывшими должностными лицами, узбекскими сотрудниками посольств в Ташкенте, военнослужащими и другими «внутренними врагами», которых правительство обвиняло в государственной измене.¹¹¹ Многим осужденным также были предъявлены обвинения в религиозном экстремизме, или в их адрес выдвигались такие угрозы. Кроме того, преследовались сторонники турецко-курдского богослова Саида Нурси («Нурчилара» по-узбекски) и бывшие студенты турецких лицеев, основанных священнослужителем Фетхуллахом Гюленом по всей Центральной Азии в начале 90-х годов прошлого века.¹¹² Шиитские общины также подвергались преследованиям: им часто не давали регистрировать или открывать мечети.¹¹³

Одним из примеров этой тенденции является дело Равшана Косимова, история которого описана в этом отчете. Касимов — военнослужащий, прошедший обучение по программе обмена в престижной американской Военной академии Вест-Пойнт. После возвращения на родину в 2008 г. Он был арестован и

подвергнут пыткам сотрудниками служб безопасности. Его допросили в связи с подозрениями в «религиозном экстремизме», угрожая лишить свободы по обвинению в «неконституционной деятельности» (ст. 159), а затем и в государственной измене (ст. 157). Мать Равшана Малика Косимова заявила, что ее сына жестоко пытали во время предварительного заключения, чтобы заставить его сделать ложное признание. На допросе сотрудники спецслужб цинично предложили ему на «выбор» признание в причастности к экстремизму или в государственной измене. Срок заключения Косимова истекает в 2023 г.

Равшан Косимов, прибл. 2019 г., после перевода в колонию-поселение. Срок его заключения истекает в 2023 г. © Малика Косимова.

СМЕРТЬ ДИКТАТОРА И НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ: С 2016 Г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Шавкат Мирзиёев вступил на пост президента после смерти Каримова в сентябре 2016 г. За пять последних лет правительство Узбекистана предприняло ряд решительных мер по борьбе с одними из самых серьезных нарушений прав человека, которые допускало правительство-предшественник. В числе этих мер ослабление ограничений для СМИ, освобождение известных политзаключенных, работа по борьбе с принудительным трудом в хлопковой отрасли и усилия по повышению доступности государственных услуг для

¹⁰⁹ Письмо организации Human Rights Watch в Комитет ООН против пыток, «Представление Human Rights Watch в Комитет ООН против пыток в Узбекистане», 28 октября 2013 г.

¹¹⁰ Власти отправили за решетку других журналистов, активистов и простых граждан за то, что те поднимали другие острые политические темы, включая коррупцию, экологические проблемы и правовой статус автономной Республики Каракалпакстан. См. также Список организаций, признанных террористическими и запрещенных в Республике Узбекистан, 26 сентября 2016 г. Link available upon request.

¹¹¹ Службы безопасности неправомерно применяли ст. 157 (государственная измена) и ст. 160 (шпионаж) УК, проводя расправу над бывшими должностными лицами и военнослужащими в закрытых судебных разбирательствах с грубейшими нарушениями процессуальных норм и пытками. Были открыты десятки дел о шпионаже, в многих из которых фигурировали граждане Таджикистана или узбеки, которые проживали возле узбекско-таджикской границы и регулярно ее пересекали.

¹¹² Телефонный опрос «Бахтиёра Б.», г. Наманган, Узбекистан, 31 июля 2021 г.

¹¹³ Опрос Джахонгира Кулиджанова, г. Бухара, Узбекистан, 14 июля 2021 г.

граждан. Однако несмотря на ряд реформ, серьезные нарушения прав человека до сих пор не устранены.

По мере приближения очередных президентских выборов в октябре 2021 г. президент Мирзиёев продолжал использовать правозащитную риторику, например, в своем обращении к Совету ООН по правам человека в феврале 2021 г.¹¹⁴ В своей речи он, среди прочего, пообещал ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции против пыток и Конвенции ООН о правах инвалидов, а также «радикально повысить роль женщин в общественной, политической и деловой жизни страны».¹¹⁵

Безусловно, это позитивные изменения, но предыдущие реформы могут потерпеть фиаско из-за авторитарной тактики правительства и отсутствия гражданского пространства для мирной политической оппозиции. Только в 2021 г. власти жестко ограничивали свободу СМИ¹¹⁶ и, как прежде, отказывали в регистрации независимым НПО и оппозиционным политическим партиям.¹¹⁷ Закон о вероисповедании, принятый в июле 2021 г., и законопроекты о собраниях и «информатизации», а также Уголовный кодекс в предложенной редакции также имеют черты классического авторитаризма. Нежелание правительства ограничить непомерные полномочия служб безопасности, открыто признать прошлые нарушения и реабилитировать граждан, незаконно лишенных свободы, создает ощущение, что власти хотят сохранить статус-кво или, что еще хуже, повернуть время вспять.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ РЕЛИГИИ И ГОСУДАРСТВА

С конца 2016 г. правительство Узбекистана предприняло меры для решения одних из самых давних проблем, связанных со свободой вероисповедания, заняв позицию взаимодействия с правительством США и другими партнерами, которые постоянно выражают обеспокоенность по поводу свободы вероисповедания. Президент Мирзиёев осуществил ряд шагов, чтобы подчеркнуть свой отход от политики Каримова, который демонстрировал открыто враждебное отношение к исламу и, в частности к набожным мусульманам.

В числе первых мер были реабилитация уважаемого узбекского религиозного деятеля Шейха Мухаммада Садыка Мухаммада Юсуфа, разрешение мечетям транслировать призывы к молитве через громкоговорители, открытие десятков новых мечетей (хотя прежде всего для основной суннитской общины ханафитского толка), официальное заявление Министерства внутренних дел о свободном входе в мечети для несовершеннолетних, а также значительное увеличение числа паломников, совершающих хадж. Президент Мирзиёев также приветствовал строительство «Центра исламской цивилизации», рекламируя Узбекистан как колыбель исламского просвещения.¹¹⁸

В течение многих лет правительство вело «черный список» тысяч граждан, подозреваемых в членстве в незарегистрированных религиозных или экстремистских группах. Включенным в этот список запрещается устраиваться на работу и совершать поездки, а также они должны регулярно являться в полицию на допросы. В августе 2017 г. власти объявили о том, что «черный список» был сокращен с 17 582 до 1 352 человек. В своих публичных выступлениях по этому поводу президент Мирзиёев подчеркивал необходимость реабилитации граждан, «введенных в заблуждение» радикальными группировками. Позже правительство объявило, что «черные списки» упразднены, но независимую проверку этого заявления провести сложно.

¹¹⁴ 46-я сессия Совета ООН по правам человека, выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева, 22 февраля 2021 г., <https://president.uz/en/lists/view/4179>.

¹¹⁵ Там же. Кроме того, в феврале 2021 г. во время визита в г. Наманган, Мирзиёев отвечал на вопросы журналистов в прямом эфире без заранее подготовленного текста. Впервые за почти 20 лет президент Узбекистана встретился с журналистами в прямом эфире. Он также пригласил в страну Специального докладчика ООН по пыткам.

¹¹⁶ Agnieszka Pikulicka-Wilczewska [Агнешка Пикулицка-Вильчевска], "Uzbekistan: The Long Struggle for Freedom of Expression" [«Долгая борьба за свободу слова»], издание *Diplomat*, 19 ноября 2020 г. <https://thediplomat.com/2020/11/uzbekistan-the-long-struggle-for-freedom-of-expression/>.

¹¹⁷ «Вынужденная или международная бюрократия? Регулирование гражданского общества в Узбекистане», Газета.uz, 17 февраля 2021 г., <https://www.gazeta.uz/ru/2021/02/17/ngos/>.

¹¹⁸ "Center of Islamic Civilization: Harmony of Religion, Science and Modernity" [«Центр исламской цивилизации: гармония религии, науки и современности»], Офис Президента Узбекистана, 29 января 2021 г., <https://president.uz/en/lists/view/4115>.

После смерти авторитарного президента Ислама Каримова власти ослабили контроль ношения религиозной одежды, в частности хиджаба, и в городах по всей стране появились магазины исламской одежды. Верхнее фото © Стив Свездлов (Steve Swerdlow), ноябрь 2020 г.; нижнее фото © Стив Свездлов, июль 2021 г.

Еще одним примечательным событием, имеющим отношение к предотвращению насильственного экстремизма (ПНЭ), стала операция «Мехр», начавшаяся в мае 2019 г. В ходе этой операции более 400 женщин и детей, граждан Узбекистана, которые оказались в Сирии на контролируемых ИГИЛ территориях, были эвакуированы обратно в Узбекистан. Были также приняты меры по их реабилитации и реинтеграции в общество. Усилия Узбекистана по репатриации своих граждан получили высокую оценку. Многим западноевропейским странам еще предстоит предпринять подобные меры в отношении собственных граждан. Ташкент пообещал, что также проведен репатриацию своих граждан мужского пола, включая наемников, однако пока такой репатриации не было. Сторонники правозащитного подхода к ПНЭ надеются, что репатриация правительством тех, кто, по его мнению, связан с террористическими или экстремистскими группами, может продемонстрировать готовность властей пересмотреть длительные сроки лишения свободы лиц, осужденных по обвинениям в экстремизме без достоверных доказательств совершения ими насильственных действий или причастности к ним.

Тем не менее, в некоторых аспектах деятельность нынешнего правительства в области свободы вероисповедания практически не улучшилась, а где-то даже ухудшилась. Службы безопасности задерживали мужчин-мусульман, отращивающих бороды¹¹⁹, и до изменения курса политики, о котором было объявлено в сентябре 2021 г., девочкам запрещалось носить хиджаб даже в исламских учебных заведениях.¹²⁰

После смерти Каримова и многолетнего международного давления правительство почти сразу начало освобождать политзаключенных: по состоянию на сентябрь 2021 г. на свободу вышло более 65 человек, в т. ч. журналистов и правозащитников, длительное время удерживаемых под стражей, а также неопределенное количество заключенных по религиозным мотивам. Количество освобожденных за последние почти пять лет резко контрастирует с тем, сколько заключенных в среднем выходило на свободу во время правления Каримова — один или два человека в год, что позволяет надеяться на то, что правительство освободит всех заключенных по религиозным и политическим мотивам. Как уже упоминалось, тысячи заключенных по религиозным и политическим мотивам остаются за решеткой по расплывчатым обвинениям в экстремизме. В следующем разделе представлены ограничительные правовые нормы, внедренные властями Узбекистана в течение нескольких лет на заре правления президента Каримова, что позволило им осуществить такое большое количество арестов и обеспечить столь длительные приговоры. Это неисчерпывающий анализ нормативно-правовой базы, однако он позволил выявить ряд областей, в которых законы Узбекистана должны быть изменены, отменены и приведены в соответствие с международными обязательствами Узбекистана в области прав человека.

¹¹⁹ “Uzbek Men Reportedly Detained, Forced to Shave Beards” [«По сообщениям, в Узбекистане мужчин задерживают и заставляют брить бороды»], Радио Свободная Европа / Радио Свобода, 26 августа 2019 г., <https://www.rferl.org/a/uzbek-men-reportedly-detained-forced-to-shave-beards/30129899.html>

¹²⁰ Например, см., “Muslims seek voice in changing Uzbekistan” [«Мусульмане хотят иметь возможность высказываться по поводу перемен Узбекистане»], агентство France Presse, 27 мая 2019 г., <https://www.arabnews.com/node/1502866/amp>; “Uzbekistan: Schoolgirls allowed to wear headscarves” [«Узбекистан: школьницам разрешено носить головные платки»], Eurasianet, 6 сентября 2021 г., <https://eurasianet.org/uzbekistan-schoolgirls-allowed-to-wear-headscarves>.

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ НОРМЫ

Лишение свободы тысяч заключенных по религиозным мотивам в Узбекистане, в т. ч. 81 осужденного, о которых идет речь в этом отчете, стало возможным за счет нормативно-правовой базы, ограничивающей вероисповедание и свободу выражения мнений. В дополнение освобождения и реабилитации отдельных заключенных по религиозным мотивам, правительство может положить конец своей политике и практике преследований по религиозным и политическим мотивам, только если приведет свое законодательство в соответствие с международными и внутренними правовыми обязательствами Узбекистана.

Многие положения Уголовного кодекса и Административного кодекса Узбекистана, включая некоторые из поправок, предложенных в марте 2021 г., например, касающиеся «религиозного экстремизма» и «антиконституционной деятельности», настолько расплывчаты и обширны, что идут вразрез с международным законодательством в области прав человека. Власти десятилетиями использовали эти положения для подавления мирных верующих и своих политических оппонентов, вводя возмутительные ограничения на право встречаться или совершать религиозные обряды вместе с другими людьми, изучать или распространять свои убеждения и владеть религиозной литературой. Эти ограничительные положения, в основе которых лежат неточные определения экстремизма и терроризма, пересекаются с законодательством Узбекистана о вероисповедании и направлены против независимых верующих и других лиц.¹²¹ По мнению автора и ведущих правозащитных групп, в частности организации «Мемориал», приговоры, вынесенные на основании этих обвинений, являются недействительными и должны быть прекращены или отменены.

Пока этот отчет готовился к публикации, в Узбекистане выполнялся пересмотр законодательства о вероисповедании и Уголовного кодекса. По сути, этот пересмотр предусматривает незначительную реформу нормативно-правовой базы Узбекистана, для которой характерны чрезвычайно ограничительные и карательные методы в данных вопросах.¹²² 5 июля 2021 г. президент Мирзиёев подписал «О свободе совести и религиозных организациях», вступивший в силу 6 июля. В новом законе сохранены почти все ограничения свободы вероисповедания, существовавшие в предыдущем законодательстве. Кроме того, в марте 2021 г. президент подписал ряд постановлений, которые расширили действие существующего уголовного законодательства на платформы социальных сетей и предусматривают наказание за «общественные беспорядки». Эти поправки вызывают серьезные опасения по поводу того, что власти могут и далее лишать свободы независимых мусульман и других граждан.¹²³

В числе серьезных нарушений, которые в отдельных случаях, описанных в этом отчете, стали возможны вследствие ограничений, установленных нормативно-правовой системой Узбекистана, незаконные обыски, произвольные аресты и задержания, отказ в предоставлении адвоката, нарушение права на справедливое судебное разбирательство и, что самое тревожное, пытки в местах лишения свободы. Несмотря на некоторые улучшения, произошедшие в пенитенциарной системе при руководстве Мирзиёева, во многом условия, в которых отбывают наказание заключенные по религиозным и политическим мотивам, нарушают Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). Цель этого анализа состоит в том,

¹²¹ Кроме того, законодательством Узбекистана по-прежнему ограничены или полностью запрещены некоторые формы вероисповедания, в частности отправление религиозных обрядов, строительство молитвенных домов, ношение религиозной одежды, проповедование, свободный выбор религиозных учителей и школ, а также свобода публикации и распространения религиозных текстов. Даже если внутреннее законодательство соответствует международным стандартам, правительство Узбекистана допускает нарушения, исполняя эти законы.

¹²² Проект новой редакции Уголовного кодекса предусматривает исключение ряда преступлений и установление ответственности за определенные действия, Kun.uz, 2 февраля 2021 г., <https://kun.uz/ru/84231371>.

¹²³ Мирзиёев утвердил уголовную ответственность за призыв к массовым беспорядкам, Kun.uz, 31 марта 2021 г., <https://kun.uz/ru/news/2021/03/31/mirziyoyev-utverdil-ugolovnyu-otvetstvennost-za-prizyv-k-massovym-besporjadkam>; «Uzbekistan tightens rules for media as president braces for re-election» [«Узбекистан ужесточает правила для СМИ в процессе подготовки президента к переизбранию»], Eurasianet, 31 марта 2021 г., <https://eurasianet.org/uzbekistan-tightens-rules-for-media-as-president-braces-for-re-election>.

чтобы предоставить план действий для внедрения реформ законодательства и уголовного права.

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Законодательство Узбекистана противоречит многочисленным стандартам, защищающим свободу совести, вероисповедания и выражения мнений, гарантированную Конституцией Узбекистана и МПГПП, подписанными и ратифицированными в 1995 и 1996 гг., соответственно, а также рядом других обязательных международных соглашений.¹²⁴ Статьи 18 и 19 МПГПП позволяют государствам устанавливать определенные ограничения на осуществление этих прав в связи с вероисповеданием и информационным обменом, но только при очень особых и ограниченных по времени обстоятельствах.¹²⁵ Кстати, в Замечаниях общего порядка Комитета ООН по правам человека к статьям 18 и 19 разъясняется объем прав на вероисповедание и свободное выражение религиозных убеждений, и что свобода мысли, включая свободу совести и вероисповедания, является правом, *которое не подлежит ограничению* (курсив наш).¹²⁶

В своих замечаниях по поводу прав заключенных, которые особенно уязвимы к подобным нарушениям, Комитет ООН по правам человека заявил, что «лица, уже подвергшиеся определенным законным ограничениям, например, заключенные, продолжают пользоваться своими правами на исповедание своей веры или убеждений, насколько позволяет соответствующее ограничение».¹²⁷

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

Заключенные по религиозным и политическим мотивам Узбекистана — это в основном лица, осужденные по статьям Уголовного кодекса об «антиконституционной» деятельности, незаконном распространении религиозной литературы, членстве в запрещенных религиозных организациях и несанкционированном преподавании религиозного учения. Несмотря на то, что аресты независимых мусульман проводились уже в начале 90-х годов XX века, принятый парламентом Узбекистана в мае 1998 г., после репрессий конца 1997 г., предыдущий закон «О свободе совести и религиозных организациях» (закон о вероисповедании) послужил правовой основой для массовых арестов и приговоров последующих лет.¹²⁸ Помимо закона о вероисповедании, поправки к Уголовному кодексу и Административному кодексу предусматривали более суровые и длительные наказания.

За время правления Каримова в закон о вероисповедании, а также Уголовный кодекс и Административный кодекс несколько раз вносились поправки, каждая из которых устанавливала более суровое наказание за свободное выражение религиозных убеждений и религиозные объединения. Заявления покойного президента Ислама Каримова на момент первоначального принятия закона свидетельствуют о его явном намерении задавить свободу вероисповедания. По словам Каримова, закон был необходим, поскольку «главной задачей сегодняшнего дня является борьба с любыми проявлениями исламского фундаментализма и религиозного экстремизма».¹²⁹ Тогда же еще один чиновник заявил, что закон нужен для борьбы с «агрессивным ваххабизмом».¹³⁰ Большинство нарушений закона о вероисповедании Узбекистана,

¹²⁴ Статья 18 МПГПП гарантирует право на свободу мысли, совести и вероисповедания. В ней говорится:

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и вероисповедания. Это право включает в себя свободу иметь или принимать религию либо убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публично или в частном порядке, исповедовать свою религию или убеждения в богослужении, обрядах, ритуалах и учении. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию либо убеждения по своему выбору.

Все государства-участники должны также обеспечить защиту свободы выражения мнений в соответствии со ст. 19 МПГПП:

Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих убеждений. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает в себя свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати, художественных форм выражения или иными способами по своему выбору.

¹²⁵ См. «United States Commission on International Religious Freedom Legislation Factsheet – Limitations on the Freedom of Religion or Belief» [«Информационный бюллетень Комиссии США по международному законодательству о свободе вероисповедания — ограничения свободы вероисповедания или убеждений»], июнь 2020 г., https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2020%20Legislation%20Factsheet%20-%20Limitations%20on%20FoRB_0.pdf. Что касается свободы совести, ст. 18 допускает только те ограничения, которые «предусмотрены законом и необходимы для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или нравственности либо основных прав и свобод других лиц». Аналогичным образом, что касается права на обмен информацией и идеями, ст. 19 допускает только те ограничения, которые предусмотрены законом и необходимы для защиты прав или репутации других лиц, защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или нравственности.

¹²⁶ В Замечании общего порядка № 10 к ст. 19 говорится об отсутствии «исключений и ограничений» в отношении права «беспрепятственно придерживаться своих убеждений». Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 10, статья 19 (девятнадцатая сессия, 1983 г.). Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека, U.N. Doc. HRI/GEN/1/Rev.1 at 11 (1994). МПГПП также запрещает государствам-участникам принуждать человека к отказу от своей религии или убеждений. П. 2 ст. 18 гласит: «Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору».

¹²⁷ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 22, статья 18 (сорок восьмая сессия, 1993 г.). Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека, U.N. Doc. HRI/GEN/1/Rev.1 at 35 (1994).

¹²⁸ Закон 1998 г. заменил закон о вероисповедании, принятый в конце советской эпохи 14 июня 1991 г., за три месяца до обретения страной независимости.

¹²⁹ Первая передача радио Узбекистана, 11 мая 1998 г., перевод на английский в BBC Monitoring, 11 мая 1998 г.

¹³⁰ BBC Worldwide Monitoring, со ссылкой на *Интерфакс*, 1 мая 1998 г.

совершенные впервые, являются административными правонарушениями. Однако поправки к Уголовному кодексу открыли возможности для присуждения длительных сроков лишения свободы за нарушения, квалифицируемые как рецидивистские.¹³¹

Пока этот отчет готовился к публикации, законодатели пересматривали и принимали закон о вероисповедании¹³², Уголовный кодекс и Административный кодекс. На момент составления данного отчета ожидалась передача проекта Уголовного кодекса на рассмотрение в Олий Мажлис, нижнюю палату парламента Узбекистана. Президент подписал новый закон о вероисповедании, который вступил в силу в июле 2021 г. Несмотря на то, что новый закон о вероисповедании и проект Уголовного кодекса содержат некоторые небольшие улучшения¹³³, в них были сохранены многие положения, нарушающие права на свободу вероисповедания, слова и объединений, в частности право придерживаться религиозных убеждений и исповедовать их, свободу собраний и объединений, а также свободу выражения мнений, включая право на получение и распространение информации.¹³⁴

«ЭКСТРЕМИЗМ» И «ФУНДАМЕНТАЛИЗМ»

Статья 5 закона о вероисповедании 1998 г. криминализирует так называемый «религиозный экстремизм», «сепаратизм» и «фундаментализм»,¹³⁵ а п. 2 ст. 9 закона о вероисповедании 2021 г. Устанавливает, что государство «запрещает религиозный

фундаментализм и экстремизм, действия, направленных на противодействие и обострение отношений, а также разжигание вражды между различными конфессиями». Нигде в законодательстве Узбекистана нет четкого определения терминов «экстремистский» и «фундаменталистский», поэтому положения закона чрезвычайно расплывчаты и чрезмерно обширны. Опросы бывших и нынешних заключенных по религиозным и политическим мотивам показывают, что власти неоднократно использовали эти расплывчатые идеологические ярлыки для лишения свободы людей, взгляды которых правительство считает подрывными с религиозной или политической точек зрения.

В международном законодательстве нет единого определения «экстремизма», «насильственного экстремизма» и «фундаментализма».¹³⁶ Бюро демократических институтов и прав человека (БДИПЧ) Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Венецианская комиссия и другие международные организации выразили озабоченность по поводу того, что термины «экстремизм»/«экстремистский» и «фундаментализм» используются для обозначения правовых концепций и являются расплывчатыми и неточными, особенно в контексте уголовного законодательства.¹³⁷

На практике благодаря неопределенности этих терминов государства могут принимать крайне агрессивные, несоизмеримые и дискриминационные меры,¹³⁸ о чем свидетельствуют выводы международных механизмов мониторинга прав человека. Они указывают на существование в Узбекистане постоянных проблем, в

¹³¹ Однако анализ многочисленных случаев лишения независимых мусульман свободы показывает, что многие дела были сфальсифицированы для отправки этих людей в тюрьму даже за вновь совершенные правонарушения.

¹³² Republic of Uzbekistan, Draft Law on Freedom of Conscience and Religious Organizations [Республика Узбекистан, проект закона «О свободе совести и религиозных организациях»], 9 сентября 2020 г., [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDDL-REF\(2020\)065-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDDL-REF(2020)065-e).

¹³³ Например, некоторые повторные правонарушения в проекте закона о вероисповедании, все же преследуются в административном порядке.

¹³⁴ <https://www.osce.org/files/f/documents/3/0/467682.pdf>

¹³⁵ Статья 5, закон «О свободе совести и религиозных организациях», 1 мая 1998 г.

¹³⁶ Например, см. пп. 11 и 21 Тематического отчета за 2015 г. Специального докладчика ООН по вопросам продвижения и защиты прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом (далее — Специальный докладчик ООН по борьбе с терроризмом и правам человека), A/HRC/31/65, 22 февраля 2016 г., в которых отмечается, что «независимо от многочисленных инициатив по предотвращению насильственного экстремизма или его противодействия, общепринятого определения насильственного экстремизма не существует, и он остается «расплывчатой концепцией»».

¹³⁷ Например, см. пп. 12—14 Отчета Специального докладчика ООН по борьбе с терроризмом и правам человека за 2020 г. о влиянии на права человека политики и методов предотвращения насильственного экстремизма или его противодействия, 21 февраля 2020 г., A/HRC/43/46; пп. 10—11 Отчета о явлениях фундаментализма и экстремизма, подготовленного Специальным докладчиком ООН в области культурных прав, 16 января 2017 г., A/HRC/34/56; и п. 51 Отчета о миссии в Узбекистане за 2018 г. Специального докладчика ООН по вопросам свободы вероисповедания и убеждений, A/HRC/37/49/Add.2, 22 февраля 2018 г., где подчеркивается, что «использование в качестве уголовно-правовых категорий таких расплывчатых терминов, как «экстремизм» и «фундаментализм», несомненно с принципом правовой определенности и с упомянутыми основными правами». См. также в цитируемом документе сноску 18 на с. 31—32 и с. 35 (Руководство ОБСЕ/БДИПЧ по вопросам свободы религии или убеждений и безопасности, 2019 г.), в которой говорится, что «экстремизм» — это «неточный термин, не имеющий общепринятого определения, что дает возможность для его широкого и расплывчатого толкования и для произвольного применения закона»; пп. 13—16 Заключения ОБСЕ/БДИПЧ по закону Республики Молдова «О противодействии экстремистской деятельности» (30 декабря 2019 г.); пп. 12—16 Заключения ОБСЕ/БДИПЧ по закону Республики Узбекистан «О противодействии экстремизму» (22 ноября 2019 г.); пп. 21—24 Предварительного заключения ОБСЕ/БДИПЧ по проекту закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия экстремизму и терроризму» (6 октября 2016 г.); п. 30 Заключения Венецианской комиссии касательно Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности», CDL-AD(2012)016-e, 15—16 июня 2012 г. См. также пп. 100, 205 и 213 Руководящих принципов ОБСЕ/БДИПЧ по защите правозащитников (2014 г.); с. 21 и с. 31 Руководства ОБСЕ/БДИПЧ по разработке ответов на угрозы и вызовы, связанные с «иностранными боевиками-террористами», в контексте защиты прав человека, сентябрь 2018 г.; и подраздел 2.3.1. документа ОБСЕ «Предупреждение терроризма и противодействие насильственному экстремизму и радикализации, ведущим к терроризму: подход, основанный на взаимодействии полиции с населением» (2014 г.).

¹³⁸ См. также п. 19 Отчета Специального докладчика ООН по борьбе с терроризмом и правам человека для Комиссии ООН по правам человека, UN Doc. A/HRC/40/52, 1 марта 2019 г.

частности связанных с обвинениями в так называемом «экстремизме» и последствиями для прав на свободу вероисповедания или убеждений, выражения мнений, объединения и мирных собраний, а также со случаями незаконных арестов, задержаний, пыток и другим форм жестокого обращения.¹³⁹ Несколько международных органов рекомендовали воздерживаться от принятия правовых или иных мер, основывающихся на таких понятиях, как «экстремизм» или «религиозный экстремизм», учитывая расплывчатость этих терминов и риск их неправомерного использования в крайне субъективных или дискриминационных целях.¹⁴⁰ Обширная и неточная формулировка этого положения дает слишком много полномочий властям, ответственным за его исполнение.

СТАТЬИ 244-1 И 244-2

Правозащитные группы и международные организации неоднократно призывали Узбекистан внести поправки в положения Уголовного кодекса об экстремизме (нынешние статьи 244-1 и 244-2), которые после принятия в 1998 и 1999 гг. стали основой репрессий против независимых мусульман и использовались для криминализации мирного инакомыслия и свободы вероисповедания и убеждений. Однако предлагаемые в настоящее время поправки к Уголовному кодексу предусматривают изъятие из каждой статьи только ссылки на «религиозный» характер экстремизма. В остальном они полностью сохраняют прежние положения и не дают четкого определения «экстремизма».

Сотни, а может, и тысячи нынешних заключенных по религиозным мотивам Узбекистана, особенно обвиненные в принадлежности к партии «Хизб ут-Тахрир», по-прежнему содержатся в местах лишения свободы на основании этих положений. Другие заключенные по религиозным мотивам, упомянутые в этом отчете, в частности Шахзоджон Зокиров, Алишер Касымов, Бахтиёр Турсунов, Убайдулла Муртазов, Азимжон Абдусаматов и Алишер Муминов, лишены свободы по ст. 244.1 или ст. 244.2, либо по обеим статьям. Статья 244-1 закрепляет ограничения, предусмотренные статьей 19 закона о вероисповедании 1998 г.¹⁴¹ Согласно этим положениям изготовление и хранение с целью распространения материалов, содержащих «идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма», считаются уголовным преступлением, предусматривающим наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет.¹⁴² За распространение литературы, подпадающей под одну из этих категорий, суд может приговорить к пяти годам заключения. Лишение свободы на срок до восьми лет предусмотрено при наличии отягчающих обстоятельств, например, в случае распространения указанных выше материалов по сговору группы лиц, при использовании лицом своего служебного положения или финансовой помощи религиозной организации, иностранного государства, физического лица или группы лиц.¹⁴³ Однако соответствующие термины и формулировки в законодательстве Узбекистана отсутствуют.

Что еще сложнее и составляет более серьезную проблему, усугубляющей используемый правительством подход

¹³⁹ См. пп. 20—21 и п. 42 Заключительных замечаний по пятому периодическому докладу Узбекистана, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, 1 мая 2020 г., ССРР/С/УЗВ/СО/5; пп. 98 и 101 Отчета о миссии в Узбекистане за 2018 г. Специального докладчика ООН по вопросам свободы вероисповедания и убеждений, А/НRC/37/49/Add.2, 22 февраля 2018 г.; и Отчет Рабочей группы Генеральной Ассамблеи ООН по универсальному периодическому обзору Узбекистана, А/НRC/39/7 (9 июля 2018 г.).

¹⁴⁰ Например, см. в цитируемом документе сноску 18 на с. 31—32 и с. 35 (Руководство ОБСЕ/БДИПЧ по вопросам свободы религии или убеждений и безопасности, 2019 г.); и п. 52(b) Отчета Специального докладчика ООН по борьбе с терроризмом и правам человека за 2020 г. о влиянии на права человека политики и методов предотвращения насильственного экстремизма или его противодействия, 21 февраля 2020 г., А/НRC/43/46. Использование терминов «экстремизм» и «фундаментализм» может существенно усилить государственный контроль над религиозными общинами или сообществами, придерживающимися определенных убеждений, и криминализировать их абсолютно законные действия. См. также п. 152 Замечаний Специального докладчика ООН по вопросам свободы вероисповедания и убеждений, E/CN.4/2005/61/Add.1; и п. 14 Совместного заключения ОБСЕ/БДИПЧ о свободе совести и религиозных организациях в Республике Кыргызстан, CDLAD(2008)032-e.

¹⁴¹ Статья 19 закона «О свободе совести и религиозных организациях» гласит, что лица, занимающиеся изготовлением, хранением и распространением материалов, в т. ч. печатных документов, видео- и аудиокассет, фильмов и фотографий, которые «содержат идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма», привлекаются к ответственности в соответствии с законом. Однако в законодательстве Узбекистана нет определения того, какая религиозная литература считается «экстремистской» или «фундаменталистской», что делает законные положения чрезвычайно расплывчатыми и обширными. Опросы бывших и нынешних заключенных по политическим и религиозным мотивам показывают, что власти использовали эти расплывчатые идеологические ярлыки, чтобы лишить свободы и заставить замолчать многих людей, взгляды которых правительство считало подрывными.

¹⁴² Статья 244-1 гласит: «Изготовление или хранение с целью распространения материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, призывы к погромам или насильственному выселению граждан либо направленных на создание паники среди населения, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия...» предусматривает наказание в виде штрафа до 50 минимальных размеров заработной платы или лишения свободы сроком до трех лет. Между тем, «изготовление или хранение с целью распространения материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, призывы к погромам или насильственному выселению граждан либо направленных на создание паники среди населения», а также использование религии в целях нарушения согласия среди населения, распространения клеветы, дестабилизации ситуации путем обмана, а также совершение других действий, направленных против установленных правил поведения в обществе и общественной безопасности», наказываются лишением свободы сроком до пяти лет. Лица, обвиняемые в совершении указанных выше правонарушений при отягчающих обстоятельствах — «по предварительному сговору или в составе группы, используя свое служебное положение или при финансовой или иной материальной помощи религиозной организации или иностранного правительства, организации или гражданина» — могут быть приговорены к восьми годам тюремного заключения. Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» от 1 мая 1998 г.

¹⁴³ Поправки 1998 г. к Уголовному кодексу также содержали новую формулировку, запрещающую ввоз литературы, «пропагандирующей религиозный экстремизм, сепаратизм и фундаментализм». Такие материалы квалифицировались как контрабанда, и за их ввоз устанавливалось наказание в виде лишения свободы сроком до десяти лет. Статья 246 Уголовного кодекса в редакции 1998 г.

к предотвращению насильственного экстремизма, это то, что в ст. 244-1 не проводится различие между мирным выражением «фундаменталистских» идей и прямым призывом к насилию. Например, эта статья объединяет упомянутые выше концепции с «призывами к кровопролитию или насильственному выселению граждан» и материалами, призванными «посеять панику». Вводящее в заблуждение смешение двух разных формулировок связывает термин «фундаментализм» с призывами к насилию, фактически очерняя определенные религиозные идеи и группы.¹⁴⁴

Статья 244-2, в которой вновь используется неопределенный термин «экстремистский», устанавливает более строгое уголовное наказание за членство в определенных группах: «За создание религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или других запрещенных организаций, руководство их деятельностью или участие в ней предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества».¹⁴⁵ Если эти действия приводят к «серьезным последствиям», наказание составляет лишение свободы сроком от 15 до 20 лет. Максимальная длительность этого приговора в сочетании с обвинением, предусмотренным ст. 216, которая запрещает участие в незаконной религиозной организации, составляет 20 лет лишения свободы. По сути, это означает, что человек совершает уголовное преступление, если он разделяет с другими определенную совокупность запрещенных идей. Проект Уголовного кодекса содержит заметные улучшения в том, что касается исключения из списка преступлений «незаконного изготовления, хранения, ввоза или распространения религиозных материалов» (действующая ст. 244-3), однако это положение сохранено в Административном кодексе.

Помимо статей 244-1, 244-2 и других поправок, внесенных в 1998 и 1999 гг., в целях судебного преследования и лишения независимых мусульман свободы на длительные сроки власти широко использовали положения об «антиконституционной» деятельности (ст. 159), которая иногда именуется подрывной деятельностью, а также об организации

преступной группы (ст. 242), а иногда и о разжигании национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 156).

СТАТЬЯ 159: ПОПЫТКИ СВЕРЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Помимо ст. 244 Уголовного кодекса, по которой в Узбекистане приговариваются большинство заключенных по религиозным и политическим мотивам, есть ст. 159 «Посягательства на конституционный строй Республики Узбекистан» о действиях, которые также иногда именуется подрывной или антиконституционной деятельностью. С тех пор, как Уголовный кодекс пополнился ст. 159, суды Узбекистана годами систематически использовали это положение для лишения свободы предполагаемых или реальных религиозных и политических оппонентов властей.¹⁴⁶ К сожалению, оно также использовалось *после* прихода к власти президента Мирзиёева, например, в ходе судебного преследования журналиста Бобомурода Абдуллаева, что является свидетельством того, что службы безопасности Узбекистана по-прежнему наделены чрезмерно широкими полномочиями.¹⁴⁷

Статья 159 гласит: «Публичные призывы к неконституционному изменению существующего государственного строя, захвату власти или отстранению от власти законно избранных или назначенных представителей власти либо к неконституционному нарушению единства территории Республики Узбекистан, а равно изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов такого же содержания наказываются штрафом до пятидесяти минимальных размеров заработной платы или лишением свободы до трех лет».

Статья 159 предусматривает наказание до пяти лет лишения свободы за насильственные действия против «конституционных» властей. Однако в случае повторного совершения таких действий самостоятельно или в составе группы лиц гражданин может быть приговорен к тюремному заключению сроком до десяти лет. Особое значение имеют положения ст. 159 о заговоре,

¹⁴⁴ Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» от 1 мая 1998 г.

¹⁴⁵ В Уголовном кодексе Узбекистана предусмотрено несколько видов наказаний, включающих в себя конфискацию имущества. Исполнение такого приговора может повлечь за собой негативные последствия как для осужденного, так и для членов его семьи.

¹⁴⁶ В основном ст. 159 не применяется к верующим, обвиняемым в нарушениях, связанных с членством в партии «Хизб ут-Тахрир», при наличии так называемых «смягчающих обстоятельств». В частности, если лицо, обвиняемое в принадлежности к этой группе, утверждает, что оно стало ее членом «случайно», что на самом деле оно не является ее членом, или что оно прекратило посещать учебные заседания группы и не участвовало в распространении ее литературы, тогда это лицо может в некоторых случаях не подвергаться судебному преследованию по ст. 159 и обычно обвиняется по ст. 216, предусматривающей меньший максимальный срок тюремного заключения за членство в незаконной религиозной организации.

¹⁴⁷ “Uzbekistan: Prisoner of conscience freed after being sentenced to community service” [«Узбекистан: узник совести освобожден после того, как был приговорен к общественным работам»], Amnesty International, 7 мая 2018 г., <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2018/05/uzbekistan-prisoner-of-conscience-freed-after-being-sentenced-to-community-service/>.

предусматривающие наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет. Кроме того, как видно из рассматриваемых в этом отчете дел многочисленных верующих узников совести, любой призыв к созданию Исламского государства, включая пропаганду группы «Хизб ут-Тахрир» за восстановление халифата, даже при отсутствии каких бы то ни было угроз и насильственных действий, карается по ст. 159. Значительное количество заключенных по религиозным мотивам в Узбекистане, включая 81 человека, о котором идет речь в этом отчете, оставались за решеткой в течение двух или более десятилетий именно из-за положений ст. 159 о сговоре или рецидивизме. Например, заключенные по религиозным мотивам Аваз Тохтаходжаев и Тохир Джуманов, истории которых изложены в этом отчете, в настоящее время находятся в заключении по предусмотренным ст. 159 обвинениям в предполагаемом членстве в партии «Хизб ут-Тахрир».

За последние два десятилетия власти часто использовали ст. 159 для преследования граждан за обсуждение идеи построения общества в соответствии с исламскими принципами. Статья 159 позволяет неверно истолковывать дискуссии между людьми как «публичные призывы к захвату власти», что нарушает гарантии права на свободное выражение мнений, установленные МПГПП (ст. 19 МПГПП). Ни в ст. 159, ни в ст. 244-1 УК нет четкого различия между *фактическими* насильственными действиями и призывами к насилию. Первые являются уголовным преступлением, а мирное выражение мнений и взглядов должно быть декриминализовано.

СТАТЬЯ 216: СОЗДАНИЕ НЕЗАКОННОЙ ИЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Статья 216 предусматривает уголовную ответственность за создание незаконных общественных объединений или религиозных организаций, а также за активное участие в их деятельности (до пяти лет лишения свободы). Согласно этому положению, незарегистрированные группы или неформальные сообщества, члены которых регулярно встречаются для обсуждения религиозных вопросов, считаются незаконными. По формальным признакам, ст. 216 нарушает право на свободу мысли, совести и вероисповедания,

мирных собраний и объединений (статьи 18, 21 и 22 МПГПП). В проекте Уголовного кодекса Узбекистана изъятые положения о том, что «нарушение закона о религиозных организациях» (действующая ст. 216-2) и «нарушение правил преподавания религиозного учения» (действующая ст. 229-2) являются преступлениями, однако эти действия все равно считаются правонарушениями в соответствии с Административным кодексом.

СТАТЬЯ 242: ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

Помимо ст. 216, власти широко использовали схожую ст. 242, которая предусматривает наказание за «организацию преступной группы». Создание «преступного общества или группы» либо руководство их деятельностью квалифицируются как преступление против национальной безопасности и влекут за собой наказание в виде лишения свободы сроком до 20 лет.

СТАТЬЯ 156: РАЗЖИГАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ, РАСОВОЙ ИЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ ВРАЖДЫ

Статья 156 в целом применяется реже, чем статьи 159, 244, 242 и 216, но довольно часто для осуждения лиц по религиозным мотивам. Это законоположение запрещает разжигание национальной (этнической), расовой или религиозной вражды¹⁴⁸ и предусматривает за это деяние наказание в виде тюремного заключения сроком на пять лет.¹⁴⁹ Кроме того, за совершение этого действия группой лиц или по сговору с ней либо при иных отягчающих обстоятельствах лицо возможно лишение свободы сроком до десяти лет.

Как и в случае статей, о которых речь идет в предыдущих разделах, власти широко применяют ст. 156 к владению или распространению запрещенной литературы, квалифицируя некоторые материалы как порочащие честь группы или отдельного человека, несмотря на то что эти понятия не имеют четкого определения, что предоставляет государству обширные возможности для произвольного применения этого положения. Правительство предъявило обвинения и осудило по этой статье многих независимых мусульман,

¹⁴⁸ Часть этого обвинения о религиозной вражде квалифицируется как имеющая отношение к законодательству о богохульстве, которое, по заявлениям USCIRF и других ведущих органов по вопросам свободы вероисповедания, нарушает международные стандарты прав человека, зачастую имеет расплывчатую формулировку и предлагает широкие возможности для злоупотреблений, поскольку неправомерно наделяет правительства статусом властителей истины в последней инстанции или религиозных доктрин, которые несоразмерно используются против религиозных меньшинств или лиц, не разделяющих мнение большинства, и обычно влекут за собой безжалостные наказания. См. "Selected Blasphemy Cases" [Подборку дел о богохульстве], USCIRF, сентябрь 2017 г., <https://www.uscirf.gov/publications/selected-blasphemy-cases>.

¹⁴⁹ Помимо криминализации действий, напрямую нарушающих права других лиц или приводящих к причинению им физического вреда, ст. 156 предусматривает следующее: «Умышленные действия, унижающие национальную (этническую) честь и достоинство, оскорбляющие чувства граждан в связи с их религиозным (или атеистическим) убеждением, совершенные с целью возбуждения вражды, нетерпимости или розни... наказываются лишением свободы до пяти лет».

в т. ч. предполагаемых или фактических членов партии «Хизб ут-Тахрир», преследуя их за обмен мнениями, в частности в поддержку халифата.

Примером применения обвинений по этой статье является нынешний заключенный по религиозным мотивам 57-летний Усман Дарвышов, история которого упоминается в этом отчете. Житель г. Намангана и набожный мусульманин, Дарвышов работал в спортивной школе тренером по боксу. 18 февраля 2009 г. по пути домой он был задержан сотрудниками служб безопасности Узбекистана. Изначально он был обвинен в «мелком хулиганстве» и лишен свободы сроком на 15 суток в рамках административного задержания. В период задержания сотрудники служб безопасности держали его под стражей в СИЗО Наманганской области, где дополнительно предъявили Дарвышову сфальсифицированные обвинения в «разжигании национальной, расовой, национальной и религиозной ненависти» (ст. 156), «попытках свержения конституционного строя» (ст. 159), «организации преступной группы» (ст. 242), а также в «создании религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или других запрещенных организаций, руководстве их деятельностью или участии в ней» (ст. 244-2).

Сын Дарвышова Умархон Йокубжонов показал, что, пока его отец находился под стражей, сотрудники служб безопасности, в частности офицер по имени Шохназар, пытали Дарвышова с целью получения от него ложного признания. По итогам закрытого судебного процесса, которое не соответствовало международным стандартам справедливого судебного разбирательства, Дарвышов был приговорен к 16 годам лишения свободы. В 2018 г., отсидев девять лет в колонии в г. Карши, Дарвышов был переведен в открытую колонию-поселение. Дарвышов должен быть незамедлительно выпущен на свободу.

ОБВИНЕНИЯ В НЕЗАКОННОМ ХРАНЕНИИ НАРКОТИКОВ И ОРУЖИЯ

Исследования показывают, что многие нынешние заключенные по религиозным мотивам Узбекистана были осуждены по описанным выше религиозно-политическим обвинениям в сочетании с неполитическими или менее серьезными преступлениями, которые были сфабрикованы. Правоохранительные органы или службы безопасности часто использовали такие обвинения для увеличения срока тюремного заключения, дискредитации задержанного или иного отвлечения внимания от реального религиозного или политического мотива обвинения. В числе наиболее распространенных обвинений в делах заключенных по религиозным мотивам, изученных при подготовке этого отчета и не имеющих доказательств вины осужденного, незаконное хранение наркотиков (статьи 273 и 276 УК) или незаконное хранение оружия или боеприпасов (ст. 248 УК). Яркими примерами использования этого приема властями являются дела нынешних заключенных по религиозным мотивам Джамшидбека Ибойдуллаевича Атабекова и Иброхима Хакимовича Асронкулова, обвиненных, среди прочего, по ст. 276.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Этот отчет подготовлен Стивом Свердловым (Steve Swerdlow), адвокатом по правам человека, доцентом практики в области прав человека факультета политологии и международных отношений Университета Южной Калифорнии. Редакторами отчета являются старший политический обозреватель Кили Баккен (Keely Bakken), политический обозреватель Джон Лехнер (John Lechner), директор по исследованиям и вопросам политики Элизабет Кэссиди (Elizabeth Cassidy), и аналитик в области надзорной политики Комиссии США

по вопросам международной свободы вероисповедания (USCIRF) Курт Вертмюллер (Kurt Werthmuller). Ценную помощь в проведении исследования также оказал кандидат наук Университета Южной Калифорнии Пол Родригес-Антер (Paul Rodriguez-Anter). Автор благодарит многих родственников нынешних заключенных по религиозным мотивам, бывших заключенных по религиозным мотивам, правозащитников, адвокатов и других экспертов, которые предоставили столь важную информацию.

ОБ АВТОРЕ

Стив Свердлов является доцентом практики в области прав человека факультета политологии и международных отношений Университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, штат Калифорния. Адвокат по правам человека и эксперт по постсоветскому региону, Свердлов был старшим исследователем по Центральной Азии в Human Rights Watch, руководил работой организации по Узбекистану и Таджикистану и основал ее местное представительство в Кыргызстане. Свердлов преподавал курс теории прав человека, будучи доцентом Вебстерского университета в Ташкенте и работал консультантом в Программе развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Международной организации труда (МОТ). Ранее Свердлов был научным сотрудником программы Государственного департамента США Emerging Leaders in Public Service в России, был наблюдателем в составе Объединения комитетов в защиту евреев в бывшем СССР (Union of Councils for Soviet Jews, UCSJ) за соблюдением прав человека на

Южном Кавказе, в частности в Армении, Азербайджане и Грузии, а также работал наблюдателем в Международной организации по миграции (МОМ) в России. Свердлов занимался юридической практикой в Сан-Франциско в фирме Lief Cabraser Heimann & Bernstein, LLP и был секретарем почетного судьи Дина Преджерсона (Dean Pregerson) Окружного суда США в Центральном округе Калифорнии. Свердлов регулярно публикует материалы по вопросам прав человека в Евразии и внешней политике США. Свердлов имеет степень доктора права юридического факультета Калифорнийского университета в Беркли и степень магистра международных отношений факультета международных и общественных отношений (School of International and Public Affairs (SIPA)) Колумбийского университета, а также диплом специалиста по исследованиям постсоветского региона Института им. У. Гарримана (Harriman Institute).

ПРИЛОЖЕНИЕ А. СПИСОК ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УЗБЕКИСТАНА

НАЗВАНИЯ И МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ (ИК) И КОЛОНИЙ-ПОСЕЛЕНИЙ (КП)

Главное управление исполнения наказаний — Министерство внутренних дел Узбекистана (предоставлен автору отчета в декабре 2020 г.)

№	Название учреждения	Местоположение
Исправительные колонии		
1.	ИК № 1	Каганский район, Бухарская область
2.	ИК № 2	г. Карши, Кашкадарьинская область
3.	ИК № 3	г. Карши, Кашкадарьинская область
4.	ИК № 4	г. Навои, Навоийская область
5.	ИК № 5	г. Кызылтепа, Навоийская область
6.	ИК № 6	Папский район, Наманганская область
7.	ИК № 7	Бостанлыкский район, Ташкентская область
8.	ИК № 10	Касанский район, Кашкадарьинская область
9.	ИК № 11	г. Навои, Навоийская область
10.	ИК № 12	г. Зарафшан, Навоийская область
11.	ИК № 13	г. Чирчик, Ташкентская область
12.	ИК № 14	г. Алмалык, Ташкентская область
13.	ИК № 17	Караулбазарский район, Бухарская область
14.	ИК № 20	г. Каган, Бухарская область
15.	ИК № 21	Зангиотинский район, Ташкентская область
16.	ИК № 22	Зангиотинский район, Ташкентская область
17.	Специализированная больница для заключенных № 23	Яшнабадский район, г. Ташкент
18.	Воспитательная колония № 24	Зангиотинский район, Ташкентская область

№	Название учреждения	Местоположение
Открытые колонии-поселения		
19.	КП № 27	Кунградский район, Республика Каракалпакстан
20.	КП № 28	Кунградский район, Республика Каракалпакстан
21.	КП № 29	г. Джизак, Джизакская область
22.	КП № 30	Зафарабадский район, Джизакская область
23.	КП № 31	Зафарабадский район, Джизакская область
24.	КП № 32	Мубарекский район, Кашкадарьинская область
25.	КП № 33	Мубарекский район, Кашкадарьинская область
26.	КП № 34	Камашинский район, Кашкадарьинская область
27.	КП № 35	г. Карши, Кашкадарьинская область
28.	КП № 36	г. Зарафшан, Навоийская область
29.	КП № 37	Пастдаргомский район, Самаркандская область
30.	КП № 38	г. Самарканд, Самаркандская область
31.	КП № 39	Сардобинский район, Сырдарьинская область
32.	КП № 40	Гулистанский район, Сырдарьинская область
33.	КП № 41	Шерабадский район, Сурхандарьинская область
34.	КП № 42	Зангиотинский район, Ташкентская область
35.	КП № 43	г. Бука, Ташкентская область
36.	КП № 44	г. Ахангаран, Ташкентская область
37.	КП № 45	г. Алмалык, Ташкентская область
38.	КП № 46	Зангиотинский район, Ташкентская область
39.	КП № 47	Юкоричирчикский район, Ташкентская область
40.	КП № 48	Ахангаранский район, Ташкентская область
41.	КП № 49	г. Алмалык, Ташкентская область
42.	КП № 50	Пскентский район, Ташкентская область
43.	КП № 51	Яшнабадский район, г. Ташкент

ПРИЛОЖЕНИЕ В. СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ОБЪЯВЛЕННЫХ В УЗБЕКИСТАНЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ ИЛИ ЗАПРЕЩЕННЫМИ

На основании Решения Верховного суда Узбекистана от 26 сентября 2016 г. перечисленные ниже организации признаны террористическими группами, или их деятельность в Узбекистане запрещена.¹⁵⁰

- Акромия
- Исламское движение Туркестана
- Исламский джихад
- Хизб ут-Тахрир
- Аль-Джихад
- Аль-Каида
- Всемирный фонд Джихада
- Братья-мусульмане
- Таблиги Джамаат
- Джамаат-э-Ислами-и-Пакистан
- Организация освобождения Восточного Туркестана
- Исламское движение Восточного Туркестана
- Серые волки (Боз гурд)
- Абу Сайяф
- Джамиат Улема-э-Ислам
- Исламское государство
- Таухид валь-Джихад
- Катиба Имама аль-Бухари
- Джамаат э-Насрулла
- Джебхат ан-Нусра
- Джихадисты
- Нурчилар

Примечание. Только некоторые из этих организаций отнесены правительством США к категории иностранных террористических организаций (ИТО), включая Абу Сайяф, Аль-Каиду, ИДУ, ИГИЛ, Джебхат ан-Нусру и т. д. <https://www.state.gov/foreign-terrorist-organizations/>

¹⁵⁰ Список организаций, признанных террористическими и запрещенных в Республике Узбекистан Решением Верховного суда Республики Узбекистан от 26 сентября 2016 г., Link available upon request.

ПРИЛОЖЕНИЕ С. АНКЕТА, НАПРАВЛЕННАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ КОМПЕТЕНТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ УЗБЕКИСТАНА

1. Новостные репортажи за 2019 г. свидетельствуют о том, что правительство сделало эту информацию общедоступной. Прошу сообщить общее количество заключенных, которые содержатся в пенитенциарных учреждениях Узбекистана.
2. Новостные репортажи за 2019 г. свидетельствуют о том, что правительство сделало эту информацию общедоступной. Прошу сообщить количество исправительных колоний и колоний-поселений в Узбекистане и их названия.
3. Новостные репортажи за 2019 г. свидетельствуют о том, что правительство сделало эту информацию общедоступной. Прошу сообщить общее количество заключенных Узбекистана, осужденных по указанным ниже статьям, а также количество заключенных, осужденных отдельно по каждой статье:
  - a. Статья 155
  - b. Статья 156
  - c. Статья 157
  - d. Статья 158
  - e. Статья 159
  - f. Статья 216
  - g. Статья 216.1
  - h. Статья 216.2
  - i. Статья 221(b)
  - j. Статья 223
  - k. Статья 242
  - l. Статья 244
  - m. Статья 244.1
  - n. Статья 244.2
4. Прошу сообщить общее количество заключенных, лишенных свободы по статьям, перечисленным в вопросе № 3, которые были освобождены с сентября 2016 г. в результате амнистии, оправдания, помилования или на ином основании.
5. Прошу сообщить имена и фамилии всех заключенных, лишенных свободы по статьям, перечисленным в вопросе № 3, которые были освобождены с сентября 2016 г. в результате амнистии, оправдания, помилования или на ином основании.
6. Прошу сообщить название государственного учреждения, составляющего рекомендации для Аппарата Президента касательно освобождения, помилования или амнистии заключенных.

Комиссия USCIRF будет очень признательна, если полные ответы на указанные выше вопросы будут предоставлены в максимально сжатые сроки, поскольку эта информация имеет прямое отношение к составлению ежегодного отчета USCIRF о свободе вероисповедания. Искренне благодарю за Вашу помощь.

PROFESSIONAL STAFF

СПЕЦИАЛИСТ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ	Danielle Ashbahian
ДИРЕКТОР ПО РАБОТЕ С НАСЕЛЕНИЕМ И ПОЛИТИКЕ	Dwight Bashir
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК	Susan Bishai
ДИРЕКТОР ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ И ПОЛИТИКЕ	Elizabeth K. Cassidy
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК	Mingzhi Chen
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК	Patrick Greenwalt
СПЕЦИАЛИСТ ПО КОММУНИКАЦИЯМ	Gabrielle Hasenstab
ДИРЕКТОР ПО ФИНАНСАМ И ОПЕРАЦИЯМ	Roy Haskins
ДИРЕКТОР ПО ПЕРСОНАЛУ	Thomas Kraemer
АНАЛИТИК ПО ВОПРОСАМ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ	Kirsten Lavery
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК	John Lechner
СТАРШИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК	Niala Mohammad
СТАРШИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК	Jason Morton
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК	Mohyeldin Omer
СПЕЦИАЛИСТ ПО СОСТАВЛЕНИЮ СПИСКОВ ЖЕРТВ И РАБОТЕ С НАСЕЛЕНИЕМ	Dylan Schexnaydre
СОВЕТНИК ПО ВОПРОСАМ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ	Jamie Staley
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ	Zack Udin
СПЕЦИАЛИСТ ПО СВЯЗЯМ С КОНГРЕССОМ И РАБОТЕ С НАСЕЛЕНИЕМ	Nina Ullom
ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК	Madeline Velturo
АНАЛИТИК ПО ВОПРОСАМ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ	Scott Weiner

